

ISSN 2224-1620

16+

СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

№ 3(37)
2019

СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

SIMBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL
VESTNIK

№ 3(37)
2019

Учредитель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
(Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-44563 от 15.04.2011)
ISSN 2224-1620

Распространяется на территории
Российской Федерации.
Подписной индекс
Объединенного каталога
«Пресса России» 83668

Цена свободная

Основан в 2010 году.
Выходит 4 раза в год

Очередной номер журнала
можно приобрести в редакции

Редакционная группа

Соловьева Л. Г., Петрова Г. И.,
Пенькова Н. В.

Адрес редакции

Россия, 432017, г. Ульяновск,
ул. Л. Толстого, 42
Тел.: 8(8422)42-61-07
E-mail: Simbvest@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен
и тираж отпечатан
в Издательском центре
Ульяновского государственного
университета
Россия, 432017, г. Ульяновск,
ул. Л. Толстого, 42

Подписано в печать 17.09.2019.
Дата выхода в свет 19.09.2019.
Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 12,5.
Тираж 2000 экз. Заказ 87

Главный редактор

Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор

Зам. главного редактора

Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент

Ответственный секретарь

Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор, Ульяновский государственный университет — главный редактор

Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент, Ульяновский государственный университет — зам. главного редактора

Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, доцент, Ульяновский государственный университет — ответственный секретарь

Борисова Светлана Александровна — доктор филологических наук, профессор, Ульяновский государственный университет

Бажанов Валентин Александрович — доктор философских наук, профессор, Ульяновский государственный университет

Беспалова Марина Павловна — кандидат юридических наук, доцент, Ульяновский государственный университет

Костишко Борис Михайлович — доктор физико-математических наук, профессор, Ульяновский государственный университет

Комадорова Ирина Владимировна — доктор философских наук, профессор, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета (Набережные Челны)

Романов Валерий Васильевич — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, Ульяновский государственный университет

Точеный Дмитрий Степанович — доктор исторических наук, профессор, Ульяновский государственный университет

Фефилов Александр Иванович — доктор филологических наук, профессор, Ульяновский государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Список редколлегии по специальности 13.00.00

Щелина Тамара Тимофеевна (13.00.08) — доктор педагогических наук, профессор, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Масалимова Альфия Рафисовна (13.00.08) — доктор педагогических наук, профессор кафедры дошкольного и начального образования, Институт психологии образования Казанского федерального университета

Шмелёва Наталья Борисовна (13.00.08) — доктор педагогических наук, профессор, Ульяновский государственный университет

Донина Ольга Ивановна (13.00.01) — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики, Ульяновский государственный университет

Булынин Александр Михайлович (13.00.01) — доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности, Ульяновский государственный университет

Митина Ирина Дмитриевна (13.00.01) — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики, Ульяновский государственный университет

Бережная Мария Сергеевна (13.00.02) — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

Список редколлегии по специальности 12.00.00

Морозов Сергей Юрьевич (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, Ульяновский государственный университет; заслуженный юрист Ульяновской области; почетный профессор Чженчжоуского университета (КНР)

Волков Александр Викторович (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Ульяновский государственный университет

Тужилова-Орданская Елена Марковна (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, Башкирский государственный университет

Лескова Юлия Геннадьевна (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)

Зайцев Олег Александрович (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства, судостроительства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; заслуженный деятель науки РФ

Гриненко Александр Викторович (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации

Григорьев Виктор Николаевич (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Ульяновский государственный университет

Абшилава Георгий Валерьевич (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Ульяновский государственный университет

Список редколлегии по специальности 19.00.00

Акопов Гарник Владимирович (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет; председатель Самарского регионального отделения Российского психологического общества; член Международной академии психологических наук; член Академии социальных и педагогических наук

Белинская Елена Павловна (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; член Европейской ассоциации социальной психологии (EASP)

Леонов Николай Ильич (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор, Институт педагогики, психологии и социальных технологий Удмуртского государственного университета (г. Ижевск)

Овсяник Ольга Александровна (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, Московский государственный областной университет

Рюмина Любовь Ивановна (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и психологии личности, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)

Арпентьева Марьям Равильевна (19.00.05) — доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естествознания (РАЕ), академик Международной академии естествознания (МАЕ), профессор кафедры психологии развития и образования, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского (г. Калуга)

Ефимова Ольга Ильгамовна (19.00.05) — кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Центр защиты прав и интересов детей (г. Москва)

Вержибок Галина Владиславовна (19.00.07) — кандидат психологических наук, доцент, Минский государственный лингвистический университет

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

7

Булынин А. М.

ВОСПИТАНИЕ У БУДУЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ ГУМАННОГО ОТНОШЕНИЯ К ГРАЖДАНАМ, НАХОДЯЩИМСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ.....7

Калинина Н. В.

АГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ИНТЕРНЕТ-РИСКИ КАК ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ..... 13

Мартыненко А. В.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОФЕССИИ 19

Михайлина И. А., Солодовникова К. Д.

МОЛОДЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ 25

Ощепков А. А., Ефимова О. И.

СУИЦИДАЛЬНЫЙ РИСК В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: СТРУКТУРА ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ 30

Ощепков А. А., Пискунова Е. Н., Салахова В. Б.

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ЛИЧНОСТИ, СКЛОННОЙ К СУИЦИДАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ 37

Урунова Р. Д.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В СИСТЕМЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....45

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

50

Медведев Е. В.

ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 50

Ракитина Л. Н.

МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ КАК НЕПОИМЕНОВАННЫЙ КОМПЛЕКСНЫЙ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ДОГОВОР СМЕШАННОГО ТИПА 56

Сидакова А. А.

ЛОЖНОЕ СООБЩЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН..... 62

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

67

Панферов В. П.

ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ В УПРАВЛЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ ИННОВАЦИОННО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ 67

Романова А. В., Курушина Д. Е.

Р2Р-КРЕДИТОВАНИЕ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ФИНАНСИРОВАНИЯ 73

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

78

Митина И. Д.

ТРАДИЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ 78

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

86

Волкова А. Ю., Каленик Е. Н.

СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА РЫНКЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ

КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА 86

Кузьмина (Старкова) Е. В.

ДОСУГ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ: МЕСТА ПРОВЕДЕНИЯ И ДОСУГОВЫЕ ПРАКТИКИ 91

Федулова А. В.

ЭВОЛЮЦИЯ ОПЕК В ПЕРИОД НЕФТЯНОГО КРИЗИСА 2014—2016 ГГ.

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ 99

ИНФОРМАЦИЯ

104

Наши авторы

104

Правила представления и оформления рукописей статей авторами
для публикации в журнале «СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК»

107

CONTENTS

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS	7
Bulynin A. M. FOSTERING IN FUTURE SOCIAL WORKERS HUMANE ATTITUDE TOWARDS CITIZENS IN DIFFICULT LIFE SITUATIONS.....	7
Kalinina N. V. AGGRESSIVE BEHAVIOR AND INTERNET RISKS AS FACTORS OF THE FORMATION OF THE DEVIANT BEHAVIOR OF MINORS	13
Martynenko A. V. UNIVERSITY TEACHER: MODERN CHALLENGES, INCONSISTENCY AND PROSPECTS OF THE PROFESSION	19
Mikhailina I. A., Solodovnikova K. D. YOUNG SPECIALISTS AS A SPECIFIC CATEGORY OF LABOR RESOURCES	25
Oschepkov A. A., Efimova O. I. RISK OF SUICIDALITY IN THE YOUTH ENVIRONMENT: THE STRUCTURE OF THE VALUE-MOTIVATIONAL SPHERE OF THE PERSONALITY	30
Oschepkov A. A., Piskunova E. N., Salakhova V. B. FEATURES OF PERSONALITY HARDINESS OF YOUTH PRONE TO SUICIDE BEHAVIOR	37
Urunova R. D. PROBLEMS OF TEACHING RUSSIAN LANGUAGE IN THE SYSTEM OF NATIONAL EDUCATION	45
JURISPRUDENCE	50
Medvedev E. V. PROSPECTS OF DECRIMINALIZATION OF CRIMES IN THE FIELD OF ECONOMIC ACTIVITY.....	50
Rakitina L. N. SETTLEMENT AGREEMENT IN THE RUSSIAN CIVIL PROCESS AS A NON-DEFINED COMPLEX CIVIL CONTRACT OF MIXED TYPE	56
Sidakova A. A. FALSE REPORT ABOUT A CRIME AS CRIMINAL PHENOMENON	62
ECONOMICS AND MANAGEMENT	67
Panferov V. P. FEATURES OF FINANCIAL INCENTIVES IN THE MANAGEMENT OF HUMAN CAPITAL OF INNOVATION-ORIENTED ENTERPRISE	67
Romanova A. V., Kurushina D. E. P2P-LENDING AS AN ALTERNATIVE FINANCING INSTRUMENT	73
PHILOSOPHY AND CULTUROLOGY	78
Mitina I. D. TRADITIONS AND DIRECTIONS OF THE PHILOSOPHY OF EDUCATION IN MODERN HUMANITARIAN KNOWLEDGE	78
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE	86
Volkova A. Yu., Kalenik E. N. BALANCE OF SUPPLY AND DEMAND IN THE LABOR MARKET AS A FACTOR OF THE EFFECTIVE DEVELOPMENT OF THE STATE	86

Kuzmina (Starkova) E. V.

LEISURE OF YOUNG WORKERS: VENUES AND LEISURE PRACTICES 91

Fedulova A. V.

OPEC EVOLUTION IN THE PERIOD OF OIL CRISIS 2014—2016.

FEATURES OF INTRAREGIONAL INTERACTION 99

INFORMATION**104****Our authors****104****Rules of representation and registration of mounting of articles by authors
for publication in the "SIMBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL VESTNIK"****107**

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

А. М. Булынин

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
abulinin@mail.ru

**ВОСПИТАНИЕ У БУДУЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ
ГУМАННОГО ОТНОШЕНИЯ К ГРАЖДАНАМ,
НАХОДЯЩИМСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ**

Статья посвящена проблеме воспитания гуманного отношения у будущих социальных работников к людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации. В ней с аксиологических позиций дана сущностно-содержательная характеристика феномена гуманизма, раскрыто понятие «отношения», обоснована необходимость воспитания гуманистических качеств у студентов на основе отечественного духовно-нравственного опыта. В пространстве гуманного отношения устанавливается валентность имеющегося предмета или его качеств для конкретного субъекта деятельности с точки зрения того, насколько этот предмет способен удовлетворять актуализированную потребность. Вследствие чего можно сказать, что субъективное ощущение фиксирует не столько сам факт возникновения гуманного отношения между социальным работником и клиентом социального учреждения, сколько квалиметрическую составляющую этого отношения, которое фиксируется в сознании в виде оценки уровня этого качества. Наиболее концентрированно сущностные характеристики феномена «гуманное отношение» представлены в структурном новообразовании, отражающем когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты личности, включающие в себя, помимо специализированных компетентностей как таковых, гуманное сопровождение конкретного профессионального поведения. Прежде чем совершить какой-либо поступок, личность вырабатывает план будущего действия, объединяющего в себе его источник, цель деятельности и средства ее достижения. В проектировании адекватного шага доминирующее влияние оказывают ценностные предпочтения, отношения личности к разным событиям социальных сценариев, ее мнения о важности этих явлений. Обращение к истокам профессиональной подготовки социальных работников открывает вполне очевидные обстоятельства, не требующие специальной аргументации положение о том, что многое в воспитании студентов зависит от гуманистической позиции преподавателя, наставника, уровня его духовности, глубокой убежденности в необходимости следования вечным нравственным заповедям. В статье предложены приемы осуществления воспитательной работы в соответствии с принципами и идеями «школы диалога культур».

Ключевые слова: воспитание, гуманные отношения, будущие социальные работники, вуз, ценности, школа диалога культур, граждане, трудная жизненная ситуация, милосердие, нравственность, духовность.

Теория и практика профессиональной подготовки социальных работников в условиях вуза тесно переплетена с гуманистическими ценностями и традициями. Гуманизм выступает в качестве важнейшего духовного свойства интеллектуально развитой личности, которая выражает себя в коллективистских отношениях, про-

возглашающих ценность любого человека, его право на счастливую жизнь, совершенствование и реализацию способностей, а принципы справедливости, взаимоуважения, доброжелательности, сочувствия выступают общепризнанной нормой отношений между людьми. Нравственную основу гуманизма составляет безграничная

вера в возможности человека, его способности к самосовершенствованию, стремлению к счастью и свободе, защите интересов и достоинства личности, что должно быть главной целью современного общества. Гуманизм включает в себя такие ценности, как милосердие, чуткость, справедливость, терпимость, достоинство, трудолюбие, а термин «гуманность» отображает готовность помочь другим людям, оказывать им уважение, проявлять заботу и сочувствие. Весьма важным в данном контексте является понятие «гуманное отношение». С этой точки зрения наиболее глубоко раскрывается сущность гуманизма, который выступает высшим специфическим уровнем социальности личности.

Обзор научных публикаций показывает, что гуманность рассматривается как нравственно сформированное отношение к людям, понимание их абсолютной ценности, проявляющееся в чётком различении доброго и злого начал. Она образуется в совместной жизнедеятельности, в гармоничном взаимодействии с окружающей средой. Личность глубоко духовная позиционирует себя прежде всего в системе гуманистического мировоззрения. Анализ определений «гуманности», сформулированных различными авторами, позволяет сделать вывод о том, что основными характеристиками данного понятия являются любовь, чуткость, уважение, порядочность, доброжелательность, толерантность. Близкими к нему по смыслу являются слова «милосердие», «человеколюбие», «сострадательность», «душевность». Исходя из этого, можно достоверно утверждать, что гуманность выступает как ценностная универсалия. Все эти показатели свидетельствуют о важности гуманистического межличностного взаимодействия и в результате обозначают отношение социального работника к людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации. Одной из определяющих характеристик личности в процессе воспитания гуманного обращения с клиентами социальной службы, по нашему мнению, являются отношения, поскольку они связывают человека с обществом.

Междисциплинарное исследование категории «отношение» позволяет увидеть, что в философии она представляет собой «момент взаимосвязи многих видов сущего, имеющих субъективную или объективную, абстрактную или конкретную форму. Понятие означает материальное или смысловое единство, взаимоопределяемость этих существований» [10, с. 325].

Автор психологической теории отношений В. Н. Мясищев сущность отношений представлял в виде совокупности избранных осознанных

связей индивида с различными гранями объективной реальности. Данные связи проявляются в поступке, переживании, соответствующей реакции. Он полагал, что ядро личности составляет система ее отношений к внешнему миру и к самому себе, которая формируется под воздействием отражения сознанием человека окружающей реальности. Ученый последовательно отстаивал целостность отношения как единицы психологического анализа личности. В. Н. Мясищев всесторонне изучил такие психологические феномены, как потребности, интересы, убеждения, направленность. В частности, в направленности исследователь видел «доминирующее отношение, подчиняющее себе другие отношения и определяющее жизненный путь человека» [5, с. 415]. Следует отметить актуальность научных воззрений В. Н. Мясищева для эффективного воспитания у будущих специалистов гуманного отношения к лицам, нуждающимся в оказании социальной помощи. С педагогической точки зрения «отношение» включает в себя оценочные суждения и рассматривается как эмоциональное выражение на этой основе существующих контактов, закрепляющихся между индивидом и другими людьми, а также разнообразными сферами окружающего пространства. Отношения, затрагивая структуру личности, являются показателем эффективности воспитательного воздействия. Для обозначения отношений между социальным работником и клиентами социальной службы в педагогике нередко используют понятие «взаимоотношения». Согласно семантике термина, это обязательное взаимное отношение одного человека к другому. Взаимоотношения видятся прежде всего в качестве социальных установок, ценностных ориентаций, ожиданий, определённых эмоциональными оценками, возникающими в ходе межличностного или внутригруппового общения.

Проблема формирования гуманного отношения рассматривается исследователями (А. А. Бодалев, М. А. Вейт, Н. В. Клименюк, М. В. Столповский и др.) «как педагогически управляемый процесс развития и качественного преобразования межличностных отношений, осуществляемый под влиянием всей совокупности объективных и субъективных факторов» [9, с. 19]. Практика гуманизации межличностного сотрудничества свидетельствует о том, что признание моральных правил становится достоянием не только обособленной личности, но и устойчивой нравственной позицией других людей. В гуманных отношениях находят свое проявление духовные ценностные образования, позволяющие

рассмотреть в нищенствующем чужом человеке близкого соотечественника, попавшего в неожиданную беду. Собственно, такое воззрение не только определяет сущность гуманистического миропонимания, но и оказывается олицетворением его практико-ориентированных отношений. Следовательно, в гуманных отношениях нужно видеть межличностные коммуникации, характеризующиеся диалоговым общением, которое проявляется в уважении достоинства и прав обездоленного человека. Подобная ситуация означает, что гуманное отношение устанавливается к другому, как к себе самому, через отношение к совместной работе.

Отечественные ученые конкретизируют принцип гуманности во взаимоотношениях людей, обращаясь к понятиям взаимопомощи, сплоченности, соучастия, деятельного сопереживания человеку в его беде. В российских исследованиях сущностно-содержательная характеристика гуманных отношений дает представление об их активной, решительной, милосердной природе и выражается в деятельной взаимопомощи, искренней заботе, соучастии в решении проблем и поддержке в трудную минуту.

Современная теория и практика гуманных отношений к людям, оказавшимся в непростой жизненной ситуации, тесно переплетена с историческими ценностями и традициями. Обращение к глубинным истокам показывает, что они характеризуются прежде всего позицией, занимаемой по отношению к лицам, находящимся в непростых жизненных обстоятельствах, их душевным слабостям, физическим и умственным недостаткам, нестяжательной готовностью в помощи. Общественное развитие не раз вносило свои коррективы в содержание и трактовку понятий «бескорыстие», «милосердие», «сострадание», «жалость», которые исторически менялись в масштабах и формах практики гуманных отношений. Но при этом постоянным было осознание тех обстоятельств, при которых такие бедствия и невзгоды потрясают человека, каким не всякий сумеет своими силами противодействовать. Поэтому нуждающимся людям необходимо великодушное содействие со стороны тех, кто по долгу службы обязан позаботиться о ближнем, оказавшемся в беде.

На протяжении всей истории становления и развития Российского государства в народном сознании формировались понятия, характеризующие главные модусы человеческого сострадания, консолидирующие сердобольность и сочувствие с действенной энергичной симпатией к нуждающемуся индивиду. Известный русский

философ П. А. Кропоткин сформулировал «закон общественной солидарности», который размещался на генетической платформе, сформировавшейся в процессе эволюции человеческой цивилизации. На ее экспериментальных площадках осуществлялись сложные проекты становления, развития и расцвета индивидов, консолидированных в различного рода социумы. Как бы ни воспринимались современными учеными положения данного закона, несомненным является вывод о том, что без выработки нужных форм взаимной поддержки и скоординированности деятельности люди не могли бы наладить общественно полезный труд, разные виды занятий и общения. Следовательно, научно-технический и социальный прогресс просто бы не состоялся. В связи с этим британский ученый М. Ридли считает, что «мы должны поощрять социальный и материальный обмены между равными, ибо это — сырье для доверия, а доверие есть основа для добродетели» [6, с. 388].

В ходе изучения общеметодологической, научной и специальной литературы удалось установить, что в отечественной истории накоплен необходимый опыт реализации гуманных отношений, значительные практические наработки, которые могут стать важным фактором функционирования и развития системы социальной защиты. Правда, щедрое историческое достояние, включающее в себя разнообразные интересные сведения, свидетельствующие об аксиологических установках самых различных социокультурных пластов, остается невостребованным в полном объеме до сегодняшнего дня. Представляется актуальным изучение обычаев, традиций, ценностей, лежащих в основе предоставления гуманной помощи нуждающимся на всех этапах становления и развития российского общества. Обязательным условием является следование концептуальным канонам исторической и культурной детерминации принципов и идей трансформации общественного строя, преобразование которого должно происходить не через ликвидацию или категорическое отрицание прошлого, а на основе пристального изучения устоявшихся гуманистических взаимоотношений.

Обращение к философско-педагогическим истокам показывает, что многие гуманистические концепции, стремясь познать духовно-нравственные основы общежития, проникнуть в сущность человеколюбия, как правило, опирались на фундаментальные религиозные устои. В частности, русский философ Н. А. Бердяев говорил о том, что «христианство утверждает

свободу добра. Добро есть продукт свободы духа... только то добро, которое есть результат свободы духа, обладает истинной ценностью и является настоящим добром. Принудительную разумную необходимость добра христианство отвергает» [2, с. 38]. В своих размышлениях о внутреннем мире человека В. С. Соловьев устанавливал «совершенство человека не в нем самом... а лишь Божество как совершенное Добро спасет человека от духовного зла через внутреннее соединение с нравственную силу самого человека» [7, с. 84]. В. В. Зеньковский, рассматривая гуманистические начала человека, полагал, что «мир ценностей не создается личностью, а напротив, ее творит и питает» [3, с. 25]. Считавший Симбирск своей духовной родиной, В. В. Розанов, оценивая феномен гуманистических отношений, писал: «Если бы чудодейственным актом законодательства или экономического прогресса и медицинского знания вдруг исчезли бы в Древней Руси все нищие и убогие, кто знает — может быть, древнерусский милостивец почувствовал бы некоторую нравственную неловкость...» [4, с. 21].

Любить ближнего — значило накормить голодного, напоить страждущего, посетить в остроге заключенного. Гуманизм на практике трактовался как нищелюбие. Причем милосердие было более важным для самого филантропа, оно являлось своеобразным пропуском в рай. В рай, по обычаю, необходимо было входить при помощи искреннего подаяния нуждающемуся, потому что убогий богатым проживается, а богач спасается молитвой нищего. Соответственно, бедная часть общества не воспринималась нашими предками как некая угроза социальной и экономической стабильности, они служили своеобразным мерилom уровня воспитания гуманного отношения к окружающим. Гуманизм как феномен возникает не от бедствующих людей, а от благотворителей и по-настоящему наступает лишь только тогда, когда появляются не одиночки, а массы желающих оказать безвозмездную помощь голодным и обездоленным. В нашем Отечестве на бескорыстие взирали как на реализацию своего рода поручения, возложенного Провидением.

Рост самосознания способствовал преобразованию «кастовой психологии» и приводил к тому, что работники социальных служб начинали ощущать крепкую духовную связь с завтрашним днем народа, которую невозможно представить без развития культуры и всеобщего просвещения. Итоги многомерных исследований позволяют увидеть примерную идентичность

аксиологического восприятия у большинства людей, а витальные ценности как доминанты повседневного поведения в конкретной социокультурной среде стабильны в течение продолжительного времени.

Таким образом, можно предположить, что в условиях целенаправленного формирования гуманистических установок необходимо ознакомление студентов с богатым историко-культурным наследием, в котором возможно обнаружение пригодной для воспитательной ситуации модели человеколюбия и ее принятия в качестве ценностного образца. В таком случае происходит актуализация исторической памяти и ее реализация в образовательных проектах. При этом вначале анализируется уже имеющийся опыт милосердного отношения к «сырым и убогим», уясняется элементарная суть оценки, а затем он осознается. В результате такого энергичного осмысления опыт гуманизма корректируется и претворяется в практическую деятельность. Считается важным выдерживание условий, в формате которых воспитание гуманного отношения соответствует потребностям личности в самовыражении согласно ценностям профессионального сообщества, с которым индивид себя идентифицирует.

Предполагается, что будущие социальные работники априори должны обладать гуманным отношением к своим клиентам. Такая нравственная позиция следует из самого содержания профессиональной деятельности, она обусловлена общепринятыми этическими нормами и должностными инструкциями. Беспристрастная оценка содержания труда социального работника предполагает приоритет гуманности как обязательного профессионального свойства и одновременно устанавливает меру годности к воплощению в жизнь программ социальной защиты населения. Однако анализ повседневной практики показывает еще недостаточную сформированность гуманистических установок у определенной части выпускников вузов. Поэтому воспитание у социальных работников гуманного отношения к людям, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации, необходимо начинать ещё в условиях вузовского образовательного процесса. Следует отметить, что в силу возрастных особенностей студенческая молодежь восприимчива к целенаправленному педагогическому влиянию через приобщение к гуманным ценностям.

В общеметодологическом плане, как правило, выделяют два способа организации адресного воздействия на личность для воспитания у нее позитивных качеств, описанные В. А. Слас-

тениным [8, с. 234]. Универсальная схема такого влияния предусматривает применение психологических механизмов, обеспечивающих эффективное достижение поставленных воспитательных целей. В одном из способов предусматривается выборочное обновление исходных хаотично образовавшихся взаимоотношений с их последующей методичной стимуляцией для постепенного упрочения и перевода в более надежные ценностно-мотивационные сопряжения. Следующий прием развития гуманистической синергии предполагает самостоятельную интериоризацию студентами специально подготовленных для них образцов, примеров поведения, которые, по замыслу преподавателя, должны у них сформироваться. Разъяснение сущности формируемых гуманистических отношений помогает будущим специалистам избегать ошибочных суждений. Этот способ предполагает прежде всего внутреннюю напряженную работу по переосмыслению своего отношения к действительности. Лучшая эффективность развития гуманистических отношений достигается единством обоих способов при их относительной самостоятельности во избежание формального усвоения предъявляемых требований или внешнего приспособления к ним. Общей целью должна быть внутренняя самоорганизация, из которой вытекало бы заданное гуманно-ориентированное поведение.

Результаты научно-педагогических исследований показывают, что стимуляция гуманного отношения должна предусматривать не только понимание сущности формируемого понятия, но и эффективное развитие знаниевого, эмоционально-чувственного и деятельно-практического элементов личности. Следовательно, нужно актуализировать гуманистические ценности, скрытые в содержании образования, посредством творческой реконструкции социальных сценариев в ходе изучения специальных дисциплин, самостоятельного осуществления ответственного выбора в ролевых играх с последующим обоснованием принятого решения. В процессе реализации методов воспитания гуманного отношения к клиентам социальной службы фиксируется определенная доминанта, характерная для

каждого личностного компонента [1, с. 105]. Гуманистический потенциал знаниевого компонента проявляется через умелое владение словом, которое способствует развитию у студентов необходимых речевых качеств. Эмоционально-чувственная сфера личности обогащается вследствие стремления к бескорыстному служению людям, о готовности деятельно-практического сегмента наглядно свидетельствуют гуманно-ориентированные практические поступки человека.

Следует отметить, что ценности гуманизма с большим трудом пробиваются сквозь буреломы авторитаризма, технократизма, равнодушия. Опыт предыдущих поколений говорит о том, что навязанные идеологические установки быстро обесцениваются и приводят к смятению в сознании молодых людей, к их духовно-нравственному обеднению. Следовательно, от притязаний на обладание исключительным правом интерпретации природы ценностей необходимо отказаться. Доброжелательное обращение с другими людьми, толерантное отношение к их мировоззренческой позиции, участливость, сострадание, ответственность, милосердие, совесть, стремление к оказанию помощи гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, во многом определяют содержание профессионального воспитания будущих социальных работников. Применительно к конкретному образовательному процессу правомерно рассматривать укоренение гуманистических отношений в практике учебных занятий для понимания студентами их важности в будущей профессиональной деятельности.

Воспитательные влияния должны организовываться таким образом, чтобы не вызывать у будущих специалистов неприятия предложенных форм работы. Студенты, как правило, испытывают искренний интерес к творческим развивающим проектам и охотно участвуют в их реализации. Данное обстоятельство способствует созданию педагогических условий для проведения системной работы по воспитанию у будущих социальных работников гуманного отношения к гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Литература

1. Булынин А. М. Этно- и поликультура в аксиологическом пространстве современного образования : моногр. / А. М. Булынин, А. Д. Брагина. — Ульяновск : Издатель Качалин А. В., 2016. — 164 с.
2. Гуманистические ценности европейских цивилизаций и проблемы современного мира. — М., 1992. — 192 с.
3. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии / В. В. Зеньковский. — М., 1993. — 224 с.
4. Костина Е. Ю. История социальной работы / Е. Ю. Костина. — Владивосток, 2004. — 110 с.

5. Мясичев В. Н. Личность и неврозы / В. Н. Мясичев. — Л., 1960. — 445 с.
6. Риддл Мэтт. Происхождение альтруизма и добродетели / Мэтт Риддл ; [пер. с англ. А. Чечиной]. — М. : Изд-во «Э», 2016. — 416 с.
7. Соловьев В. С. Великий спор и христианская политика / В. С. Соловьев. — М., 1989. — 287 с.
8. Сластенин В. А. Педагогика / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, А. И. Мищенко, Е. Н. Шиянов. — М. : Школа-Пресс, 1998. — 512 с.
9. Столповский М. В. Формирование гуманного отношения к детям-инвалидам у будущих социальных работников в вузе : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / М. В. Столповский. — Тула, 2013. — 210 с.
10. Философский энциклопедический словарь. — М. : ИНФРА-М, 2006. — 576 с.

FOSTERING IN FUTURE SOCIAL WORKERS HUMANE ATTITUDE TOWARDS CITIZENS IN DIFFICULT LIFE SITUATIONS

A. M. Bulynin

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

abulinin@mail.ru

The article is devoted to the problem of fostering in future social workers humane attitude towards people who are in a difficult life situation. From the axiological point of view, the author gives the essence and content of the phenomenon of humanism, reveals the concept of "relationship", demonstrates the necessity to build humanistic qualities among students on the basis of domestic spiritual and moral experience. In the space of a humane relationship, the paper reveals the valency of an existing object or its qualities for a specific subject of the activity from the point of view of how this object is able to satisfy an actualized need. As a result, the subjective feeling is fixed not so much by the fact of the emergence of a humane relationship between a social worker and a client of a social institution, as a qualimetric component of this relationship, which is fixed in the mind in the form of an assessment of the level of this quality. The most concentrated essential characteristics of the "humane attitude" phenomenon are represented in the structural neoplasm, reflecting the cognitive, affective and behavioral components of the personality, which include, in addition to specialized competencies as such, humane accompaniment of specific professional behavior. Before you commit any act, the person develops a plan for future action, combining in itself its source, purpose of the activity and means of its achievement. In designing an adequate step, the dominant influence is exerted by value preferences, the attitude of the individual to different events of social scenarios, and their opinions about the importance of these phenomena. Turning to the origins of vocational training of social workers opens up quite obvious circumstances, which do not require special argumentation that much in educating students depends on the humanistic position of the teacher, mentor, his level of spirituality, deep conviction in the necessity of following the eternal moral precepts. The article proposes methods for the implementation of educational work in accordance with the principles and ideas of the "school of dialogue of cultures".

Key words: upbringing, humane relations, future social workers, university, values, school of dialogue of cultures, citizens in difficult life situations, mercy, morality, spirituality.

References

1. Bulynin A. M., Bragina A. D. (2016) *Etno- i polikultura v aksiologicheskom prostranstve sovremennogo obrazovaniya: monografiya* [Ethno- and policulture in axiological area of modern education]. Ulyanovsk: Izdatel Kachalin A. V., 164 p.
2. Gumanisticheskie tsennosti evropeyskikh tsivilizatsiy i problemy sovremennogo mira [Humanistic values of European civilizations and problems of the modern world]. Moscow, 1992, 192 p.
3. Zenkovskiy V. V. (1993) *Problemy vospitaniya v svete khristianskoy antropologii* [Problems of education in the light of Christian anthropology]. Moscow, 224 p.
4. Kostina E. Ju. (2004) *Istoriya sotsialnoy raboty* [History of social work]. Vladivostok, 2004, 110 p.
5. Myasichshev V. N. (190) *Lichnost i nevrozy* [Personality and neuroses]. L., 445 p.
6. Mett Riddl (2016) *Proishozhdenie altruizma i dobrodeteli* [Origin of altruism and virtue]. Moscow: Izd-vo "E", 416 p.
7. Solovyev V. S. (1989) *Velikiy spor i khristianskaya politika* [Great dispute and Christian politics]. Moscow, 287 p.
8. Slastenin V. A., Isaev I. F., Michshenko A. I., Shiyarov E. N. (1998) *Pedagogika* [Pedagogics]. Moscow: Shkola-Press, 512 p.
9. Stolpovskiy M. V. (2013) *Formirovaniye gumannogo otnosheniya k detyam-invalidam u buduchshih sotsialnykh rabotnikov v vuze* [Formation of humane attitude to the disabled children among future social workers]. Dis. ... Cand. of pedagogic sciences: 13.00.08. Tula, 210 p.
10. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Philosophy encyclopedia]. Moscow: INFRA-M, 2006. 576 p.

Н. В. Калинина

Российский
государственный
университет
имени А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн.
Искусство)
(г. Москва, Россия)
kalinata66@mail.ru

АГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ИНТЕРНЕТ-РИСКИ КАК ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Актуальность рассматриваемой в статье проблемы обусловлена тем, что проявление агрессии среди детей и подростков в образовательных организациях современного общества представляет собой новый вызов для российской школы, системы сохранения правопорядка и системы социальной поддержки в Российской Федерации. В статье представлены результаты анализа агрессивного поведения несовершеннолетних как фактора формирования девиантного поведения детей и подростков. Кроме того, в статье приведены данные анализа влияния интернет-активности современных школьников на формирование у них девиантного поведения. Показано, что интернет-риски связаны как со столкновением школьников с информацией, несущей угрозу их незрелой психике и психологическому здоровью, так и со степенью погруженности в виртуальную реальность, развитием склонности к интернет-зависимости, целенаправленным деструктивным влиянием на сознание посредством сетевого взаимодействия. Обоснована необходимость включения в систему профилактики негативного влияния интернет-активности на социализацию школьников следующих компонентов: информационная подготовка, развитие информационной культуры, развитие личностных качеств, способствующих противостоянию рискам.

Ключевые слова: агрессивное поведение, интернет-риски, девиантное поведение, правонарушение, несовершеннолетние.

Проявление агрессии среди детей и подростков в образовательных организациях современного общества представляет собой новый вызов для российской школы, системы сохранения правопорядка и системы социальной поддержки в Российской Федерации. За последнее десятилетие во всем мире отмечается рост насильственных действий со стороны несовершеннолетних, сопряженных с особой жестокостью. Такие социально опасные проявления, обычно связанные с понятиями агрессии и агрессивности, вызывают серьезное беспокойство. Актуальность и значимость данной проблемы определена тем, что в практике педагогов и психологов образовательных учреждений агрессивное поведение школьников является одной из наиболее часто встречающихся и серьезных проблем, имеющих многочисленные и разнообразные проявления: конфликты с учителями, враждебное отношение к одноклассникам, конфронтация с родителями, участие в неформальных группировках и т. д.

Понятие «агрессия» (от латинского “agressio” — нападение, приступ) означает мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам и правилам сосуществования

людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), приносящее людям физический ущерб, отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т. д. [2].

Агрессия — это намеренные действия, направленные на причинение ущерба другому человеку, группе людей или животному; агрессивность — это свойство личности, выражающееся в готовности к агрессии [7].

Все многообразие форм агрессивности можно также объединить в гетероагрессию, направленную на других, и аутоагрессию, направленную на себя [3].

В зарубежной и отечественной психологии проблема агрессивного поведения получила достаточно широкую разработку [1, 7, 11]. Однако, несмотря на множество работ по проблеме агрессии, в ее изучении остаются нерешенные вопросы, так как количество проявлений агрессивного поведения, наблюдаемых в практике школьных психологов и педагогов, не снижается.

Агрессивность детей и подростков определяется как личностная характеристика, которая сформировалась в процессе развития личности

на основе социального научения и является проявлением агрессивных реакций. Развитие агрессивности в подростковом возрасте детерминировано несколькими взаимосвязанными группами факторов: психобиологические факторы, социальные макро- и микрофакторы, психологические особенности личности. Проявления агрессивности в их активной форме определяются в первую очередь условиями воспитания и условиями социализации.

Однако, по мнению большинства специалистов, одним из источников проявления агрессивности у детей и подростков как формы отклоняющегося поведения является семья. Формы проявления агрессии в семейных отношениях весьма разнообразны и включают в себя прямое физическое или сексуальное насилие, холодность, оскорбления, негативные оценки, подавление личности, эмоциональное неприятие ребенка. Члены семьи могут демонстрировать агрессивное поведение сами или подкреплять нежелательные действия ребенка, например, выражая гордость его победой в драке. На становление агрессивного поведения ребенка влияют различные семейные факторы, например, конфликтность или неадекватный стиль семейного воспитания. Так, родители, применяющие крайне суровые наказания, использующие чрезмерный контроль (гиперопека) или, напротив, не контролирующие занятия своих детей (гипоопека), чаще сталкиваются с агрессией и непослушанием своих детей. Также существует мнение, что выраженное негативное влияние на ребенка оказывает агрессия отца по отношению к матери (физическое насилие или моральное). Агрессивные дети обычно вырастают в семьях, где мало интересуются развитием ребенка и предпочитают наказания заботе и терпеливому объяснению. В семье ребенок проходит первичную социализацию. Выявлено, что жестокие наказания коррелируют с высоким уровнем агрессивности у детей, а недостаточный присмотр за детьми, вседозволенность связаны с асоциальной направленностью. Слишком большая свобода ребенка, неспособность родителей совладать с его энергичным и требовательным поведением и неумение научить его правилам поведения формируют стиль силового доминирования и неподчинения.

В целом агрессивное поведение в семье формируется по трем механизмам: подражание и идентификация с агрессором; защитная реакция в случае агрессии, направленной на ребенка; протестная реакция на фрустрацию базовых потребностей.

Как правило, на первых порах, переживая фрустрацию, ребенок испытывает боль, которая при отсутствии понимания и смягчения переходит в разочарование и злость. Агрессия привлекает внимание родителей, что само по себе важно для ребенка. Кроме того, используя агрессию, ребенок нередко добивается своих целей, управляя окружающими. Постепенно агрессия и нарушение правил начинают систематически использоваться как способы получения желаемого результата. Девиантное поведение закрепляется.

Интернет-риски в развитии девиантного поведения несовершеннолетних

Отдельного внимания заслуживает развитие информационных технологий и их проникновение во все сферы жизнедеятельности, наряду с открывающимися возможностями, которое повлекло за собой распространение новых рисков и угроз, связанных с воздействием сети Интернет, включая угрозы жизни и вовлечения несовершеннолетних в экстремистские и иные опасные группы и сообщества. Задачи профилактики данных угроз включены в приоритетные направления деятельности по созданию среды для благополучного и безопасного детства и занимают значимое место в плане основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства, объявленного указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 года № 240.

Риски и угрозы, с которыми сталкиваются сегодня несовершеннолетние в Сети, многообразны. Наряду с угрозами развития интернет-зависимости, увлеченности детей играми в Интернете, угрозами финансовых махинаций, сегодня набирают обороты новые угрозы, связанные с общением в социальных сетях, свидетельствующие о целенаправленном разрушающем воздействии на незрелую психику школьников: это и вопиющие случаи массовых суицидов школьников — членов одних и тех же групп в социальных сетях, и проблемы буллинга и группинга в Сети, и проблемы рекрутинга в закрытые сообщества, включая экстремистские и иные опасные группы, и т. п. Высокие темпы их распространения требуют немедленного принятия всех возможных мер противодействия этим угрозам.

Государство и общество активно разрабатывает и внедряет систему мер юридического характера, призванных ограничить распространение опасных контентов в Сети, усилить контроль за размещаемой информацией. Государственные и общественные организации ведут

регулярные мониторинги Сети. Однако только меры запретительного характера не гарантируют полную защиту детей и подростков от угроз, которые влечет за собой ее годня их многочасовое пребывание в Сети. Очевидно, что необходима организация специальной психолого-педагогической профилактики негативного влияния интернет-активности школьников на их психическое и психологическое здоровье, личностное благополучие, которая бы объединила усилия всех заинтересованных институтов и прежде всего образовательных организаций и семьи.

Учитывая, что факторы риска интернет-пространства представляют собой относительно новый вид факторов риска социальной адаптации несовершеннолетних, научно-методическое обеспечение для организации профилактической работы пока представлено явно недостаточно.

В психологической литературе представлены исследования интернет-аддикций, факторов и причин, влияющих на их распространение, подходы к коррекции (см., например, [4, 6]). Относительно недавно появились исследования, посвященные и другим рискам интернет-пространства, представлениям детей и взрослых об Интернете, их осведомленности о средствах и способах защиты в интернет-пространстве [8–10]. Однако степень внимания науки к проблеме, уровень ее разработанности пока остаются несоразмерны скорости распространения рисков, их многообразию и тяжести наносимого вреда. В этих условиях актуальной становится задача разработки научно-методических оснований для профилактики интернет-рисков и угроз.

Виды и характеристика интернет-рисков

Вследствие активного развития киберпространства в последние десятилетия угрозы из повседневной жизни переместились в онлайн-среду, превратившись в интернет-риски. Основной мишенью этих процессов по-прежнему являются дети и подростки. Рассматривая профилактику интернет-рисков в рамках методологических основ культурно-исторического подхода, можно сказать, что интернет-среда определяется как «орудие» присвоения ребенком опыта в социальной среде развития [5], т. е. интернет-пространство является зоной ближайшего развития для ребенка, где создаются трудные онлайн-ситуации, которые необходимо решить [10].

Решение данных проблем ложится не только на плечи подрастающего поколения, но и в первую очередь на взрослых: родителей, педагогов и психологов, выполняющих воспитательную функцию в образовании. В связи с этим

возникает необходимость выделения особых групп риска в виртуальном мире с целью обеспечения большей безопасности несовершеннолетних посредством повышения информированности родителей и педагогов и их дальнейшей работы с подростками.

Наиболее распространенными являются следующие угрозы: угрозы физическому здоровью, связанные с длительным пребыванием в Сети, опасные сайты, опасность общения с незнакомцами в социальных сетях, связанные с онлайн-играми, связанные с призывами к суицидальному поведению, связанные с потерей денег (потребительские риски), риски интернет-зависимости. Общей характеристикой всех этих рисков выступает средство их реализации, а именно для их реализации используется сеть Интернет.

Дети, переходящие по ссылкам в Сети, могут столкнуться с опасной информацией, размещенной на различных сайтах. Опасные сайты, содержащие в себе деструктивный посыл, относятся к контентным рискам. Контентные риски — это материалы (тексты, картинки, аудио-, видеофайлы, ссылки на сторонние ресурсы), содержащие насилие, агрессию, эротику и порнографию, нецензурную лексику, информацию, разжигающую расовую ненависть, пропаганду анорексии и булимии, суицида, азартных игр, наркотических веществ и т. д. Зачастую подобный материал может прийти от незнакомца по почте в виде спама или сообщения [9].

Коммуникационные риски, которые включают в себя также и общение с незнакомцами в социальных сетях, могут оказывать негативное влияние на психическое, а в дальнейшем и физическое здоровье несовершеннолетних. Как и в реальной жизни, общение с незнакомыми людьми, преследующими собственные цели и совершающими незаконные деяния, может представлять угрозу для детей. Виртуальные риски не сильно отличаются от рисков общения с реальными людьми, которые пытаются установить незаконный контакт. Под незаконным контактом понимается установление взрослым более близких отношений в целях сексуального эксплуатирования ребенка. Более опасным виртуальным преступлением после установления незаконного контакта, влекущим за собой тяжкие последствия, является кибердомогательство и кибергруппинг. К домогательству относится такое поведение человека, которое наносит вред или причиняет неудобство другому лицу, нарушая неприкосновенность частной жизни, и влечет за собой уголовную ответственность (УК РФ, ст. 137).

Подобно этому, кибердомогательство также подразумевает под собой поведение человека в Интернете, которое так или иначе вредит другому лицу и нарушает границы личной жизни. Такое поведение может заключаться в прямых или косвенных словесных оскорблениях или угрозах, недоброжелательных замечаниях, грубых шутках или инсинуациях, нежелательных письмах или звонках, показе оскорбительных или унижительных фотографий, запугивании. Затем при встрече в реальной жизни это может выражаться в похотливых жестах, ненужных прикосновениях, похлопываниях, щипках, ударах, физическом нападении или в других подобных действиях.

Кибергруминг — это установление дружеских отношений с ребенком и дальнейшее его понуждение к совершению любых действий сексуального характера путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использованием материальной или иной зависимости несовершеннолетнего (УК РФ, ст. 133); совершение развратных действий без применения насилия лицом в отношении лиц несовершеннолетнего возраста (УК РФ, ст. 135). Нередко злоумышленники выдают себя за другого человека для того, чтобы начать общение с ребенком, представляясь ровесником или потенциальным другом. Стараясь установить более тесный контакт, злоумышленник выясняет личные контакты ребенка с целью продолжения общения в реальном мире и последующей встречи.

Одним из распространенных рисков Сети, берущих свои истоки из реальной жизни подростков, является киберпреследование (или кибербуллинг). Это преследование пользователя сообщениями, содержащими оскорбления, агрессию, сексуальные домогательства с помощью различных интернет-сервисов. В целом интернет-травля преследователем жертвы может принимать такие формы, как обмен личной и информацией и дальнейшие манипуляции ею и личными контактами; запугивание; подражание с издевкой; хулиганство (интернет-троллинг); социальное бойкотирование. Кроме того, буллинг может принимать не только вербальные формы, но и другие, например графические, когда один пользователь делает унижительные карикатуры или фотографии таким образом, чтобы выставить «жертву» в оскорбительном виде (Линия помощи «Дети онлайн»).

В качестве отдельной, наиболее опасной группы рисков, способной массово воздействовать на восприятие детей, можно выде-

лить риски вовлечения в опасные группы и общества (экстремистские группы, занятия незаконной и противоправной деятельностью и т. д.). Опасность данных рисков состоит в том, что в современном мире экстремизм наиболее распространен именно в среде молодых людей. Психика подростка, находящегося на этапе осмысления цели своей жизни, претерпевает значительные изменения, в особенности в ситуации, когда практически любая информация доступна через сеть Интернет. При обсуждении роли образования в предотвращении насильственного экстремизма необходимо рассматривать вопросы, касающиеся не только содержания образования, но и его форм, того, каким образом национальные системы образования улучшают доступ к знаниям о ценностях многообразия терпимости и принятия других культур, а также мер, которые будут необходимы для каждой группы населения.

Проблема насильственного экстремизма проникла во все сферы жизнедеятельности человека. И поскольку угроза насильственного экстремизма и радикализации является сложным явлением, ответы также являются многомерными. Тревожным сигналом может послужить то, что многие из присоединившихся к экстремистской группировке часто относятся к представителям высокообразованной молодежи. В связи с этим в ориентации образования принципиально важно, чтобы молодые люди развивали способность критического суждения, имея возможность отличить правильное от неправильного не только в реальной жизни, но и при работе в сети Интернет. Необходимо дать стимул, который поможет им в образовательном процессе (Глобальный контртеррористический форум).

Хотя образование само по себе не может уберечь людей от того, чтобы стать экстремистами, оно призвано помочь искоренить условия, способствующие насильственному экстремизму. Для того чтобы добиться этого, необходимо, чтобы школы являлись безопасной дискуссионной площадкой, где школьники могут открыто обсуждать и острые политические, и религиозные проблемы, чтобы предотвратить возможность поиска ответов на эти вопросы из других, в том числе онлайн-источников. Также необходимо создание поликультурной среды обучения и процессов для обеспечения того, чтобы учащиеся не чувствовали себя ущемленными в условиях школы.

Зачастую подростки сталкиваются с такими рисками, как чрезмерное использование онлайн-игр, которое ведет к расходованию психи-

ческих, физиологических и финансовых ресурсов в виртуальном пространстве за счет средств и потребностей реального мира. Это увеличение количества времени, проводимого в интернет-пространстве за счет реального времени, ухудшение психического и физиологического здоровья, а также потеря финансовых средств пользователя онлайн-игр. Высококачественные игровые онлайн-миры за счет погружения пользователя в виртуальную реальность дают ему возможность пережить спектр тех эмоций, к которым он стремится в реальной жизни, но по каким-то причинам не получает. Возможность ощутить и пережить эти эмоции за счет выброса гормонов в реальном мире побуждает вновь и вновь возвращаться к играм, постепенно, однако, увеличивая количество времени и затрачивая больше ресурсов для нахождения в Сети.

Существует несколько разновидностей компьютерных игр, таких как локальные, онлайн-игры и сетевые. Суть локальных игр заключается в прохождении всего этапа игры, достижении результата, после которого игрок получает удовлетворение, пройдя определенные этапы и задания. Это индивидуальные игры с одним пользователем, где игрок сам выбирает характер персонажа, сложность игры и т. д. Сетевые игры — это разновидность коллективной коммуникации, при которой развиваются те же ощущения и эмоции, как в командной игре в реальности: конкуренция и соперничество, чувство сплоченности и единства в команде, вкус победы и пр. Таким образом, реализуется несколько ключевых потребностей, которые возможно осуществить, лишь обладая доступом в Интернет и определенной степенью мастерства и навыков игры. Кроме того, значительно снижается

уровень фрустрации по сравнению с реальной ситуацией, так как в любой момент онлайн-игру можно начать заново, даже при проигрыше.

Виртуальный мир является своеобразным зазеркальем реального мира, в котором отражены многие функции жизнедеятельности человека. Поэтому современный цифровой мир развивается по механизмам, аналогичным действующим в реальности. Подобные механизмы могут порождать возникновение зависимости не только от реальных объектов, но и находящихся в интернет-пространстве. Некоторые исследователи отдельно отмечают проблему чрезмерного использования Интернета, относящуюся к числу не только наиболее популярных, но и наиболее спорных [4, 10].

Чрезмерное или проблематичное использование Интернета может привести к такому риску, как интернет-аддикция. Человек становится вынужденно зависимым от определенного вида стимуляции до такой степени, что постоянное подкрепление этой стимуляцией становится единственным и главным интересом их жизни. Источники аддиктивной стимуляции могут быть химическими (как в случае с наркотиками, такими как алкоголь, кокаин, никотин и героин), чувственными (при киберотношениях) или даже информационными (как в гэмблинге, при игровом расстройстве). Все источники аддиктивной стимуляции имеют нечто общее, заключающееся в том, что сначала эти источники провоцируют сильную, обычно позитивную реакцию у потенциального аддикта, который затем ищет источник этой стимуляции, чтобы получить это чувство на регулярной основе. При этом психологическая зависимость формируется быстрее, нежели химическая.

Литература

1. Бандура А. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений / А. Бандура, Р. Уолтере. — М.: Апрель-Пресс; Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. — 512 с.
2. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. — СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. — 672 с. — (Проект «Психологическая энциклопедия»).
3. Бэрон Р. Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. — СПб., 1997.
4. Войскунский А. Е. Актуальные проблемы психологии от Интернета / А. Е. Войскунский // Психологический журн. — 2005. — № 5. — С. 90—100.
5. Выготский Л. С. Диагностика развития и педологическая клиника трудного детства / Л. С. Выготский. — 3-е изд. — М.: Педагогика, 1983. — 273 с.
6. Коптелова Н. И. Социально-педагогическая профилактика компьютерной зависимости у подростков в общеобразовательных учреждениях / Н. И. Коптелова, В. А. Попов // Молодой ученый. — 2015. — № 24. — С. 970—973.
7. Реан А. А. Психология изучения личности / А. А. Реан. — М.: Изд-во Михайлова В. А., 1999. — 288 с.
8. Солдатова Г. Дети России онлайн: риски и безопасность: результаты международного проекта EU Kids Online II в России / Г. Солдатова, Е. Рассказова, Е. Зотова, М. Лебешева, П. Поррендорф. — URL: http://detionline.com/assets/files/help/line/RussianKidsOnline_Final%20ReportRussian.pdf.

9. Солдатова Г. В. Пойманные одной сетью: социально-психологическое исследование представлений детей и взрослых об Интернете / Г. В. Солдатова, Е. Ю. Зотова, А. И. Чекалина, О. С. Гостимская ; под ред. Г. В. Солдатовой. — М., 2011. — 176 с.
10. Солдатова Г. В. Как им помочь. Ребенок в Интернете: запрещать, наблюдать или объяснять? / Г. В. Солдатова, Е. И. Рассказова // Дети в информационном обществе. — 2012. — № 10. — С. 26—33.
11. Фурманов И. А. Психология детей с нарушениями поведения / И. А. Фурманов. — М. : Владос, 2004. — 351 с.

AGGRESSIVE BEHAVIOR AND INTERNET RISKS AS FACTORS OF THE FORMATION OF THE DEVIANT BEHAVIOR OF MINORS

N. V. Kalinina

Russian State University named after A. N. Kosygin (Moscow, Russia)

kalinata66@mail.ru

The urgency of the problem presented in the article is due to the fact that the manifestation of aggression among children and adolescents in educational organizations of modern society is a new challenge for the Russian school, the system of law enforcement and the system of social support in the Russian Federation. The article presents the results of the analysis of the aggressive behavior of minors as a factor of the formation of the deviant behavior of children and adolescents. In addition, the article presents the results of an analysis of the influence of Internet activity of modern schoolchildren on the formation of their deviant behavior. The author considers that the Internet risks are associated with the collision of schoolchildren with information that threatens their immature psyche and psychological health, as well as with the degree of immersion in virtual reality, the development of a tendency to Internet addiction, with a targeted destructive influence on consciousness through network interaction. The necessity of including the following components in the system of prevention of the negative impact of Internet activity on the socialization of schoolchildren is substantiated: information training, development of information culture, development of personal qualities that contribute to resisting risks.

Key words: aggressive behavior, Internet risks, deviant behavior, offenses, minors.

References

1. Bandura A., Walter R. (1999) Podrozkovaya agressiya. Izuchenie vliyaniya vospitaniya i semeinyh otnosheniy [Teenage aggression. Exploring the effects of parenting and family relationships]. Moscow: Aprel-Press, Publishing House Eksmo-Press, 512 p.
2. Mechsheryakov B., Zinchenko V. (2003) Bolshoy psihologicheskii slovar [Large psychological dictionary]. St. Petersburg: Prime EVROZNAK, 672 p. (The project "Psychological Encyclopedia").
3. Baron R., Richardson D. (1997) Agressiya [Aggression]. St. Petersburg.
4. Voyskunsky A. E. (2005) Aktualnye problemy psihologii ot Interneta [Actual problems of psychology from the Internet]. Psihologicheskii zhurnal, (5), p. 90—100.
5. Vygotsky L. S. (1983) Diagnostika razvitiya i pedologicheskaya klinika trudnogo detstva [Diagnosis of development and pedological clinic of a difficult childhood]. Moscow: Pedagogika, 273 p.
6. Koptelova N. I., Popov V. A. (2015) Sotsialno-pedagogicheskaya profilaktika kompyuternoy zavisimosti u podrostkov v obshcheobrazovatelnykh uchrezhdeniyah [Socio-pedagogical prevention of computer addiction in adolescents in educational institutions]. Molodoy uchenyj, (24), p. 970—973.
7. Rean A. A. (1999) Psihologiya izucheniya lichnosti [Psychology of studying personality]. Moscow: Publishing house Mikhailov V. A., 288 p.
8. Soldatova G., Rasskazova E., Zotova E., Lebesheva M., Roggendorf P. Deti Rossii onlayn: riski i bezopasnost: rezultaty mezhdunarodnogo proekta EU Kids Online II v Rossii [Children of Russia on-line: risks and safety: Results of the international project EU Kids Online II in Russia]. URL: http://detionline.com/assets/files/helpline/RussianKidsOnline_Final%20ReportRussian.pdf.
9. Soldatova G. V., Zotova E. Yu., Chekalina A. I., Gostimskaya O. S. (2011) Poymannye odnoy setyu: sotsialno-psihologicheskoe issledovanie predstavleniy detey i vzroslykh ob internete [Caught by the same network: a socio-psychological study of the ideas of children and adults about the Internet]. Moscow, 176 p.
10. Soldatova G. V., Rasskazova E. I. (2012) Kak im pomoch. Rebenok v Internete: zapreshchat, nablyudat ili objyasnyat? [How to help them. Child on the Internet: prohibit, observe or explain?]. Deti v informatsionnom obshchestve, (10), p. 26—33.
11. Furmanov I. A. (2004) Psihologiya detey s narusheniyami povedeniya [Psychology of children with behavioral disorders]. Moscow: Vlados, 351 p.

А. В. Мартыненко

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
avalmart@list.ru

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОФЕССИИ

Статья посвящена систематизации тех вызовов, которые выдвигает перед преподавателем вуза современность, и определению перспектив профессии. Стремительные социокультурные изменения все чаще становятся серьезным препятствием для поддержания в тонусе качества преподавания. В реальной практике вызовы современности вступают в противоречие с академическими традициями в преподавательской деятельности. В статье выделяются четыре категории основных вызовов современности применительно к профессии преподавателя: вызовы требований ФГОС ВО, экономические вызовы, поколенческие вызовы и вызовы новейших информационных технологий. Техническая сторона частых смен ФГОС ВО негативно сказывается на прямых обязанностях педагога как наставника студентов и ученого. Экономический вызов подразумевает сильные акценты на экономической выгоде от деятельности вузов, что на практике превращает работу преподавателя в погоню за рейтингами и отодвигает собственно преподавательскую функцию на второй план. Поколенческий вызов связан с кардинальными изменениями мировосприятия современного молодого человека, воспитанного новыми цифровыми технологиями. Классические методы и технологии обучения, в основе которых доминирует словесная форма подачи, в современных информационных условиях теряют эффективность. Информационные технологии сегодня существенно меняют роль современного преподавателя, который теперь выступает в качестве эксперта-консультанта в сфере самообразования студентов. В итоге профессия преподавателя вуза в привычном для нас виде постепенно уходит в прошлое.

Ключевые слова: университет, преподаватель высшей школы, современность, поколение, информационное общество, информационные технологии, педагогические технологии.

«Все течет, все меняется», «нельзя дважды войти в одну и ту же реку» — эти изречения, приписываемые еще древнегреческому натурфилософу Гераклиту, очень точно описывают ситуацию современного преподавателя высшей школы. Конечно, данная профессия всегда подразумевала перманентное развитие ее носителя, поддержание уровня соответствия своей квалификации культурно-историческим и политико-экономическим требованиям эпохи. Но за всю историю существования профессии преподавателя вуза социокультурные изменения не были столь стремительными, как сегодня, что все чаще становится серьезным препятствием для поддержания в тонусе качества преподавания.

Предмет исследования настоящей статьи не нов. За последние десять лет отечественные ученые-педагоги и педагоги-практики неоднократно подвергали научно-педагогическому анализу главную проблему современного преподавателя вуза — быть «в ногу со временем», стремясь высветить ее и предложить пути ре-

шения [3, 4, 7—13]. Задача данной статьи — системно представить те вызовы, которые выдвигает перед преподавателем современность, и обозначить перспективы профессии.

Сущность профессии преподавателя раскрывается в различных справочных изданиях примерно идентично. Общими и обязательными местами таких определений являются следующие моменты:

1) преподаватель — это статус лица, обладающего специальной подготовкой;

2) работает в образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования [1].

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» (статья 48) среди профессиональных требований к преподавателю указываются:

— высокий профессиональный уровень деятельности, что подразумевает обеспечение в полном объеме реализации преподаваемых учебных предмета, курса, дисциплины (модуля)

в соответствии с утвержденной рабочей программой;

- развитие у обучающихся познавательной активности, самостоятельности, инициативы, творческих способностей;

- формирование у обучающихся гражданской позиции, способности к труду и жизни в условиях современного мира;

- применение педагогически обоснованных и обеспечивающих высокое качество образования форм, методов обучения и воспитания;

- систематическое повышение своего профессионального уровня [2].

Перечисленные моменты в определении преподавательской деятельности сущностны, но часто в реальной практике вызовы современности вступают с ними в противоречие.

Основные вызовы современности применительно к профессии преподавателя можно сгруппировать по четырем категориям:

- вызовы требований ФГОС ВО;

- экономические вызовы;

- поколенческие вызовы;

- вызовы новейших информационных технологий.

Почему требования ФГОС ВО можно назвать вызовом современности? В Федеральном законе «Об образовании в РФ» четко написано, что следование федеральным государственным стандартам является обязательным требованием к образовательным программам, и данное требование не ново. Однако федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования сегодня меняются очень быстро: последние пять-шесть лет в РФ это происходит едва ли не каждый год. Столь частая смена стандартов обусловлена рациональным стремлением государства перейти на западные образцы, чтобы приблизиться к европейским стандартам образования. ФГОС 3, ФГОС 3+, ФГОС 3++ осуществляют постепенное (насколько возможно) внедрение компетентного подхода, в рамках которого задачей любого вуза является «формирование всего многообразия общекультурных и профессиональных компетенций, необходимых будущему специалисту для успешной реализации в профессиональной деятельности, как важной составляющей жизненного успеха и самореализации в целом» [3].

Если же рассмотреть техническую сторону частых изменений в ФГОС ВО, то именно в ней кроется искомый «вызов»: переработка учебных планов, образовательных программ в соответствии с новыми стандартами — процесс весьма

трудоемкий, отнимающий у преподавателей много сил и времени, которые могли быть использованы для работы со студентами, повышения квалификации, научной деятельности. Таким образом, частая смена стандартов порождает бесконечную бумажную работу, несущую моральную усталость и профессиональную неудовлетворенность педагогу, что негативно сказывается на его прямых обязанностях наставника студентов и ученого.

Экономический вызов вновь связан с ориентацией на Запад. Сейчас в отечественную систему высшего образования интенсивно внедряется концепция «научно-исследовательских университетов», суть которой состоит в принципиальном стратегическом значении для вузов научно-исследовательских программ и разработок в инновационных направлениях. На практике это означает, что преподаватели должны максимально сосредоточиться на научно-практической деятельности, которая имеет четкую практическую ориентацию и высокую экономическую отдачу. Иными словами, преподаватели должны активно зарабатывать деньги для своих alma-mater, а в учебном процессе — привлекать студентов к совместной исследовательской работе, чтобы поднять как индивидуальные, так и общеуниверситетские рейтинги для повышения престижности.

Активная научная деятельность всегда являлась имманентной составляющей работы преподавателя, как и привлечение студентов и аспирантов к совместным научным разработкам на базе университета. Но современные тенденции управления высшим образованием гипертрофируют экономическую составляющую деятельности вузов до такой степени (пространные отчеты, привлечение внебюджетных средств, формально-статистический контроль над проведением научных исследований), что на практике работа преподавателя все больше превращается в погоню за «научными показателями» (количество публикаций, грантов, индекс цитируемости в журналах, объёмы финансирования исследований и др.) [4].

На этом фоне представляются весьма справедливыми критические замечания самих преподавателей и профессоров по поводу того, что подобное ревностное стремление к экономической выгоде отчуждает НПП от первоначальной и главной цели преподавания в вузе — обучения студентов, подготовки специалистов в различных областях. Собственно преподавательская функция оказалась сегодня отодвинутой на второй или даже на третий план.

Поколенческий вызов связан с кардинальными изменениями мировосприятия современного молодого человека, порожденного прежде всего актуальной информационной культурой, ориентированной на визуальное и виртуальное. «Они другие» — все чаще слышатся растерянные возгласы представителей предшествующего поколения (в том числе учителей и преподавателей). Ценностный разрыв между поколениями также является общим местом в педагогической практике, но современная ситуация снова не дает «расслабиться» преподавателю.

Интересно и продуктивно взглянуть на данную проблему в контексте так называемой «теории поколений», сформулированной в 1990-х годах американскими исследователями Нейлом Хоувом и Вильямом Штраусом. Изучая конфликт поколений как социальный феномен, ученые независимо друг от друга пришли к выводам о том, что у разных поколений не просто отличаются модели поведения, они еще и совершенно не похожи на модели поведения представителей другого поколения в том же возрасте [5]. Не вдаваясь в подробности данного исследования, результаты которого были изложены в книге «Поколения» (1991), отметим самое важное для нашей темы: современные студенты относятся к так называемым поколениям Y и Z (они же «миллениалы» и «цифровое поколение») — поколениям, «родившимся с кнопкой на пальце», т. е. воспитанным новыми цифровыми технологиями. На практике данный факт означает, что классические методы, приемы и средства обучения, в основе которых доминирует словесная форма подачи, в современных информационных условиях теряют эффективность, иными словами, «безнадёжно устарели».

Как отмечают авторы исследования «Особенности восприятия информации современными российскими студентами», «у поколения современных студентов сформировались иные способы получения, восприятия и усвоения информации, а также способы мышления и понимания, чем у предшествующих поколений, что и является одной из основных причин тех проблем, с которыми сталкивается сегодня система высшего образования» [6].

Среди особенностей восприятия и мышления современных молодых людей, которые следует учитывать при выборе методов и приемов их обучения, следует назвать такие:

— «клиповость» мышления, когда информация подается и воспринимается фрагментарно, в сжатой, но яркой форме (как лента новостей в соцсети «ВКонтакте»);

— как следствие «клипового мышления» — плохое запоминание (фиксируют свое внимание на информации не более восьми секунд);

— неспособность воспринимать большие объемы словесной информации без визуализации (от пространственных академических лекций они быстро устают);

— неспособность выделять главное в прочитанном (отделить «воду» от сути);

— неспособность искать, отбирать, анализировать и обобщать словесный материал научной литературы;

— инфантилизм, неусидчивость, нетерпеливость (хотят «все и сразу» без усилий) и др.

Причиной данных особенностей мышления и восприятия современного молодого человека является тот факт, что информация сегодня представляет собой бескрайний океан, простирающийся прямо перед глазами, достаточно протянуть руку, точнее, «кликнуть мышкой» — и нет нужды идти в библиотеку (к слову, большинство современных студентов даже не знают, где таковая находится), электронные базы данных предоставляют прямо на месте доступ к обширным информационным ресурсам. Однако все это нужно еще прочитать, проанализировать, отобрать нужное, затем выработать свою позицию и аргументировать ее. Современный студент буквально боится такой кропотливой работы, боится «утонуть в океане» информации, если попытается «нырнуть» глубже. Гораздо проще и порой интереснее скользить по поверхности — пролистать чье-то краткое изложение увесистого философского или научного труда, скачать кем-то уже скомпилированную, примитивизированную и «разжеванную» информацию, т. е. воспользоваться готовым или полуфабрикатом анализа и обобщения.

В данном контексте старшему поколению (в первую очередь преподавателям и учителям) может показаться, что современные молодые люди бездарны и поверхностны. На самом деле их одаренность заключается в другом:

— они умеют отлично работать с любой информацией (способны очень быстро найти необходимое и включиться в их интересующее);

— при наличии интереса быстро развиваются;

— великолепно ориентируются в новых гаджетах и их интерфейсах;

— легко и даже весьма глубоко воспринимают визуально преподнесенную информацию: например, легко могут найти идеально подходящую иллюстрацию под ту или иную мысль или понятие;

— способны анализировать и структурировать визуальные ряды, схемы, графики или даже провести их достаточно сложный анализ;

— легко и с удовольствием участвуют в интерактивных мероприятиях, играх, стремятся к лидерству;

— не выносят ничего скучного (толстые книги «без картинок», какими бы содержательными они ни были, их удручают и отталкивают; длинные однообразные лекции даже высокопрофессиональных преподавателей также навоят на них тоску и скуку);

— не признают авторитетов. «Старшие поколения уже не являются важнейшими носителями информации, они утратили свою роль единственных источников знаний и опыта. Для новых поколений главными, подчас единственными, источниками информации становятся Интернет и телевидение» [6].

Отечественные академические традиции университетов оказываются малоэффективными в обучении поколений «миллениалов» и «сентениалов». Новые механизмы мышления и восприятия современных учащихся и студентов с необходимостью определяют использование новых методов, приемов и технологий преподавания, среди которых основополагающими являются следующие:

— преобладающее использование интерактивных методов обучения (деловые игры, дискуссии, презентации, кейс-метод и т. п.);

— оснащение учебных аудиторий современными гаджетами с обязательным выходом в Интернет;

— замена печатных изданий электронными учебниками и книгами;

— изменение формы подачи словесного учебного материала: электронные и видеопрезентации с минимумом текста и обилием иллюстративной наглядности (фото, инфографика и т. п.);

— текущий контроль должен быть частично в форме компьютерного тестирования или компьютерной игры;

— преподаватели должны в идеале быть практиками;

— стиль общения преподавателя со студентами должен быть не авторитарный, а демократический (стиль сотрудничества).

Перечисленные методы и технологии уже внедряются и используются, но пока не представляют собой стройной системы преподавания.

Вызов новейших информационных технологий подразумевает «активное привлечение компьютера, Интернета, электронных и мультимедийных продуктов для проведения занятий, про-

верки результатов обучения, развития у студентов навыков самостоятельного получения знаний, внедрение дистанционного обучения, использование интерактивных методов обучения и др.» [4].

Информационные технологии сегодня существенно меняют роль современного преподавателя, который уже не является единственным источником знаний, а скорее выступает в качестве эксперта-консультанта в сфере самообразования студентов: не передает новые знания, но «формирует навыки эффективного поиска нужной информации, умения ею воспользоваться» [7]. Кроме того, постоянно обновляющиеся компьютерные программы и появляющиеся новые помогают существенно обогатить содержание образовательного процесса. Эти технологии обеспечивают рост доступности и открытости информационных ресурсов и средств коммуникаций, что радикально изменяет все элементы общественной жизни и, как следствие, определяет существенные изменения роли преподавателя в этом процессе [7].

Распространение онлайн-курсов, дистанционного обучения, вебинаров, обучающих видеороликов и электронных презентаций высвечивает новую необычную перспективу в работе преподавателя: эта профессия в привычном для нас виде постепенно уходит в прошлое и все больше сводится к сугубо методической работе авторов онлайн-курсов, разработчиков обучающих электронных дистанционных программ и т. п.

Но такая перспектива видится радикальной. Живое общение молодого поколения с педагогом-профессионалом, мастером-наставником, знатоком своего дела не сможет быть полностью заменено электронными учебниками и онлайн-курсами.

Перечисленные же «вызовы современности» представляют собой не проблему, а скорее мощный стимул к развитию, к активному поиску новых форм, способов и принципов преподавательской деятельности. Если в предыдущие эпохи преподаватели высшей школы имели тенденцию к застою (уже разработанные курсы могли читаться студентам «по инерции» достаточно долгое время с незначительными дополнениями в виде учета новых открытий и достижений в данной области), то сегодня стремительные темпы развития всех сфер жизни и культуры не позволяют расслабиться и настойчиво выдвигают требования столь же быстрых изменений не только в информационной составляющей преподавания, но и более глубоко — в методике, педагогических технологиях, подходах.

Литература

1. Преподаватель // Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. — URL: <http://didacts.ru/termin/prepodavatel.html> (дата обращения: 17.03.2019).
2. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 06.03.2019). Ст. 48.
3. Андреева М. А. Личность преподавателя вуза как фактор формирования общекультурных и профессиональных компетенций будущих специалистов / М. А. Андреева // Теория и практика образования в современном мире : материалы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). — СПб. : Реноме, 2012. — С. 304—306. — URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/21/1527> (дата обращения: 11.03.2019).
4. Розов Н. Х. Преподаватель российского вуза / Н. Х. Розов // Университеты в евразийском пространстве : моногр. / редкол.: В. А. Садовничий [и др.]. — М. : ООО «МАКС Пресс», 2017. — С. 242—255. — (Сер. «Евразийские университеты XXI века»).
5. Новиков С. Теория поколений / С. Новиков. — URL: <https://svblog.ru/teoriya-pokoleniy> (дата обращения: 16.03.2019).
6. Карпушкина Г. И. Особенности восприятия информации современными российскими студентами / Г. И. Карпушкина, И. Ю. Ляпина, К. С. Дьяконова, Р. В. Соколов // Студенческий научный форум : материалы VI Междунар. студенческой науч. конф. — URL: <https://scienceforum.ru/2014/article/2014007329> (дата обращения: 11.03.2019).
7. Марус Ю. В. Изменение роли преподавателя вуза в современных условиях / Ю. В. Марус // Электронный научно-методический журн. Омского ГАУ. — 2017. — № 2(9), апрель-июнь. — URL: <http://ejournal.omgau.ru/images/issues/2017/2/00348.pdf>.
8. Харченко Л. Преподаватель современного вуза: компетентностная модель / Л. Харченко. — М. : Директ-Медиа, 2014.
9. Попова О. И. Преподаватель вуза: современный взгляд на профессию. Опыт социологического исследования / О. И. Попова // Педагогическое образование в России. — 2012. — № 6. — С. 112—119.
10. Совершенствование преподавания в современном вузе: теория, практика, анализ и оценка : материалы Междунар. науч.-практич. конф. (1—2 ноября 2012 г., Минск) / редкол.: О. Л. Жук [и др.] ; под ред. В. В. Самохвала. — Минск : Изд. центр БГУ, 2012.
11. Сунцова М. С. Современные тенденции развития профессионально-педагогической подготовки преподавателей вузов в США, Германии и России: организационно-педагогические аспекты : дис. ... канд. пед. наук / М. С. Сунцова. — Казань, 1999.
12. Бушкова-Шиклина Э. В. Направления модернизации института высшего образования в условиях информатизации общества / Э. В. Бушкова-Шиклина // Десятые Ковалевские чтения : материалы науч.-практич. конф. (13—15 ноября 2015 г.) / отв. ред. Ю. В. Асочаков. — СПб. : Скифия-принт, 2015. — С. 840—843.
13. Кириллова Е. П. Жизненные стратегии и временная перспектива у преподавателей вуза / Е. П. Кириллова, Ю. Ю. Юкляева // Основные вопросы теории и практики педагогики и психологии : сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч.-практич. конф. — № 2. — Омск, 2015.

UNIVERSITY TEACHER: MODERN CHALLENGES, INCONSISTENCY AND PROSPECTS OF THE PROFESSION

A. V. Martynenko

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

avalmart@list.ru

The article is devoted to the systematization of the challenges posed by the modern university teacher, and the determination of the prospects for the profession. Rapid social and cultural changes are increasingly becoming a serious obstacle to maintaining the quality of teaching to a high standard. In the real world, the challenges of our time are in conflict with academic traditions in teaching. The article identifies four categories of the main challenges of our time as applied to the teaching profession: challenges of the requirements of the Federal State Educational Standards of Higher Education, economic challenges, generational challenges and the challenges of the latest information technologies. The technical side of frequent changes in the Federal State Educational Standards negatively affects the direct duties of the teacher as a student mentor and scientist. The economic challenge implies strong accents on the economic benefits of the activities of universities, which in practice turns the work of a teacher into a pursuit of ratings and relegates the teaching function itself to the background. The generational challenge is connected with the cardinal changes in the worldview of a modern young person brought up by new digital technologies. Classical teaching methods and technologies, which are based on the verbal form of presentation, under current informational conditions lose their effectiveness. Information technologies today significantly change the role of the modern teacher, who now acts as an expert consultant in the field of students' self-education. As a result, the profession of a university teacher, as we used to see it, is gradually becoming a thing of the past.

Key words: university, high school teacher, modernity, generation, information society, information technology, educational technology.

References

1. Prepodavatel. Professionalnoe obrazovanie. Slovar. Klyuchevye ponyatiya, terminy, aktualnaja leksika [Educator. Vocational education and training. Dictionary. Key terms, present vocabulary]. URL: <http://didacts.ru/termin/prepodavatel.html> (access date: 17.03.2019).
2. Federalnyj zakon ot 29.12.2012 N 273-FZ (red. ot 06.03.2019) "Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii". Statya 48 [Federal Law № 273-FZ "On Education in the Russian Federation" of 29.12.2012].

3. Andreeva M. A. (2012) Lichnost prepodavatelya vuza kak faktor formirovaniya obshchekulturnykh i professionalnykh kompetentsiy budushchih spetsialistov [Personality of a university teacher as a factor of formation of common cultural and professional competences]. *Teoriya i praktika obrazovaniya v sovremennom mire: proceedings of the international scientific conference (St.-Petersburg, February 2012)*. St.-Petersburg: Renome, p. 304—306. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/21/1527> (access date: 11.03.2019).
4. Rozov N. H. (2017) *Prepodavatel rossiyskogo vuza. Universitety v evraziyskom prostranstve* [Russian university teacher. Universities in Eurasian area]. Moscow: OOO "MAKS Press", p. 242—255.
5. Novikov S. *Teoriya pokoleniy* [Theory of generations]. URL: <https://svblog.ru/teoriya-pokoleniy> (access date: 16.03.2019).
6. Karpushkina G. I., Lyasina I. Yu., Dyakonova K. S., Sokolov R. V. Osobennosti vospriyatiya informatsii sovremennymi rossiyskimi studentami [Peculiarities of information perception by contemporary Russian students]. *Studencheskiy nauchnyy forum: proceedings of VI international student scientific conference*. URL: <https://scienceforum.ru/2014/article/2014007329> (access date: 11.03.2019).
7. Marus Yu. V. (2017) *Izmenenie roli prepodavatelya vuza v sovremennykh usloviyakh* [Shift of the role of a university teacher in the modern condition]. *Eelektronnyy nauchno-metodicheskiy zhurnal Omskogo GAU*, 2(9), April-June. URL: <http://ejournal.omgau.ru/images/issues/2017/2/00348.pdf>.
8. Harchenko L. (2014) *Prepodavatel sovremennogo vuza: kompetentnostnaya model* [Contemporary university teacher: competence model]. Moscow: Direkt-Media.
9. Popova O. I. (2012) *Prepodavatel vuza: sovremennyy vzglyad na professiyu. Opyt sotsiologicheskogo issledovaniya* [University teacher: modern view. Sociological experience]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, (6), p. 112—119.
10. Zhuk O. L. (2012) *Sovershenstvovanie prepodavaniya v sovremennom vuze: teoriya, praktika, analiz i otsenka* [Teaching development in the modern university: theory, practice and evaluation]. *Proceedings of the international scientific and practical conference (1—2 November 2012, Minsk)*. Minsk: Publishing house BGU.
11. Suntsova M. S. (1999) *Sovremennye tendentsii razvitiya professionalno-pedagogicheskoy podgotovki prepodavateley vuzov v SSHA, Germanii i Rossii: Organizatsionno-pedagogicheskie aspekty* [Development trends of vocational pedagogical training of university teachers in the USA, Germany and Russia: organizational and pedagogical aspects]. *Dis. ... Cand. of Pedagogic sciences*. Kazan.
12. Bushkova-Shchiklina E. V. (2015) *Napravleniya modernizatsii instituta vysshego obrazovaniya v usloviyakh informatizatsii obshchestva* [Direction of modernization of Institute of Higher Education in the condition of social informatization]. *Desyatye Kovalevskie chteniya: proceedings of scientific and practical conference (13—15 November 2015)*. St.-Petersburg: Skifiya-print, p. 840—843.
13. Kirillova E. P., Yuklyaeva Yu. Yu. (2015) *Zhiznennye strategii i vremennaya perspektiva u prepodavateley vuza* [Life strategies and time prospect among university teachers]. *Osnovnye voprosy teorii i praktiki pedagogiki i psihologii: proceedings of scientific and practical conference, (2), Omsk*.

И. А. Михайлина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
ped@sv.uven.ru

К. Д. Солодовникова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
solodovnikova.xenya@yandex.ru

МОЛОДЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ

Эффективным инструментом развития и трансформации предприятий и организаций в условиях модернизации общества и возрастающих потребностей в человеческом капитале должна стать работа с молодыми специалистами. Молодые специалисты — долгосрочная инвестиция в персонал, которая окупается только при условии кропотливого и аккуратного отношения к принципам его формирования. Поэтому ориентация на привлечение молодых специалистов становится приоритетным направлением кадровой политики предприятий. В данной статье молодые специалисты рассматриваются как специфическая категория трудовых ресурсов, кроме того, приводятся результаты интервью с руководителями предприятий и организаций г. Ульяновска, проводимого с целью выявления и анализа заинтересованности в молодых специалистах. Исходя из трактовки понятия «молодой специалист», в статье раскрыты подходы к данному понятию, при этом определены и его признаки. В процессе трудовой деятельности у молодого специалиста появляется необходимость поддерживать тот уровень образования, который был достигнут и к тому же доводить до совершенства свои знания, умения и навыки, изучать такие способы и методики, которые смогут обеспечить непрерывный процесс самообразования, так как сейчас все это выступает залогом эффективной профессиональной деятельности и успешного карьерного роста. Вместе с тем адаптация молодёжи к рынку труда повысит уровень общественно полезного воздействия системы профессионального образования, создаст условия для реструктуризации персонала организации, профессионального и социального развития молодых специалистов и повысит значимость молодых специалистов как трудовых ресурсов.

Ключевые слова: молодой специалист, профессиональная деятельность, рынок труда, компетентность, работодатель, трудовые ресурсы, молодежная политика.

Одной из наиболее актуальных проблем в образовании России на сегодняшний день является создание условий для успешной социализации и полноценной самореализации молодых кадров. Обострение конкуренции в условиях глобализации происходящих в мире социально-экономических, политических и культурных процессов ставит приоритет на управлении обеспечением конкурентоспособности организаций и учреждений. В настоящее время основным конкурентным преимуществом любого предприятия является эффективное использование человеческого капитала, и прежде всего молодых специалистов, поскольку они — главные носители инновационного потенциала, хотя раньше повышение конкурентоспособности и эффективности организаций связывали с технологической модернизацией. Поэтому ориентация на привлечение молодых специалистов ста-

новится приоритетным направлением кадровой политики предприятий.

Молодые сотрудники, которые саморазвиваются, профессионально растут и имеют интерес к своему делу, способны и повысить производительность компании, и снизить риски, потери и текучесть кадров. К тому же существует проблема, связанная с разработкой и внедрением системы работы с молодыми сотрудниками, чтобы помочь им быстро адаптироваться к трудовому коллективу и снизить возможное увольнение с работы. Эта деятельность особенно важна для выполнения задач «Стратегии инновационного развития России на период до 2020 года», «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», «Концепции государственной молодежной политики Российской Федерации» [4, 5].

Профессиональная деятельность является неотъемлемой частью жизни современной личности. На основе успешно развивающейся профессиональной карьеры появляется удовлетворенность человека своей жизнью, и он гармонично начинает развиваться. При этом на профессиональное развитие человека во многом влияет начальный этап трудовой деятельности. Этот этап считается своеобразным «испытательным периодом», который впоследствии определяет позицию специалиста в социальной и профессиональной среде. А также есть дополнительная основа для его будущей профессиональной карьеры, которая во многом определит ее успех [2].

Молодые специалисты — выпускники высших учебных заведений составляют довольно большой процент среди трудоспособного населения РФ, в системе воспроизводства и развития трудовых ресурсов занимают особое место и являются основным инновационным потенциалом развития общества. Переход на инновационный путь развития российской экономики предлагает и новые требования к молодежи, а также к целям и задачам молодежной политики в России. К тому же основная цель среднесрочной и долгосрочной государственной молодежной политики — увеличение молодежного человеческого капитала, повышение ее конкурентоспособности [5].

Рынок труда молодых специалистов является сегментом рынка труда России, требующим пристального внимания к себе со стороны государства и общества в целом.

При этом ситуация на рынке труда молодых специалистов в настоящее время довольно напряженная, поскольку рост зарегистрированной и скрытой безработицы молодых специалистов и ее продолжительное увеличение могут привести к ужесточающимся условиям для выхода молодежи на рынок труда. Также следует учитывать ограниченные возможности молодых специалистов вследствие их низкой конкурентоспособности в сравнении с другими категориями трудовых ресурсов [7].

Одно из основных направлений политики кадров — это закрепление в организации или на предприятии молодежи, отвечающей требованиям работодателей, поскольку работодатели ищут креативных и талантливых молодых специалистов, которые могут свежим взглядом оценить проблемы организации или предприятия и предложить их нестандартное решение, а также которые стремятся к постоянному профессиональному росту и личностному развитию [8].

Напомним, что молодым специалистом является работник, который получил начальное, среднее или высшее профессиональное образование и в первый раз заступил на полученную в вузе специальность в течение одного года после окончания учебного заведения [7]. У молодого специалиста свой особый юридический статус, предполагающий особые права, гарантии и обязанности по отношению к другим категориям работников. Причем существуют некоторые обязательные признаки статуса молодого специалиста на предприятии и в организации, а именно:

- выпускник высшего учебного заведения должен получать образование только по очной форме обучения и к тому же за счет государственного и (или) областного бюджета;

- выпускник должен сдать итоговую государственную аттестацию и, конечно же, получить диплом необходимого образца;

- выпускник в установленном порядке специальным законодательством должен направляться на работу по распределению, при этом получить соответствующий документ.

И если одно из условий вдруг не выполнено, выпускник не может получить статус молодого специалиста.

Все трудовые отношения молодого специалиста и работодателя регулируются Трудовым кодексом РФ [9].

Можно отметить, что есть другие трактовки термина «молодой специалист», которые различаются из-за требований к уровню образования молодого специалиста, его возрасту, форме обучения в вузе, а также периоду, в течение которого выпускник должен начать работать после окончания учебного заведения.

Приоритетными стимулами, созданными на сегодняшний день для молодых специалистов, являются [10]:

1. Выплата единовременной суммы в размере месячной заработной платы за то, что их приняли на должность.

2. Доплата к заработной плате на срок до двух лет с момента окончания высшего учебного заведения.

3. Компенсация содержания в дошкольных учреждениях их детей.

4. Предоставление бесплатной материальной и натуральной помощи.

5. Работодатель не имеет права увольнять молодого сотрудника 3 года по причинам, которые могут быть связаны с сокращением численности персонала организации или предприятия.

Каждая группа специалистов имеет особенную специфику труда. Молодые специалисты составляют сообщество с уникальной психологической системой, с ценностями и традициями, которые они усвоили в процессе социализации в вузе и профессиональной деятельности. А среди социально-профессиональных групп важны их профессиональная подготовка, место в коллективе, а также характер и содержание труда, поскольку сначала роль конкретного работника в организациях и учреждениях определяется местом, которое он занимает в структуре производства, а затем профессиональными и социальными функциями, которые он выполняет [8].

Вместе с тем современные требования работодателя требуют уточнения основных характеристик молодого специалиста, который должен им отвечать. Для этого необходимо изменение содержания и характера работы молодого сотрудника, чтобы росла социальная и производственная значимость его деятельности. А со временем для обеспечения непрерывного процесса самообразования обязательно необходимо поддерживать достигнутый уровень образования и совершенствовать свои знания, умения и навыки. Все это на сегодняшний день может служить гарантией эффективного осуществления профессиональной деятельности и развития карьеры молодого специалиста.

Следует отметить, что современный молодой специалист должен обладать высоким уровнем профессиональной компетентности. Под компетентностью понимают глубокое знание бизнеса и сути выполняемой работы, умение использовать целый комплекс методов и способов для достижения эффективных результатов своей деятельности [3]. Данное определение компетентности молодого сотрудника предполагает, что у него существуют специальные знания, умения и навыки в профессиональной области и развиты нужные личностные качества, при этом важно количество таких знаний, умений и навыков, к тому же скорость их приобретения и адаптации к условиям деятельности, которые постоянно меняются.

Добавим, что профессиональная деятельность молодого сотрудника зависит не только от профессиональной компетентности, но и от эффективности взаимодействия с другими членами коллектива. Именно поэтому при характеристике молодого специалиста выделяют межличностные навыки, организаторские способности, умение работать в команде, навык контроля собственного поведения, а не только профессиональную компетентность [6].

Сейчас можно наблюдать такой процесс, как распределение трудоспособного населения в зависимости от степени интеграции в новые экономические реалии. При этом сюда же относятся и молодые специалисты как специфичная группа. Члены такой группы могут обладать как общими характеристиками, так и иметь различные интеллектуальные и социально-психологические черты [7]. Именно поэтому среди молодых специалистов можно выделить тех, кто обладает стремлением в полной мере реализовать собственный потенциал личных качеств и профессиональных способностей. Для работодателей тот факт, что у молодых сотрудников отсутствует практический опыт, не важен, поскольку его отсутствие может компенсироваться хорошим образованием, а также активным отношением к работе и стремлением достичь максимальных успехов в профессиональной деятельности. Кадровые службы успешно развивающихся учреждений и организаций именно такие молодые специалисты и интересуют.

Нами было проведено интервью с руководителями предприятий и организаций г. Ульяновска, целью которого являлось исследование заинтересованности в молодых специалистах.

Были получены следующие результаты: почти все работодатели видят в молодых специалистах конкурентоспособную категорию трудовых ресурсов. Причем большинство работодателей находят смысл в найме молодых выпускников вузов. А среди основных причин они называли:

- во-первых, желание использовать энергию молодых людей, учитывать их активность и нешаблонность мышления, открытость всему новому, их мобильность и динамичность;

- во-вторых, возможность пользоваться потенциалом молодых специалистов, платя при этом значительно меньшую зарплату, чем опытным специалистам;

- в-третьих, способность отдавать приоритет молодым специалистам для активизации работников, давно работающих на предприятии или в организации;

- в-четвертых, способность молодых специалистов к легкой и быстрой интеграции в коллектив и корпоративную культуру предприятия или организации;

- в-пятых, возможность обучить молодых специалистов в духе корпоративной культуры, чтобы затем не ломать устойчивые привычки опытных работников.

Большинство работодателей согласились взять на практику и обучать молодых специа-

листов новым технологиям и методам, а также специфике работы при наличии у самого выпускника базовых знаний и умений.

По мнению работодателей, конкурентоспособность молодого специалиста на рынке труда могут повысить активная жизненная позиция, владение основами приобретенной специальности и желание развиваться в выбранной отрасли, трудолюбие, навыки коммуникации, способность получать результат, отсутствие вредных привычек.

Работодатели отмечают необходимость получения специализированного профессионального образования по нужной специальности в структуре конкурентоспособности молодого специалиста. При этом для работодателей не важно наличие диплома с отличием, хотя это было бы хорошей рекомендацией при найме выпускника, так как говорит о его организационных, психологических и определенных интеллектуальных способностях.

Для повышения конкурентоспособности молодого специалиста в системе трудовых отношений потребуется овладение методами и технологиями самопрезентации. При этом самыми важными из них будут:

- необходимость видеть дальнейшие перспективы в профессиональной деятельности;
- планирование на основе анализа ситуации на рынке труда;
- начало профессиональной карьеры, умение совмещать обучение в вузе и опыт работы для приобретения умений и навыков;

— овладение навыками трудоустройства, которые включают в себя умение написания и размещения резюме, поиск источников информации о вакансиях;

— навык технологии ведения телефонных консультаций и переговоров, участие в собеседованиях с работодателем [1].

Проблема регулирования занятости молодых сотрудников как специфической категории трудовых ресурсов в современных социально-экономических условиях очевидна, поскольку проблема занятости молодежи и населения в целом является ключевой в современном обществе. Адаптация молодежи к рынку труда позволит повысить уровень общественно полезного воздействия системы профессионального образования, создать условия для реструктуризации персонала предприятия и организации, для профессионального и социального развития молодых специалистов и снизить уровень социальной напряженности на рынке труда в целом.

В настоящее время наблюдается интенсификация процесса формирования кадрового корпуса, обеспечивающего молодежную политику, к числу субъектов которой отнесены не только государственные органы и их должностные лица, молодежные объединения, молодые граждане, но и местные органы власти, работодатели, общественные объединения, все те, кто выполняет функции по созданию для молодых специалистов как специфического трудового ресурса необходимых и достаточных условий для жизнедеятельности и построения карьеры.

Литература

1. Антропов В. А. Управление внутрикорпоративной карьерой молодых специалистов / В. А. Антропов, Н. В. Дмитренко // Научные ведомости. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. — 2010. — № 1(72), вып. 13/1.
2. Волкова Н. В. Карьерная ориентация молодых специалистов / Н. В. Волкова // Человек и труд. — 2004. — № 9. — С. 82—83.
3. Гончаров С. З. Социальная компетентность личности: сущность, структура, критерии и значение / С. З. Гончаров // Образование и наука. — 2004. — № 2. — С. 3—19.
4. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р. — URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124> (дата обращения: 11.01.2019).
5. Концепция государственной молодежной политики Российской Федерации. — URL: <http://budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2001/vestniksf141-10/vestniksf141-10090.htm> (дата обращения: 10.12.2018).
6. Молодежь новой России: ценностные приоритеты. Аналитический доклад института социологии РАН. — URL: <http://www.isras.ru/analyticalreportYouth13.html> (дата обращения: 16.01.2019).
7. Никулина Ю. Н. Организация работы с молодежью на региональном рынке труда : учеб. пособие / Ю. Н. Никулина, И. А. Кислова. — Оренбург : Оренбургский гос. ун-т, ЭБС АСБ, 2017. — 152 с. — URL: <http://www.iprbookshop.ru/71298.html>.
8. Попова Н. В. Личностно-развивающие основы молодежной политики на современном промышленном предприятии / Н. В. Попова. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2008. — 400 с.
9. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ. — Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2002. — 188 с.
10. Чупина И. П. Формирование конкурентоспособного специалиста в РФ / И. П. Чупина // Научная дискуссия: вопросы педагогики и психологии. — 2016. — № 8(53). — С. 82—86.

YOUNG SPECIALISTS AS A SPECIFIC CATEGORY OF LABOR RESOURCES

I. A. Mikhailina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
ped@sv.uven.ru

K. D. Solodovnikova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
solodovnikova.xenya@yandex.ru

An effective tool for the development and transformation of enterprises and organizations in the context of the modernization of society and the growing need for human capital should be the work with young professionals. Young professionals are a long-term investment in personnel, which pays off only on the condition of a painstaking and careful attitude to the principles of its formation. Therefore, a focus on attracting young professionals becomes a priority for the personnel policy of enterprises. In this article, young professionals are considered as a specific category of labor resources, in addition, the results of interviews with heads of enterprises and organizations of the city of Ulyanovsk, conducted in order to identify and analyze interest in young professionals. Based on the interpretation of the concept of "young specialist", the article reveals the approaches to this concept, with its signs identified. In the course of work activity, a young specialist needs to maintain the level of education that has been achieved, and also bring to perfection his knowledge, skills and abilities, learn such methods and techniques that can ensure a continuous process of self-education, since now all this is the key to effective professional activity and successful career growth. At the same time, the adaptation of young people to the labor market will increase the level of socially beneficial impact of the vocational education system, create conditions for restructuring the staff of the organization, professional and social development of young professionals and increase the importance of young professionals as labor resources.

Key words: young specialists, professional activity, labor market, competence, employers, labor resources, youth policy.

References

1. Antropov V. A., Dmitrenko N. V. (2010) Upravlenie vnutrikorporativnoy karyeroy molodykh spetsialistov [Management of internal career of young specialists]. Nauchnye vedomosti. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika, 1(72), Vyp. 13/1.
2. Volkova N. (2004) Karyernaya orientatsiya molodykh spetsialistov [Career orientation of young specialists]. Chelovek i trud, (9), p. 82–83.
3. Goncharov S. Z. (2004) Sotsialnaya kompetentnost lichnosti: sushchnost, struktura, kriterii i znachenie [Social competence of personality: essence, structure, criteria and meaning]. Obrazovanie i nauka, (2), p. 3–19.
4. Kontseptsiya dolgosrochnogo sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda: Rasporuyazhenie Pravitelstva RF ot 8 dekabrya 2011 g. N 2227-r [Concept of long-term social and economic development of the Russian Federation for the period to 2020: Government Resolution of 8 December 2011 N 2227-r]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124> (data obrashheniya: 11.01.2019).
5. Kontseptsiya gosudarstvennoy molodezhnoy politiki Rossiyskoy Federatsii [Concept of state youth policy of the Russian Federation]. URL: <http://budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2001/vestniksf141-10/vestniksf141-10090.htm> (data obrashheniya: 10.12.2018).
6. Molodezh novoy Rossii: tsennostnye priority. Analiticheskiy doklad instituta sotsiologii RAN [New Russian youth: value priorities. Analytical report of the Sociology Institute RAN]. URL: <http://www.isras.ru/analyticalreportYouthI3.html> (data obrashheniya: 16.01.2019).
7. Nikulina Yu. N., Kislova I. A. (2017) Organizatsiya raboty s molodezhyu na regionalnom rynke truda: uchebnoe posobie [Organizational work with youth in the regional labour market]. Orenburg: Orenburgskiy gosudarstvennyy universitet, EBS ASV, 152 p. URL: <http://www.iprbookshop.ru/71298.html>.
8. Popova N. V. (2008) Lichnostno-razvivayushchie osnovy molodezhnoy politiki na sovremennom promyshlennom predpriyatii [Personality developing fundamentals of youth policy in the modern industry enterprise]. Yekaterinburg: Izdatelstvo Ural. un-ta, 400 p.
9. Trudovoy Kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 30 dekabrya 2001 g. N 197-FZ [Labour Code of the Russian Federation of 30 December 2001 N 197-FZ]. Yekaterinburg: Izdatelstvo AMB, 2002, 188 p.
10. Chupina I. P. (2016) Formirovanie konkurentosposobnogo spetsialista v RF [Formation of competitive specialist in the RF]. Nauchnaya diskussiya: voprosy pedagogiki i psikhologii, 8(53), p. 82–86.

А. А. Ощепков

Димитровградский
инженерно-технологический
институт —
филиал НИЯУ МИФИ
(г. Димитровград, Россия)
sladkod@yandex.ru

О. И. Ефимова

Центр защиты
прав и интересов детей
(г. Москва, Россия)
efimovao@mail.ru

СУИЦИДАЛЬНЫЙ РИСК В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: СТРУКТУРА ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ*

В статье рассматривается актуальная проблема феномена суицида с позиций интегративного, комплексного и социально-психологического подходов. В процессе рассмотрения суицида как глубинного акта, приближающего человека к осмыслению основополагающих мировоззренческих установок бытия, проявляется необходимость рассмотрения факторов риска и факторов превенции проявления суицида. В данном контексте обсуждается ценностно-мотивационная сфера личности как фактор, предотвращающий риск суицида. В этом плане ценностно-мотивационная сфера выступает как сильный личностный ресурс преодоления негативного влияния стрессогенных ситуаций и, таким образом, превенции риска суицидального поведения. С целью анализа особенностей взаимосвязей структуры ценностно-мотивационной сферы личности молодежи с уровнем склонности к суицидальному поведению на базе Димитровградского инженерно-технологического института в 2017 и 2018 гг. было проведено экспериментальное исследование. В нем приняли участие 80 студентов в возрасте 18—20 лет (40 юношей и 40 девушек). Для выявления основных тенденций в динамике структурных взаимосвязей систем ценностных ориентаций и ориентации поведения на суицидальную направленность была использована математическая процедура факторного анализа эмпирических данных исследования. Интерпретация результатов данного исследования позволила сделать основные выводы относительно особенностей ценностно-мотивационной сферы личности молодежи, склонной к суицидальному поведению, заключающиеся в том, что блокирование основной ориентации молодежи на самоопределение приводит к повышению уровня риска проявления суицидального поведения и, наоборот, раскрытие внутреннего потенциала ведет к ориентации на позитивные формы поведения.

Ключевые слова: суицид, суицидальный риск, ценностно-мотивационная сфера личности, превенция суицидального поведения, молодежь.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00814а.

Самое ценное, что есть у человека, — это его жизнь, и, соответственно, самое главное предназначение человека — жить на этой Земле. Именно поэтому кажется совершенно парадоксальным тот факт, что самое разумное существо на Земле может лишить себя жизни, причем делая это сознательно.

Зинченко В. П. рассматривает суицид как репрезентацию сочетания в сознании свободы и ответственности личности, выражающее главное онтологическое начало человека в борьбе бытия и небытия [3].

Суицидальное поведение возникает как результат сочетания биологических, психологических и социальных факторов, и поэтому можно говорить о выделении в современном научном сообществе нескольких моделей, объясняющих суицидальное поведение, отличающихся акцен-

тированностью тех или иных факторов с возможностью их сочетания [2]. С учетом этого Б. С. Положий определяет суицидологию как «мультидисциплинарную область знаний, изучающую теоретические и практические аспекты суицидального поведения человека» [7, с. 3], что выступает достаточным аргументом необходимости развития комплекса аспектов в изучении явления суицидального поведения с перспективой разработки программы профилактики, эффективно решающей проблемы суицида.

Вместе с тем для практики работы с суицидальным поведением особую важность также приобретают не только факторы, способствующие проявлению суицида, но и факторы, предотвращающие суицид. Так, в Докладе Всемирной организации здравоохранения говорится: «В то время как многие действия по предупре-

ждению самоубийств направлены на снижение факторов риска, не менее важно изучать и укреплять факторы, которые, как доказано, повышают сопротивляемость человека и укрепляют его связи с другими, защищая от суицидального поведения» [13, р. 46]. При этом выделяются такие факторы, как прочные личные взаимоотношения, религиозные верования и духовные убеждения, и особо подчеркиваются такие стратегии преодоления трудностей, которые позволяют сделать это позитивным образом и, следовательно, заложить основу благополучного образа жизни [13]. В связи с этим хотелось бы обратить особое внимание на роль позитивных стратегий преодоления трудностей в профилактике суицидального риска, а также ценностно-мотивационную сферу личности, способствующую преодолению трудных жизненных ситуаций.

Многих современных ученых затрагивает проблема формирования ценностной системы личности, и это проявляется в достаточной совокупности работ исследователей. В этом плане Т. В. Васильева считает, что в современном мире происходит пересмотр ценностных систем и именно этим определяется функционирование и развитие человека [1]. Ф. С. Кудзиева указывает на то, что на уровне современного российского общества те преобразования, которые наблюдаются в системе взаимодействий «социум — семья — индивид», характеризуются переносом акцента на индивида [6]. В работах С. П. Иваненкова и А. Ж. Кусжановой говорится о противоречивой ситуации в целевых и ценностных ориентациях современной молодежи [4].

Обозначенные трансформации общества в первую очередь оказывают наиболее значительное влияние на ценностные ориентации молодых людей. В данном ракурсе работа Е. П. Савруцкой посвящена мониторингу ценностных ориентаций молодежи, и это позволило наметить тенденции, характеризующие динамику ценностей и личностных приоритетов молодого поколения, что отражается в массовом сознании молодежи, среди которых одной из тревожных является рост межнациональной напряженности [8]. В исследовании С. И. Кудинова было выявлено разделение ценностной направленности личности молодежи на прагматико-профессиональный, социально-коммуникативный и индивидуально-эгоистический типы [12]. И поэтому трансформации личности молодого человека и особенно его ценностно-нормативные ориентации становятся очень важными в связи с проблемой суицидального поведения, поскольку

в негативном случае приводят к направленности на суицид.

Сушко В. А. отмечает отсутствие формирования у молодежи устойчивой системы ценностных ориентаций личности, которая могла бы стать надежной основой перспективного развития всего общества, позволяя задавать четкие нравственные ориентиры, т. е. понимание того, что плохо, а что хорошо [9].

Ядов В. А. развивает идею сознательного выражения отношения человека к окружающей его социальной действительности, отраженной в системе ценностных ориентаций личности. Это, в свою очередь, имеет существенное значение для мотивации поведения человека и посредством этого определяющее значение для всех аспектов его деятельности. Данный механизм работает в совокупности связей личностных образований: так, система ценностей личности составляет основу отношений человека к себе, к другим людям, взглядов человека на окружающий мир, формируя таким образом ядро мотивации, что определяет содержательную сторону мировоззрения человека, формируя направленность личности. Молодой возраст в этой системе имеет критическое значение, поскольку ценностные ориентации, сформированные в этот возрастной период, определяют характер отношений с социумом в дальнейшем, детерминируя поведение в целом [11].

Таким образом, проблема изучения ценностно-мотивационной сферы личности молодежи в современных социально-экономических условиях России приобретает особую значимость ввиду ее прямой связи с поведением молодого человека и его проявлением в жизнедеятельности. В качестве перспективной рассматривается проектирование методологии развития позитивной системы ценностных ориентаций молодежи, направленных не на деструктивное поведение, одной из самых острых форм которого выступает суицидальное поведение, а на конструктивное.

Данная проблематика определила направление эмпирического исследования, в рамках которого была выдвинута следующая гипотеза — социально-психологическое воздействие на ценностно-мотивационную сферу личности молодежи приводит к изменению системы ценностей и снижению уровня склонности к суицидальному поведению.

В эмпирической части исследования была использована социально-психологическая программа, разработанная автором с применением идей В. А. Климчука [5], ценностная методика

С. Шварца, ориентированная на измерение ценностно-мотивационных доменов, которые диагностируют наиболее значимые ориентиры в системе ценностей человека, и шкала склонности к суицидальному поведению методики диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) (автор А. Н. Орел) [10].

Эмпирическое исследование было проведено на базе Димитровградского инженерно-технологического института в 2017 и 2018 гг. В нем приняли участие 80 студентов в возрасте 18—20 лет (40 юношей и 40 девушек). В исследовании были использованы данные двух групп студентов: контрольной (40 человек) и экспериментальной (40 человек). Группы имели одинаковый гендерный состав: контрольная — 20 юношей и 20 девушек, экспериментальная — 20 юношей и 20 девушек. В сформированных выборках проводился сравнительный анализ систем ценностей и склонности к суицидальному поведению.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Для выявления основных тенденций в динамике структурных взаимосвязей систем ценностных ориентаций и ориентации поведения на суицидальную направленность была использована математическая процедура факторного анализа эмпирических данных исследования. Анализ проводился с помощью программы Статистика, версия 13, был использован метод главных компонент с дальнейшим применением процедуры вращения данных Варимакс и их нормализацией. Факторный анализ осуществлялся с учетом гендера.

В результате факторного анализа были обнаружены значимые изменения структуры взаимосвязей ценностно-мотивационных доменов и склонности к суицидальному поведению в группах молодежи. В группе девушек-студенток были выявлены следующие структуры факторных весов (табл. 1).

Согласно наибольшему факторному весу, первый фактор в группе девушек-студенток до проведения тренинга положительно объединил ценности самоопределения, стимуляции, социальной культуры и духовности. Данный фактор можно обозначить как ориентацию системы ценностей девушек на самоопределение в рамках социальных отношений. Во втором факторе в выборке девушек-студенток до проведения тренинга наиболее выразительным оказался параметр склонности к суицидальному поведению. Третий фактор положительно объединил ценно-

сти конформизма, поддержки традиций, социальной и безопасности и отрицательно ценности социальной власти, таким образом выражая структуру следования социальным нормам, а противопоставление ценности социальной власти относит данную структуру ценностей к ориентации девушек на гармоничные социальные отношения.

В результате проведенного социально-психологического тренинга наблюдались существенные изменения в системе диспозиций у девушек-студенток. Так, согласно наибольшему факторному весу, в группе девушек после тренинга первый фактор отрицательно объединил ценности конформизма, поддержки традиций, социальной, безопасности и социальной культуры.

Таким образом, структура ценностей в рамках данного фактора переориентировалась с самоопределения и социальной культуры на отрицание конформизма, поддержки традиций и социальной культуры. Это может свидетельствовать о смене у девушек ориентации на самоопределение в рамках социальных нормативов на отказ от традиционных решений, спровоцированных ценностно-мотивационной коррекцией. Второй фактор после тренинга положительно объединил ценность наслаждения и склонности к суицидальному поведению. Таким образом, данный фактор можно условно обозначить как фактор суицидального поведения, и оно в сознании девушек связывается с ориентацией на ценностно-мотивационный домен наслаждения, который у С. Шварца связан с ориентацией на поиск острых ощущений. Третий фактор положительно объединил после тренинга ценности самоопределения и духовности, таким образом выделяя у девушек четкую связь свободы поиска смысла с гармонией в отношениях с самим собой. Таким образом, выявленная динамика факторов ценностно-мотивационных доменов и склонности к суицидальному поведению в выборке девушек показывает, что современная молодежь традиционно ориентируется на самоопределение, но формы самоопределения контрастируют с традиционными способами. При этом смысловой уровень личности остается в традиционной плоскости, выражая тем самым общечеловеческие и вечные ценности, выступая как бы инвариантом, что, в свою очередь, связано отрицательно с уровнем склонности к суицидальному поведению.

В группе юношей-студентов были выявлены следующие структуры факторных весов (табл. 2).

Таблица 1

**Факторная матрица структур взаимосвязей ценностно-мотивационных доменов
и склонности к суицидальному поведению в группе девушек-студенток
до и после проведения экспериментального исследования**

Названия переменных	Фактор 1		Фактор 2		Фактор 3	
	до	после	до	после	до	после
Ценности						
Достижения	0,6928	-0,1874	0,5276	0,6555	0,2802	0,6389
Наслаждение	0,2489	0,0311	0,5251	0,7825	0,1893	0,1055
Социальная власть	0,3652	0,4437	-0,0309	-0,6137	-0,8262	0,1765
Самоопределение	0,7736	-0,1261	0,1043	-0,1793	0,0109	0,8903
Стимуляция	0,8097	0,0040	0,0388	0,6974	-0,0804	0,5710
Конформизм	0,2194	-0,7569	0,0063	-0,2467	0,8671	0,2573
Поддержка традиций	-0,1158	-0,7980	-0,1660	-0,1136	0,8870	0,0414
Социальность	0,4119	-0,9615	-0,1446	-0,1093	0,8046	0,1453
Безопасность	0,4529	-0,8496	0,1928	-0,2262	0,7382	0,0271
Зрелость	0,3458	-0,6096	0,6619	0,5164	0,3678	0,0385
Социальная культура	0,7272	-0,8639	-0,2613	0,1561	0,4684	0,4507
Духовность	0,8377	-0,2805	0,1322	-0,0454	0,1204	0,8812
Склонность						
к суицидальному поведению	0,1818	0,1857	0,8874	0,7023	-0,0422	0,0584
Вклад в общую дисперсию, %	24,28	27,91	21,98	30,82	24,92	16,43

Таблица 2

**Факторная матрица структур взаимосвязей ценностно-мотивационных доменов
и склонности к суицидальному поведению в группе юношей-студентов
до и после проведения экспериментального исследования**

Названия переменных	Фактор 1		Фактор 2		Фактор 3	
	до	после	до	после	до	после
Ценности						
Достижения	0,1777	-0,0678	0,8992	0,8777	-0,2367	0,2941
Наслаждение	0,1501	0,0503	0,3212	0,5167	-0,0217	0,1122
Социальная власть	-0,0863	-0,1115	0,7699	0,8892	0,0648	0,0694
Самоопределение	0,3724	0,2922	-0,0979	0,4878	0,6737	0,6204
Стимуляция	0,7108	0,2174	0,5297	0,7211	0,0388	-0,1064
Конформизм	-0,5084	-0,8222	0,7021	0,1834	0,1642	0,4778
Поддержка традиций	-0,3891	-0,2409	0,8450	0,5606	-0,3061	0,6531
Социальность	-0,0503	-0,0116	0,5919	0,4126	0,4167	0,8759
Безопасность	-0,4929	-0,3441	0,8153	0,7190	0,1693	0,5213
Зрелость	-0,4457	-0,5661	0,0523	0,0685	0,7823	0,3811
Социальная культура	0,0148	-0,2121	0,2652	0,2395	0,7990	0,7607
Духовность	-0,0232	-0,7433	-0,1641	-0,3090	0,8159	-0,5088
Склонность						
к преодолению норм и правил	0,7690	0,7690	-0,2824	-1200	0,4658	-0,4947
к аддиктивному поведению	0,9156	0,9394	-0,1262	0,0019	0,0880	0,0644
к саморазрушающему поведению	0,7570	0,4016	-0,2998	0,3057	-0,2280	-0,7883
к агрессивному поведению	0,7380	0,6515	0,3186	0,3166	-0,2481	-0,6471
к делинквентному поведению	0,9198	0,9351	-0,1112	0,0346	0,0803	-0,0895
Вклад в общую дисперсию, %	29,14	28,57	25,98	23,46	18,23	26,70

Согласно наибольшим факторным нагрузкам, первый фактор в группе юношей-студентов до проведения тренинга объединил ценности стимуляции и склонности к суицидальному поведению. Благодаря такой структуре данный фактор заслуживает называться фактором склонности к суицидальному поведению. При этом стоит обратить внимание, что в структуре данного фактора присутствует ориентация на ценность стимуляции, это, видимо, объясняется тем, что в типичной системе ценностей у молодых людей ориентация на поиск острых ощущений связывается с проявлением суицидального поведения. Второй фактор у юношей объединил ценности достижения, социальной власти, поддержки традиций и безопасности, что позволяет отнести данный фактор к ориентации на достижения в социуме. При этом стремление к социальному одобрению, к способности влиять на окружающих связывается с уважением к традициям. Третий фактор положительно объединил ценности зрелости, социальной культуры и духовности, что позволяет отнести данный фактор к внутреннему миру молодого человека, выражающемуся в стремлении к гармонии с самим собой и поиску внутренних смыслов.

В результате проведенного тренинга ценностно-мотивационного развития структура факторов существенно изменилась. Согласно наибольшим факторным весам, в группе юношей после тренинга первый фактор объединил отрицательно ценности конформизма и духовности. Таким образом, данный фактор, первоначально ориентированный на суицидальное поведение, теперь стал связываться с отторжением ценностей конформизма и духовности аналогично девушкам. Получается, что в результате тренинга у юношей переориентация с ценности стимуляции на отрицание ценностей конформизма привела к снижению уровня склонности к суицидальному поведению. Второй фактор у юношей объединил положительно ценности достижения, социальной власти, стимуляции и безопасности, отличаясь от первоначальной структуры только переориентацией с поддержки традиций на стимуляцию. Это объясняется, видимо, влиянием социально-психологического тренинга, который был направлен на инициирование у молодых поиска нового опыта в социальном взаимодействии и через это определение нового, более наполненного внутреннего смысла собственной жизнедеятельности. Третий фактор положительно объединил ценности социальности и социальной

культуры и отрицательно склонности к суицидальному поведению, что может быть интерпретировано как направленность на искренние, честные отношения с окружающими, выступающие как фактор, снижающий уровень склонности к суицидальному поведению.

ВЫВОДЫ

Таким образом, на основании вышеизложенного можно выделить следующие основные положения:

1. Коренные изменения, происходящие в современном обществе, проявляются и в трансформациях систем ценностей личности, что характеризуется сменой коллективизма индивидуализмом, трансформации происходят и с универсальными общечеловеческими ценностями, такими как семья, дружба, честность. Происходящие изменения прежде всего отражаются в сознании молодого поколения, выражаясь в деформации систем ценностей личности и приводя к проявлению суицидального поведения.

2. Описанное в данной статье эмпирическое исследование позволяет подтвердить главный вывод о том, что ценностные ориентации личности молодежи выражают сознательное отношение молодого человека к окружающей его действительности, проявляясь в особенностях его мотивации и деятельности, подтверждая вклад такого нового для молодого человека личностного образования, как система ценностных ориентаций, в развитие его жизнедеятельности.

3. В результате использования программы ценностно-мотивационного развития было продемонстрировано позитивное влияние развития внутренней мотивации на внутренний потенциал личности в связи с пониманием истинного смысла собственной деятельности. Позитивные изменения в системе ценностей личности молодежи оказывают положительное влияние на поведение через снятие внутриличностных барьеров, переориентируя его на нормативную направленность.

4. Анализ динамики структур системы ценностных ориентаций и склонности к различным формам девиантного поведения позволяет сделать вывод о том, что у девушек ориентированность систем диспозиций более сконцентрирована на творческом поиске нового смысла собственной жизнедеятельности, а у юношей — нового опыта социального взаимодействия, что выступает фактором, снижающим уровень риска проявления суицидального поведения.

Литература

1. Васильева Т. В. Проблема формирования ценностных ориентаций студентов / Т. В. Васильева // Вестн. Кемеровского гос. ун-та. — 2014. — Т. 2, № 2(58). — С. 87—91; Гаджинская З. Г. Смысл человеческой жизни и проблема суицида. Опыт философско-психологического исследования : дис. ... канд. филос. наук / З. Г. Гаджинская. — М., 1993. — 125 с.
2. Драгомир В. И. Суицид как психосоциальный феномен / В. И. Драгомир // Право, политика, история и личность : материалы Всерос. науч.-практич. конф. — Кизляр : Апробация, 2016. — С. 215—219.
3. Зинченко В. П. Ценности в структуре сознания / В. П. Зинченко // Вопросы философии. — 2011. — № 11. — С. 85—97.
4. Иваненков С. П. Ценностные и социальные ориентиры молодежи Оренбургской области / С. П. Иваненков, А. Ж. Кусжанова // Учен. зап. Санкт-Петербургского ин-та психологии и социальной работы. — 2014. — Т. 21, № 1. — С. 53—58.
5. Климчук В. А. Тренинг внутренней мотивации / В. А. Климчук. — СПб. : Речь, 2005. — 76 с.
6. Кудзиева Ф. С. Механизмы становления ценностных ориентаций подрастающего поколения в условиях трансформации семьи / Ф. С. Кудзиева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Социология. Политология. — 2014. — Т. 14, № 2. — С. 61—65.
7. Положий Б. С. Суицидология как мультидисциплинарная область знаний / Б. С. Положий // Суицидология. — 2017. — № 4. — С. 3—9.
8. Савруцкая Е. П. Динамика ценностных ориентаций молодежи: межэтнический аспект / Е. П. Савруцкая, С. В. Устинкин // Власть. — 2014. — № 10. — С. 123—128.
9. Сушко В. А. Теоретические подходы к исследованию ценностных ориентаций современной молодежи / В. А. Сушко // Актуальные вопросы современной науки. — 2014. — № 31. — С. 128—137.
10. Шапарь В. Б. Практическая психология. Психодиагностика групп и коллективов. — Ростов н/Д. : Феникс, 2006. — 448 с.
11. Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция / В. А. Ядов. — М. : ЦСПИМ, 2013. — 376 с.
12. Kudinov S. I., Kudinov S. S., Kudinova I. B., Belousova S. S. The axiological orientation of students' personalities // Psychology in Russia: State of the Art. — 2018. — Vol. 11. — Iss. 1. — P. 95—105.
13. Preventing suicide: a global imperative. — Geneva: World Health Organization, 2014. — 98 p. (пер. с англ.).

RISK OF SUICIDALITY IN THE YOUTH ENVIRONMENT: THE STRUCTURE OF THE VALUE-MOTIVATIONAL SPHERE OF THE PERSONALITY*

A. A. Oschepkov

Dimitrovgrad Institute of Engineering Technology — branch of National Research Nuclear University
"Moscow Engineering Physics Institute" (Dimitrovgrad, Russia)

sladkod@yandex.ru

O. I. Efimova

Center for the Protection of the Rights and Interests of Children (Moscow, Russia)

efimovao@mail.ru

The article deals with the current problem of the phenomenon of suicide from the standpoint of integrative, integrated and socio-psychological approaches. Considering suicide as a deep-seated act that brings a person closer to understanding the fundamental ideological attitudes of being, it is necessary to consider risk factors and prevention factors for the manifestation of suicide. In this context, the value-motivational sphere of the personality is discussed as a factor preventing the risk of suicide. In this regard, the value-motivational sphere acts as a strong personal resource for overcoming the negative impact of stressful situations, and, thus, preventing the risk of suicidal behavior. In order to analyze the peculiarities of structure interrelations of the value-motivational sphere of the youth personality with a level of suicidal behavior, an experimental study was conducted. An empirical study was conducted on the basis of the Dimitrovgrad Institute of Engineering Technology in 2017 and 2018. It was attended by 80 students aged 18—20, among them 40 boys and 40 girls. To identify the main trends in the dynamics of the structural relationships of the systems of value orientations and behavioral orientation towards suicidal tendencies, a mathematical procedure of factor analysis of empirical research data was used. Interpretation of the results of this study allowed us to draw the main conclusions regarding the characteristics of the value-motivational sphere of young people who are prone to suicidal behavior, which means that blocking the main orientation of young people towards self-determination leads to an increase in the risk of suicidal behavior, and to focus on positive behavior.

Key words: suicide, risk of suicidality, value-motivational sphere of a personality, prevention of suicidal behavior, youth.

* Grant-supported by the Russian Foundation for Basic Research N 17-06-00814a.

References

1. Vasilyeva T. V. (2014) Problema formirovaniya tsennostnykh orientatsiy studentov [Problem of the formation of value orientations of students]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2(58), vol. 2, p. 87—91; Gadzhinskaya Z. G. (1993) Smysl chelovecheskoy zhizni i problema suitsida. Opyt filosofsko-psihologicheskogo issledovaniya [Point of life and the problem of suicide. The experience of philosophical and psychological study]. Dis. ... Cand. of philosophical sciences. Moscow, 125 p.
2. Dragomir V. I. (2016) Suitsid kak psihososialnyy fenomen [Suicide as psychosocial phenomenon]. Pravo, politika, istoriya i lichnost: proceedings of All-Russian scientific and practical conference. Kizlyar: Aprobatsiya, p. 215—219.
3. Zinchenko V. P. (2011) Tsennosti v strukture soznaniya [Values in the structure of consciousness]. Voprosy filosofii, (11), p. 85—97.
4. Ivanenkov S. P., Kuzhanova A. Zh. (2014) Tsennostnye i sotsialnye orientiry molodezhi Orenburgskoy oblasti [Value and social orientations of the youth in the Orenburg region]. Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo instituta psikhologii i sotsialnoy raboty, (1), vol. 21, p. 53—58.
5. Klimchuk V. A. (2005) Trening vnutrenney motivatsii [Training of inner motivation]. St.-Petersburg: Rech, 76 p.
6. Kudzieva F. S. (2014) Mekhanizmy stanovleniya tsennostnykh orientatsiy podrastayushhego pokoleniya v usloviyakh transformatsii semyi [Formation mechanisms of value orientations of the younger generation in the conditions of family transformation]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sotsiologiya. Politologiya, vol. 14, (2), p. 61—65.
7. Polozhiy B. S. (2017) Suitsidologiya kak multidisciplinarnaya oblast znaniy [Suicidology as multidisciplinary area of knowledge]. Suitsidologiya, (4), p. 3—9.
8. Savrutsкая E. P., Ustinkin S. V. (2014) Dinamika tsennostnykh orientatsiy molodezhi: mezhetnicheskyy aspekt [Dynamics of value orientations of the youth: inter-ethnic aspect]. Vlast, (10), p. 123—128.
9. Sushko V. A. (2014) Teoreticheskie podhody k issledovaniyu tsennostnykh orientatsiy sovremennoy molodezhi [Theoretic approaches to the study of value orientations of the modern youth]. Aktualnye voprosy sovremennoy nauki, (31), p. 128—137.
10. Shapar V. B. (2006) Prakticheskaya psikhologiya. Psihodiagnostika grupp i kollektivov [Experiential psychology. Psychodiagnosics of groups and staff members]. Rostov-on-Don: Feniks, 448 p.
11. Yadov V. A. (2013) Samoregulyatsiya i prognozirovaniye sotsialnogo povedeniya lichnosti: Dispozitsionnaya konceptsiya [Self-control and anticipation of social behavior of a personality: Disposition conception]. Moscow: CSPiM, 376 p.
12. Kudinov S. I., Kudinov S. S., Kudinova I. B., Belousova S. S. (2018) The axiological orientation of students personalities // Psychology in Russia: State of the Art, vol. 11, Iss. 1, p. 95—105.
13. Preventing suicide: a global imperative. Geneva: World Health Organization, 2014. 98 p.

А. А. Ощепков

Димитровградский
инженерно-технологический
институт —
филиал НИЯУ МИФИ
(г. Димитровград, Россия)
sladkod@yandex.ru

Е. Н. Пискунова

Димитровградский
инженерно-технологический
институт —
филиал НИЯУ МИФИ
(г. Димитровград, Россия)
piskunova-elena22@yandex.ru

В. Б. Салахова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
valentina_nauka@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ЛИЧНОСТИ, СКЛОННОЙ К СУИЦИДАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ*

В статье рассматривается актуальность проблемы суицидального поведения с позиций факторов риска и факторов превенции проявления суицида. В данном контексте обсуждается жизнестойкость личности как фактор, предотвращающий риск суицида. В этом плане жизнестойкость выступает как сильный личностный ресурс преодоления негативного влияния стрессогенных ситуаций и, таким образом, превенции риска суицидального поведения. С целью анализа особенностей взаимосвязей жизнестойкости личности молодежи с высоким уровнем склонности к суицидальному поведению на базе Димитровградского инженерно-технологического института филиала Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт» было проведено эмпирическое исследование. В исследовании приняло участие 80 студентов в возрасте 18—20 лет (40 юношей и 40 девушек). С целью анализа компонентов жизнестойкости молодых людей, принимавших участие в эмпирическом исследовании, нами было проведено сравнение среднегрупповых значений компонентов жизнестойкости и общего уровня жизнестойкости у девушек и юношей, не склонных к суицидальному поведению, и девушек и юношей, склонных к суицидальному поведению, с использованием статистического t-критерия Стьюдента. Интерпретация результатов данного исследования позволила сделать основные выводы относительно особенностей жизнестойкости личности молодежи, склонной к суицидальному поведению, заключающиеся в том, что заниженный уровень жизнестойкости приводит к повышению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях, что повышает уровень склонности к суицидальному поведению.

Ключевые слова: суицидальное поведение, жизнестойкость личности, превенция суицида, молодежь.

* Публикация подготовлена в рамках проекта, поддержанного РГНФ, заявка № 17-06-00814.

Каждый суицид — это и личная трагедия, и трагедия общества. Поэтому общество относится с большой серьезностью к такой острой проблеме, как совершение человеком суицида. А учитывая тенденцию роста суицидов в совре-

менном обществе, характеризуемом повышающейся напряженностью, проблема суицидального поведения не теряет своей актуальности. Учеными и практическими работниками всего мира делается все возможное для изучения фе-

номена суицидального поведения и для его предотвращения.

Традиционное деление факторов проявления суицидального поведения на биологические и социальные сменяется в современной науке интегративным подходом, рассматривающим проявление суицида как результат ряда факторов, среди которых в конкретном случае акцент может быть сделан на одном из факторов или группе значимых факторов. Суицидальное поведение возникает как результат сочетания биологических, психологических и социальных факторов, поэтому можно утверждать, что явление суицидального поведения в современном состоянии разработанности проблемы рассматривается в совокупности моделей, акцентирующих тот или иной фактор с возможным их сочетанием. В этом плане, рассматривая практику социальных служб по предупреждению суицидального поведения, можно тем не менее выделить три большие группы факторов проявления суицида [2]. Это группа демографических или социальных факторов, включающих возраст, гендер, семейное положение, страну проживания. Среди социальных факторов в современном мире также выделяются факторы влияния средств массовой информации и отдельно сети Интернет. Далее выделяется группа клинических или психиатрических факторов, включающих такие психические заболевания, как депрессия, шизофрения, клиническая история болезни, в том числе совершение суицида родственниками больного [14]. И, наконец, группа социально-психологических факторов, включающих индивидуально-личностные особенности, особенности межличностного взаимодействия. Особую важность в повседневной жизнедеятельности занимают факторы личностного характера, такие как самооценка, внутриличностный и межличностные конфликты, переживание различных форм насилия [12].

Вместе с тем для практики работы с суицидальным поведением особую важность также приобретают не только факторы, способствующие проявлению суицида, но и факторы, предотвращающие суицид. Так, в Докладе Всемирной организации здравоохранения говорится: «В то время как многие действия по предупреждению самоубийств направлены на снижение факторов риска, не менее важно изучать и укреплять факторы, которые, как доказано, повышают сопротивляемость человека и укрепляют его связи с другими, защищая от суицидального поведения» [21, р. 46]. При этом выделяются такие факторы, как прочные личные взаи-

моотношения, религиозные верования и духовные убеждения, и особо подчеркиваются такие стратегии преодоления трудностей, которые позитивным образом позволяют достигать благополучия в жизни [21]. В этом ряду хотелось бы обратить особое внимание на позитивные стратегии преодоления трудностей и жизнестойкость как личностную черту, способствующую преодолению трудных жизненных ситуаций.

Начало научной разработки феномена жизнестойкости было положено С. Мадди, представляющим жизнестойкость как психологическую живучесть и расширенную эффективность человека [19]. В отечественной психологии тема жизнестойкости получила начало в рамках изучения стратегий совладания с трудными жизненными ситуациями [1]. На современном этапе в отечественной психологии также проводятся исследования личностного адаптационного потенциала [5, 9], определяющего устойчивость человека к факторам стрессового характера. Д. А. Леонтьев развивает идею рассмотрения жизнестойкости как такой меры, которая определяет способность личности выдерживать стрессовую ситуацию, при этом сохраняя уровень успешности деятельности [6]. В этом же ракурсе, по мнению Е. Ю. Баукиной, «жизнестойкая личность способна совладать с трудностями и изменениями, с которыми она сталкивается каждый день, и с теми, которые носят околоэкстремальный и экстремальный характер» [3, с. 5]. С учетом сказанного, поскольку жизнестойкость личности выступает своеобразным внутренним ресурсом, контролируемым самим человеком, способным в форме психолого-педагогической установки придать жизни дополнительную ценность и смысл при любых обстоятельствах, то она может являться фактором, снижающим степень суицидального риска и повышающим уровень ориентации на жизнь.

Таким образом, жизнестойкость рассматривается как устойчивость к стрессогенным ситуациям и способность человека выдерживать и преодолевать трудные жизненные ситуации. И поскольку риск проявления суицидального поведения связан с нахождением человека в трудной жизненной ситуации, то жизнестойкость может выступать фактором, способствующим превенции суицидального поведения. В этом плане можно рассмотреть жизнестойкость более подробно для выявления возможных механизмов предотвращения суицидального поведения.

Еще С. Мадди пришел к определению жизнестойкости как диспозиции, включающей в се-

бя три структурных компонента, такие как вовлеченность, контроль, принятие риска [18], на основании которых был разработан тест жизнестойкости. В отечественной психологии указанный тест был адаптирован Д. А. Леонтьевым и Е. И. Рассказовой [7] с сохранением принятой структуры. Для нашего исследования представляет интерес, как определяются компоненты данной структуры [7, с. 1]. Вовлеченность определяется как включенность в происходящее. В случае, если у человека компонент вовлеченности получает развитие, то он начинает в большей степени получать удовлетворение в собственной деятельности, что ведет к насыщенности и осмысленности собственной жизни, а это будет являться фактором, снижающим риск проявления суицида. С другой стороны, если убежденность в удовлетворении в собственной деятельности отсутствует, то это ведет к ощущению бессмысленности жизнедеятельности, что, соответственно, выступает фактором, повышающим риск проявления суицида. Другой компонент жизнестойкости — контроль — представляет собой убеждение о том, что достижение цели и результата зависит от борьбы за них, поэтому борьба за достижение результата выступает ключевым фактором, хотя успех при этом не гарантирован. А противоположное ощущение беспомощности, очевидно, является сильным фактором, который ведет к проявлению суицидального поведения. Следующий компонент — принятие риска, более неоднозначный и интересный — представляет собой убежденность человека в том, что все события, случающиеся с ним, способствуют его личностному росту за счет того опыта, который он получает во взаимодействии с миром. И в этом плане человек, рассматривающий жизнь как способ приобретения опыта, готов действовать в отсутствие надежных гарантий успеха на свой страх и риск, считая стремление к комфорту и безопасности обедняющим жизнь человека, что могло бы показаться на первый взгляд поведением, ориентированным на поиск риска и острых ощущений в жизни. Однако если взглянуть на данный компонент как на ориентацию на самореализацию, то становится очевидным, что и данная диспозиция выступает сильным жизнеутверждающим фактором, снижающим риск проявления суицидального поведения.

Такой подход представляется рациональным, однако требует рассмотрения эмпирических исследований, связанных с изучением жизнестойкости человека, что позволит выявить современный взгляд на такой феномен.

В исследовании особенностей палестинских беженцев С. И. Кудинов и др. приходят к выводу, что жизнестойкость выступает чертой, являющейся предиктором самореализации личности, а содержательно сочетания компонентов — вовлеченности, контроля, принятия риска — определяют разные типы жизнестойкости [4]. А. А. Нестерова, изучая жизнестойкость и жизнеспособность ВИЧ-инфицированных больных, обнаружила отрицательную связь между жизнестойкостью и базовыми личностными верованиями об управляемости мира. Это говорит о том, что люди с высоким уровнем жизнестойкости более реалистично осознают границы своего влияния на обстоятельства своей жизни [10]. Е. В. Шварева при исследовании жизнестойкости как психологической характеристики участников образовательной среды отмечает, что она определяет ориентацию на выбор новых и неопределенных ситуаций и отстранение от равнодушных и бездушных выборов, что позволяет рассматривать ее как фактор готовности действовать в ситуации стресса, таким образом, детерминируя способность к сложным формам саморегуляции и выступая потенциалом для личностного роста [16]. В. Р. Петросянц в диссертационном исследовании защитила положение о том, что психологическими особенностями, которые позволяют жертвам школьного буллинга сохранять высокий уровень жизнестойкости, выступают личностный адаптационный потенциал, интернальность в сфере межличностных отношений и позитивное самоотношение [11].

Таким образом, в исследованиях, имеющих эмпирический характер, жизнестойкость выступает как черта личности, повышающая личностный адаптационный потенциал в трудных жизненных ситуациях. При этом структурные компоненты жизнестойкости определяют индивидуальные особенности ее проявления, выражаясь в стремлении к самореализации, более реалистичном восприятии окружающей действительности и образуя способность более устойчивой саморегуляции социального поведения.

Аналогичная перспектива в изучении особенностей жизнестойкости личности выстраивается и в зарубежных эмпирических исследованиях. В статье Э. Мерино-Тейедор и др. теоретически обосновывается роль жизнестойкости как моделирующего фактора в трудовой эффективности и описывается эмпирически исследуемая взаимосвязь между показателями жизнестойкости и усилиями, вкладываемыми в работу [20]. В исследовании Р. Делахай и др. рассмат-

риваются регулятивные процессы, которые помогают объяснить, как жизнестойкость как опосредующий фактор влияет на способ ответа человека на стрессовую ситуацию, изучаются стили копинг-поведения и совладающая самоэффективность как переменные — регуляторы поведения [17]. В работе Ж. Салим и др. раскрывается связь между жизнестойкостью и уровнем стресса у спортсменов, ранее получивших травмы и впоследствии вернувшихся к спортивной активности; это объясняется необходимой в данном контексте эмоциональной поддержкой [22].

Итак, в контексте нашей статьи можно рассматривать жизнестойкость как черту личности, обеспечивающую личностный адаптационный потенциал и выступающую тем самым фактором превенции и снижения риска проявления суицидального поведения. Соотношение же структурных компонентов жизнестойкости могло бы объяснить особенности поведенческой саморегуляции, более реалистичного восприятия окружающей действительности и готовности действовать в неопределенных ситуациях как факторов, снижающих риск проявления суицидального поведения. Однако исследований в данном направлении нашлось немного. Так, в статье Е. Б. Любова и др., посвященной изучению жизнестойкости и факторам риска проявления суицидального поведения в среде коренных малочисленных народов севера России, рассматривается опыт внедрения программ предупреждения суицидов, базисом которых становится культуральная жизнестойкость, заключающаяся в жизни в гармонии с миром, основанная на традициях коренных народов севера России [8]. В работе О. А. Сагалаковой и Д. В. Труевцева рассматривается антивитальное поведение, которое включает и суицидальное поведение, и различные формы саморазрушающего поведения. В статье данных авторов жизнестойкость определяется как «важнейший фактор, сдерживающий вероятность антивитального поведения, заключающийся в развитии адаптивных убеждений о собственных способностях» [13, с. 5]. Таким образом, жизнестойкость как фактор снижения риска суицидального поведения выступает в форме личностного адаптационного потенциала, снижающего вероятность дезадаптации и совершения суицида, и являясь таким образом антисуицидальным потенциалом.

В связи с вышесказанным нам представляется необходимым изучение положения о том, взаимосвязаны ли компоненты жизнестойкости и уровень склонности к суицидальному поведению.

Соответственно, ставятся следующие задачи:

1. Организовать эмпирическую верификацию обсуждаемых положений, касающихся компонентов жизнестойкости личности молодых людей.

2. В рамках данного подхода проанализировать особенности структуры жизнестойкости личности молодежи в разрезе уровня склонности к суицидальному поведению.

3. Провести сравнительный анализ результатов, полученных в ходе исследования, компонентов жизнестойкости личности молодежи, склонной к суицидальному поведению, и молодежи, не склонной к суицидальному поведению.

МЕТОДИКА

Эмпирическая часть исследования выполнена на базе Димитровградского инженерно-технологического института филиала Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт». В исследовании приняло участие 80 студентов в возрасте 18—20 лет (40 юношей и 40 девушек). Основным критерием разделения испытуемых на выборки был уровень склонности к суицидальному поведению, диагностируемый по Шкале склонности к суицидальному поведению Методики определения склонности к отклоняющемуся поведению (автор А. Н. Орел). В сформированных таким образом выборках проводился сравнительный анализ компонентов жизнестойкости личности.

В исследовании использовался тест жизнестойкости С. Мадди, адаптированный Д. А. Леонтьевым и Е. И. Рассказовой, направленный на выявление основных компонентов жизнестойкости личности [7], а также Шкала склонности к суицидальному поведению Методики диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) (автор А. Н. Орел), которая является стандартизированным тест-опросником, предназначенным для измерения склонности молодежи к реализации различных форм девиантного поведения [15].

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

С целью анализа компонентов жизнестойкости молодых людей, принимавших участие в эмпирическом исследовании, нами было проведено сравнение среднegrupповых значений компонентов жизнестойкости и общего уровня жизнестойкости у девушек и юношей, не склонных к суицидальному поведению, и девушек и юношей, склонных к суицидальному поведению,

с использованием статистического t -критерия Стьюдента. Особое внимание уделялось значимым различиям компонентов жизнестойкости, что могло свидетельствовать о взаимосвязи уровня жизнестойкости и уровня склонности к суицидальному поведению.

С целью удобства изложения материала в дальнейшем будут использоваться аббревиатуры: МНСП — молодежь, не склонная к суицидальному поведению, МССП — молодежь, склонная к суицидальному поведению.

В результате сравнительного анализа в группах молодежи были обнаружены значимые статистические различия в уровнях жизнестойкости и склонности к суицидальному поведению. В группе девушек-студенток были обнаружены значимые различия в компонентах жизнестойкости «контроль» ($t_{эмп} = 3,0138$ при $p \leq 0,01$) и «принятие риска» ($t_{эмп} = 3,4179$ при $p \leq 0,01$), значимость которых выше в группе девушек, не склонных к суицидальному поведению (табл. 1).

Высокий показатель компонента жизнестойкости контроля объясняет то, что у девушек, не склонных к суицидальному поведению, в структуре личности присутствует крепкое убеждение в необходимости борьбы за свои достижения, что позволяет совершить собственный выбор жизненного пути, в отличие от девушек, склонных к суицидальному поведению, у которых с их высоким уровнем склонности к суицидальным действиям связано ощущение беспомощности в собственной жизни. Что касается компонента принятия риска, то высокий его уровень у девушек, не склонных к суицидальному поведению, связан с убеждением, что все, что с ними случается, связано с получением опыта, негативного или позитивного, а с ним личного развития. У девушек, склонных к суицидальному поведению, наоборот, риск ассоциируется с негативным опытом, что ведет к боязни неудачи, связанной со сниженной самооценкой, которая соответствует высокому уровню склонности к совершению суицидальных действий.

Далее, в результате сравнительного анализа в группах юношей были также обнаружены значимые статистические различия в уровнях жизнестойкости и склонности к суицидальному поведению. Были обнаружены значимые различия в компонентах жизнестойкости «вовлеченность» ($t_{эмп} = 3,3245$ при $p \leq 0,01$) и «общий уровень жизнестойкости» ($t_{эмп} = 2,7554$ при $p \leq 0,05$), значимость которых выше в группе юношей, не склонных к суицидальному поведению (табл. 2).

Таблица 1

Сравнение среднегрупповых значений компонентов жизнестойкости девушек-студенток, не склонных к суицидальному поведению, и девушек-студенток, склонных к суицидальному поведению

Компоненты жизнестойкости	МНСП	МССП	$t_{эмп}$
Вовлеченность	38,75	38,00	0,1399
Контроль	34,50	29,25	3,0138**
Принятие риска	21,75	17,75	3,4179**
Общий уровень жизнестойкости	95,00	85,00	0,7723

** — значимые различия при $p \leq 0,01$.

Таблица 2

Сравнение среднегрупповых значений компонентов жизнестойкости юношей-студентов, не склонных к суицидальному поведению, и девушек-студенток, склонных к суицидальному поведению

Компоненты жизнестойкости	МНСП	МССП	$t_{эмп}$
Вовлеченность	40,00	33,50	3,3245*
Контроль	34,75	31,50	0,6829
Принятие риска	18,25	19,50	0,4211
Общий уровень жизнестойкости	93,00	84,50	2,7554*

* — значимые различия при $p \leq 0,05$;

** — значимые различия при $p \leq 0,01$.

Высокий уровень компонента вовлеченности у юношей, аналогично девушкам с высоким уровнем принятия риска, объясняется увлеченностью собственной деятельностью, которая приносит человеку необходимый личный опыт, наполняя его жизнь смыслом. Низкий показатель вовлеченности у юношей, связанный с высоким уровнем склонности к суицидальному поведению, объясняется утратой осмысленности, ощущением отвергнутости. Высокий уровень общего показателя жизнестойкости у юношей объясняет сниженный уровень склонности к суицидальному поведению препятствием возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания. У юношей же с высоким уровнем склонности к суицидальному поведению, наоборот, снижена способность к совладанию, что и ведет к стрессовому напряжению.

ВЫВОДЫ

Таким образом, с учетом вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. В ряду факторов снижения риска и превенции суицидального поведения жизнестой-

кость личности может выступать сильным внутренним ресурсом для преодоления стрессовых ситуаций и посредством этого предотвращения проявления суицидальных действий. При этом жизнестойкость представляет систему компонентов, сочетание которых может формировать особенности личностного потенциала в превенции суицидального поведения.

2. Проведенное эмпирическое исследование в выборках девушек и юношей подтвердило предположения о взаимосвязи уровня жизнестойкости и уровня склонности к суицидальному поведению.

При этом в группах девушек и юношей жизнестойкость имеет свои особенности.

Так, направленность на личное развитие через получение жизненного опыта связана у юношей с большей вовлеченностью в деятельность, а у девушек с принятием риска в собственных действиях. Однако в общем жизнестойкость личности выступает стойким убеждением у человека, способствующим переносить стрессовые ситуации без повышения внутреннего напряжения, что является превентивным фактором по отношению к суицидальному поведению благодаря позитивной саморегуляции.

Литература

1. Александрова Л. А. К концепции жизнестойкости в психологии / Л. А. Александрова // Сибирская психология сегодня : сб. науч. тр. Вып. 2 / под ред. М. М. Горбатовой, А. В. Серого, М. С. Яницкого. — Кемерово : Кузбассвуиздат, 2004. — С. 82—90.
2. Алимova М. А. Суицидальное поведение: диагностика, профилактика, коррекция / М. А. Алимova. — Барнаул, 2014. — 100 с.
3. Баукина Е. Ю. Жизнестойкость как показатель психологического здоровья человека в профилактике суицидального поведения / Е. Ю. Баукина // Технологии работы по профилактике суицидального поведения в подростково-молодежной среде : сб. материалов Республиканской практич. конф. — Казань : Татграф, 2014. — 142 с.
4. Кудинов С. И. Жизнестойкость как предиктор самореализации личности в трудных жизненных ситуациях / С. И. Кудинов, С. С. Кудинов, С. М. Хаммад // Изв. Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Акмеология образования. Психология развития. — 2017. — Т. 6, № 3(23). — С. 229—238.
5. Леонтьев Д. А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации / Д. А. Леонтьев // Учен. зап. кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Вып. 1 / под ред. Б. С. Братуся, Д. А. Леонтьева. — М. : Смысл, 2002. — С. 56—65.
6. Леонтьев Д. А. Психология смысла / Д. А. Леонтьев. — М. : Смысл, 2003. — 487 с.
7. Леонтьев Д. А. Тест жизнестойкости / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. — М. : Смысл, 2006. — 23 с.
8. Любов Е. Б. Жизнестойкость и факторы риска суицидального поведения коренных малочисленных народов севера России / Е. Б. Любов, Ю. А. Сумароков, Э. Р. Конопленко // Суицидология. — 2015. — № 3. — С. 23—30.
9. Маклаков А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях / А. Г. Маклаков // Психологический журн. — 2001. — Т. 22, № 1. — С. 16—24.
10. Нестерова А. А. Жизнеспособность и жизнестойкость личности как фактор психологической адаптации ВИЧ-инфицированных / А. А. Нестерова // Уровень жизни населения регионов России. — 2011. — № 1. — С. 20—24.
11. Петросянц В. Р. Психологическая характеристика старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде, и их жизнестойкость : автореф. дис. ... канд. психол. наук / В. Р. Петросянц. — СПб., 2011. — 30 с.
12. Профилактика суицида среди несовершеннолетних / сост. Н. А. Разнадежина, Л. А. Бездольная. — Сургут : Изд-во бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Методический центр развития социального обслуживания», 2012. — 130 с.
13. Сагалакова О. А. Опросник «Антивитальность и жизнестойкость» / О. А. Сагалакова, Д. В. Трубецвев // Медицинская психология в России. — 2017. — № 2. — С. 4—36.
14. Сыровквашина К. В. Психологические факторы риска суицидального поведения у подростков / К. В. Сыровквашина, Е. Г. Дозорцева // Консультативная психология и психотерапия. — 2016. — Т. 24, № 3. — С. 8—24.
15. Шапарь В. Б. Практическая психология. Психодиагностика групп и коллективов / В. Б. Шапарь. — Ростов н/Д. : Феникс, 2006. — 448 с.
16. Шварева Е. В. Жизнестойкость как психологическая характеристика участников современной образовательной среды / Е. В. Шварева // Педагогическое образование в России. — 2011. — № 4. — С. 180—185.
17. Delahaj R., Gaillard A. W. K., Karen van Dam. Hardiness and the response to stressful situations: Investigating mediating processes // Personality and Individual Differences. — Vol. 49. — Iss. 5. — P. 386—390.
18. Maddi S., Khoshaba D., Persico M., Lu J., Harvey R., Bleecker F. The Personality Construct of Hardiness: Relationships With Comprehensive Tests of Personality and Psychopathology // Journal of Research in Personality. — 2002. — Vol. 36. — P. 72—85.
19. Maddi S. R., Khoshaba D. M. Hardiness and Mental Health // Journal of Personality Assessment. — 1994. — V. 63, N 2. — P. 265—274.
20. Merino-Tejedor E., Hontangas-Beltrán P. M., Boada-Grau J., Lucas-Mangas S. Hardiness as a moderator variable between the Big-Five Model and work effort // Personality and Individual Differences. — 2015. — Vol. 85. — P. 105—110.

21. Preventing suicide: a global imperative. — Geneva: World Health Organization, 2014. — 98 p.
22. Salim J., Wadey R., Diss C. Examining the relationship between hardiness and perceived stress-related growth in a sport injury context // *Psychology of Sport and Exercise*. — Vol. 19. — P. 10—17.

FEATURES OF PERSONALITY HARDINESS OF YOUTH PRONE TO SUICIDE BEHAVIOR*

A. A. Oschepkov

Dimitrovgrad Institute of Engineering Technology — branch of National Research Nuclear University
"Moscow Engineering Physics Institute" (Dimitrovgrad, Russia)
sladkod@yandex.ru

E. N. Piskunova

Dimitrovgrad Institute of Engineering Technology — branch of National Research Nuclear University
"Moscow Engineering Physics Institute" (Dimitrovgrad, Russia)
piskunova-elena22@yandex.ru

V. B. Salakhova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
valentina_nauka@mail.ru

The article deals with the problem of suicide behavior from the perspective of factors of suicide risk and suicide prevention. The authors consider the personality hardiness as a factor preventing the risk of suicidality. In this aspect hardiness is presented as a strong personal resource of coping with the negative impacts of stressful situations and, thus, of suicide behavior risk prevention. The empirical study was conducted for the purpose of feature analysis of the personality hardiness interrelations of youth with high level of propensity for suicide behavior. An empirical study was conducted on the basis of the Dimitrovgrad Institute of Engineering Technology in 2017 and 2018. It was attended by 80 students aged 18—20, among them 40 boys and 40 girls. With the aim to analyze the components of hardiness of the youth who took part in the study, the authors made comparison of the average mean of hardiness components and the common level of hardiness of the youth prone to suicide behavior and the youth undisposed suicide behavior with the use of statistical test t-student. The results of the study show that the reduced level of hardiness leads to the increase of inner intenseness in stressful situations which increases the propensity to suicide behavior.

Key word: suicide behavior, hardiness of personality, prevention of suicide, youth.

* Grant-supported by the Russian Fund for Humanities within scientific research project N 17-06-00814.

References

1. Aleksandrova L. A. (2004) K kontseptsii zhiznestoykosti v psikhologii [Conception of hardiness in psychology]. *Sibirskaya psihologiya segodnya: collection of studies*, vyp. 2. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, p. 82—90.
2. Alimova M. A. (2014) Suitsidalnoe povedenie: diagnostika, profilaktika, korrektsiya [Suicide behavior: diagnostics, prevention, correction]. Barnaul, 100 p.
3. Baukina E. Yu. (2014) Zhiznestoykost kak pokazatel psihologicheskogo zdorovya cheloveka v profilaktike suitsidalnogo povedeniya [Hardiness as a psychological health indicator to prevent suicide behavior]. Collection of proceedings of Republican practical conference "Tehnologii raboty po profilaktike suitsidalnogo povedeniya v podrostkovo-molodezhnoy srede". Kazan: Tatgraf, 142 p.
4. Kudinov S. I., Kudinov S. S., Hammad S. M. (2017) Zhiznestoykost kak prediktor samorealizatsii lichnosti v trudnykh zhiznennykh situatsiyah [Hardiness as a predictor of self-realization in difficult life situations]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya*, vol. 6, 3(23), p. 229—238.
5. Leontyev D. A. (2002) Lichnostnoe v lichnosti: lichnostnyy potentsial kak osnova samodeterminatsii [Personal in personality: personal potential as a basis of self-determination]. *Uchenye zapiski kafedry obshchey psikhologii MGU im. M. V. Lomonosova*. Vyp. 1, Moscow: Smysl, p. 56—65.
6. Leontyev D. A. (2003) Psihologiya smysla [Psychology of sence]. Moscow: Smysl, 487 p.
7. Leontyev D. A., Rasskazova E. I. (2006) Test zhiznestoykosti [Resiliency test]. Moscow: Smysl, 23 p.
8. Lyubov E. B., Sumarokov Yu. A., Konoplenko E. R. (2015) Zhiznestoykost i faktory riska suitsidalnogo povedeniya korennykh malochislennykh narodov severa Rossii [Hardiness and factors of risk of suicide behavior of Russian native minorities]. *Suitsidologiya*, (3), p. 23—30.
9. Maklakov A. G. (2001) Lichnostnyy adaptatsionnyy potentsial: ego mobilizatsiya i prognozirovaniye v ekstremalnykh usloviyakh [Personal adaptational potential: its mobilization and prevention in extreme conditions]. *Psihologicheskiy zhurnal*, vol. 22, (1), p. 16—24.
10. Nesterova A. A. (2011) Zhiznesposobnost i zhiznestoykost lichnosti kak faktor psihologicheskots adaptatsii VICH-infitsirovannykh [Hardiness and resilience of a personality as a factor of psychological adaptation of HIV infected]. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii*, (1), p. 20—24.

11. Petrosyants V. R. (2011) Psihologicheskaya kharakteristika starsheklassnikov, uchastnikov bullinga v obrazovatelnoy srede, i ih zhiznestoykost [Psychological characteristics of high school students, participants of bullying in educational environment and their hardiness]. Extended abstract of Cand. of Psychology. St. Petersburg, 30 p.
12. Raznadezhina N. A., Bezdolnaya L. A. (2012) Profilaktika suitsida sredi nesovershennoletnih [Suicide prevention among minors]. Surgut: Izd-vo byudzhetnogo uchrezhdeniya Hanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga — Yugry "Metodicheskiy tsentr razvitiya sotsialnogo obsluzhivaniya", 130 p.
13. Sagalakova O. A., Truevtsev D. V. (2017) Oprosnik "Antivitalnost i zhiznestoykost" [Questionnaire "Antivitality and hardiness"]. Meditsinskaya psihologiya v Rossii, (2), p. 4—36.
14. Syrovkashina K. V., Dozorcheva E. G. (2016) Psihologicheskie faktory riska suitsidalnogo povedeniya u podrostkov [Psychological factors of the risk of suicide behavior among minors]. Konsultativnaya psihologiya i psihoterapiya, vol. 24, (3), p. 8—24.
15. Shapar V. B. (2006) Prakticheskaya psihologiya. Psihodiagnostika grupp i kollektivov [Experiential psychology. Psychodiagnostics of groups and staff members]. Rostov-on-Don: Feniks, 448 p.
16. Shvareva E. V. (2011) Zhiznestoykost kak psihologicheskaya kharakteristika uchastnikov sovremennoy obrazovatelnoy sredy [Hardiness as psychological characteristics of modern school community]. Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii, (4), p. 180—185.
17. Delahaij R., Gaillard A. W. K., Karen van Dam. Hardiness and the response to stressful situations: Investigating mediating processes // Personality and Individual Differences. Vol. 49. Iss. 5. P. 386—390.
18. Maddi S., Khoshaba D., Persico M., Lu J., Harvey R., Bleecker F. The Personality Construct of Hardiness: Relationships With Comprehensive Tests of Personality and Psychopathology // Journal of Research in Personality. 2002. Vol. 36. P. 72—85.
19. Maddi S. R., Khoshaba D. M. Hardiness and Mental Health // Journal of Personality Assessment. 1994. V. 63, N 2. P. 265—274.
20. Merino-Tejedor E., Hontangas-Beltrán P. M., Boada-Grau J., Lucas-Mangas S. Hardiness as a moderator variable between the Big-Five Model and work effort // Personality and Individual Differences. Vol. 85. P. 105—110.
21. Preventing suicide: a global imperative. Geneva: World Health Organization, 2014. 98 p.
22. Salim J., Wadey R., Diss C. Examining the relationship between hardiness and perceived stress-related growth in a sport injury context // Psychology of Sport and Exercise. Vol. 19. P. 10—17.

Р. Д. Урунова

Казанский федеральный
университет
(г. Казань, Россия)
urunova_rd@rambler.ru

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В СИСТЕМЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье представлен анализ некоторых факторов неэффективного обучения русскому языку в российской системе среднего и высшего образования. Представлены результаты обзорного анализа содержания отечественного филологического образования, основной концепцией которого является так называемая каноническая грамматика, отличающаяся односторонним (аналитическим) подходом к языку. Аналитическая составляющая процедуры речи отражает только позицию адресата, поэтому не может быть полноценной в обучении языку. В этой связи в статье выдвигается предположение, что неэффективность лингвистических методик в некоторой степени связана с недостаточным вниманием к двухстороннему характеру коммуникативного акта, поскольку участники коммуникации используют в речи диаметрально противоположные возможности языка: субъект синтезирует единицы речи, а адресат анализирует их. В статье выдвигается и отстаивается положение, что ролевая позиция участника коммуникации в процессе общения обязательно должна учитываться при выборе главного принципа обучения языку, особенно на специальностях, для которых основной в профессии является речевая деятельность. Для оценки современного состояния отечественного лингвистического образования был произведен анализ школьных и вузовских российских учебников по русскому языку, который показал, что в них приоритетным является аналитический подход, характерный для традиционной грамматики. Автор делает вывод, что каноническая аналитическая грамматика сама по себе не является проблемой, неправильным является ее универсальное использование. Для специальностей, в которых главной профессиональной задачей является умение создавать тексты и дискурсы, нужна грамматика, отражающая категории синтеза.

Ключевые слова: коммуникация, анализ, синтез, говорящий, слушающий, традиционная грамматика.

В системе российского образования идет непрерывный поиск новых средств и способов повышения качества подготовки специалистов. В последнее десятилетие для достижения этой цели активно внедряется компетентностный подход, под влиянием которого появилась необходимость разработки новых образовательных технологий, в том числе и для организации процесса обучения языку. Слово *технология* имеет греческие корни и в переводе означает «науку, совокупность методов и приемов обработки или переработки сырья, материалов, полуфабрикатов, изделий и преобразования их в предметы потребления». Современное понимание этого термина в перечень объектов переработки включает и такие, которые имеют «информационную природу, поэтому информационными и коммуникационными технологиями можно считать способы обработки и преобразования информации, осуществляемые по определенным научным стандартам» [8, с. 14].

Современные информационно-коммуникативные технологии, адаптированные к процессу обучения, предоставляют дополнительные возможности для формирования и развития информационной культуры учащихся. Выбор технологий и эффективность их применения зависят в первую очередь от профессиональной компетенции педагога, который умеет органично включать их в систему обучения, создавая положительную мотивацию и психологический комфорт и способствуя развитию умений и навыков у своих учеников. Таким образом, коммуникативно-информационные технологии становятся технологиями обучения.

Технология обучения, по терминологическому словарю для социально-гуманитарных специальностей, имеет два определения:

«1. Система научно обоснованных действий (операций) активных элементов (участников) процесса обучения, осуществление которых с высокой степенью гарантированности

приводит к достижению поставленных целей обучения.

2. Наука об образовании, изучающая и детерминирующая закономерности организации деятельности всех основных элементов процесса обучения и вырабатывающая рекомендации по эффективному использованию в образовании технологии обучения» [5, с. 19].

Кроме приведенных дефиниций, в образовательном пространстве России было создано и распространилось внушительное количество и других определений образовательной технологии. Несмотря на разное выражение, все эти определения репрезентируют технологию обучения как «научный подход к организации образовательного процесса с целью его оптимизации для повышения эффективности». Следует отметить, что в последнее время широко распространилось понимание технологии обучения и в более узком смысле, которое сводится главным образом к использованию разнообразных технических средств, в первую очередь компьютеров и другой цифровой техники. И это имеет объективное основание, так как компьютеризация образовательных учреждений в России фактически уже стала свершившимся фактом.

Компьютеризация всех сфер образования не могла не повлиять на новые условия и требования к научным изысканиям как в теоретическом языкознании, так и в методике преподавания языка. Отчасти по причине того, что язык является объектом пристального внимания разработчиков компьютерных программ, в поле зрения лингвистов попала проблема точного описания явлений языка, в более узком плане понимаемая как задача формализации методов лингвистического описания. В связи с этим одним из главных направлений современного языкознания стало выявление и описание соответствий между смыслом и формой его выражения в речи и в тексте. Выдвижение такой цели привело к необходимости использования в исследованиях нетрадиционных для канонической лингвистики научных парадигм, каковыми являются теория коммуникации, конструктивная лингвистика, семиотика и функциональное моделирование как новый метод изучения языка.

Хотя коммуникативный аспект и конструктивные методы широко используются в исследовательской практике зарубежных и российских языковедов во второй половине XX века [2, 3, 9, 10], к сожалению, моделирование в собственном смысле этого слова и его принципы до сих пор мало отразились в сфере методики преподавания русского языка.

Анализ школьной и вузовской методической литературы показывает, что структурные характеристики языка мало учитываются при обучении русскому языку как иностранному и неродному и практически не используются при обучении русскому языку как родному. Между тем степень владения языком зависит от уровня усвоения связей между языковыми единицами: даже достаточно богатый лексический запас обучающихся не может обеспечить хорошее владение языком. Необходимы определенные процедурные знания об особенностях сочетания слов, алгоритмах конструирования предложений и текста (фактически в данном случае речь идет о грамматике языка в синтетическом аспекте). Это самые трудно усваиваемые в процессе обучения языку практические знания, необходимые для формирования навыков. Чаще всего при изучении русского языка как неродного незнание языковых связей компенсируется механическим использованием аналогичных элементов родного языка обучающегося. В какой-то степени это решает проблему общения, но все же в результате мы имеем неправильную речь, искаженные формы слов, которые затрудняют понимание. К сожалению, в последнее время эта проблема дает о себе знать и в речи молодых людей, для которых русский язык является родным. Косноязычие и бессвязность в выражении мыслей повсеместно встречаются в речи современных российских студентов.

В практике обучения русскому языку как иностранному негласно, но довольно прочно закрепились традиции проводить аналогии между явлениями русского языка с системой английского языка независимо от того, носителем какого языка является обучаемый. Это объясняется тем, что английский язык является международным и им владеют многие студенты. Фактически английский язык превратился в средство обучения русскому языку, как бы курьезно это не звучало.

К большому сожалению, изучение русской академической грамматики мало помогает в решении описанных проблем. Причины этого весьма убедительно объяснил Игорь Григорьевич Милославский: «Какую бы грамматическую характеристику мы ни взяли, она представляет собой результат именно классификации. Не важно, будет ли это род существительного или наклонение глагола, способ словообразования или тип предложения по цели высказывания, член предложения или аффикс. Везде мы имеем дело с классификацией. Меняются объекты (...), но суть процедуры и характер результата оста-

ются неизменными — классификация. Из понимания этой фундаментальной особенности существующих описаний грамматики русского языка вытекают важные следствия. Первое из них состоит в том, что (...) пользующемуся такой грамматикой все языковые факты известны и, следовательно, такое описание грамматики не годится для тех, кто изучает русский язык как неродной. Кроме того, классификационное описание никак не ориентировано ни на какие виды речевой деятельности — ни на рецептивные, ни на продуктивные» [4, с. 9–10]. Из приведенного фрагмента можно сделать вывод, что аналитическое представление грамматики мало помогает полноценному активному овладению языком.

Решить описанные выше проблемы отчасти может помочь прием моделирования, примененный как основной принцип организации процесса обучения языку с учетом закономерностей коммуникативного акта. Оно может открыть неограниченные возможности в разработке эффективных методов преподавания родного, неродного и иностранного языка.

Работая над созданием моделей, лингвисты открыли немало закономерностей процесса функционирования естественного языка. Одной из самых актуальных для обучения языкам закономерностей является двухсторонний характер коммуникации, или биаспектуальное использование языка. В самом деле, процедурным актом реализации языка является речь, а для ее осуществления в одинаковой степени необходимы как говорящий, так и слушающий. Роль участника коммуникации самым решительным образом влияет на способ использования языковых средств в речи. В трудах по языкознанию давно было отмечено, что субъект и адресат речи используют в коммуникации диаметрально противоположные возможности языка [3]. Для говорящего использование языка заключается в синтезе синтаксических единиц, т. е. сводится к продуцированию, а для слушающего — в анализе уже готовых фраз, следовательно, соответствует рецепции [4, с. 8].

Результативность речи зависит от того, насколько анализ совпадает с операциями синтеза. Поскольку синтез начинается с идеи, а анализ ею завершается, то соответствие первого процесса второму в акте коммуникации приведет к адекватности усвоения идей: той, которую выражает говорящий, и той, которую должен усвоить слушающий. Напротив, если операции анализа не совпадут с синтезом, то идея, которая передавалась говорящим, не будет усвоена слушающим. Таким образом, синтез является

более значимой процедурой в коммуникации, нежели анализ. В этой связи также уместно вспомнить идеи В. фон Гумбольдта о первичности и важности синтеза для всей системы языка в целом: «Начиная со своего первого элемента, порождение языка — синтетический процесс, синтетический в том подлинном смысле слова, когда синтез создает нечто такое, что не содержалось ни в одной из сочетающихся частей как таковых» [2, с. 107].

Коммуникационные процедуры синтеза и анализа нашли отражение в лингвистических исследовательских методиках в виде двух типов моделей языка — синтетической и аналитической: 1) синтетическая модель отражает речевую деятельность с позиции говорящего; 2) аналитическая модель отражает речевую деятельность с позиции слушающего.

С разработкой разнообразных вариантов функциональных лингвистических моделей в методике обучения языку открылись новые возможности. Стали возможными оптимизация и регулирование процесса обучения языку в зависимости от цели его изучения. Если цель — овладение неродным языком или создание оригинального контента (в журналистике, рекламе и др.), то приоритетным принципом обучения должен быть синтез конструктивных единиц. Если язык изучается для переводческой деятельности в письменном формате (так называемого пассивного владения языком), то анализ должен занимать особое место в программе обучения. Если изучается родной язык, то синтез и анализ должны быть в относительном равновесии.

Анализ учебно-методических пособий и сборников упражнений по русскому языку показывает, что на сегодняшний день аналитический подход продолжает оставаться основным в процессе обучения как родному, так и неродному языку. Это значит, что действующие учебные программы фактически отражают систему языка с позиции слушающего. В итоге за весь образовательный период нерезультативно изучается как иностранный, так и собственный родной язык. Сам принцип подачи учебного материала, являясь односторонним, не может обеспечить полноценное владение языком. Все обучающиеся на вопрос, насколько хорошо они владеют изучаемым языком, дружно отвечают, что понимают речь и тексты, но не могут их пересказать.

Анализ учебных пособий для практических занятий по русскому языку показывает, что в них, как и в учебниках по теории языка, преобладает аналитический подход. Задания, постро-

енные на анализе языкового материала, составляют подавляющее большинство в сборниках упражнений по русскому языку [1]. Упражнения, отрабатывающие навыки порождения конструктивных единиц, также представлены в них, но в недостаточном количестве.

Наиболее частыми в сборниках упражнений являются задания следующих типов:

Задания, развивающие навыки анализа

1. Сделайте морфемный анализ выделенных в тексте слов и установите, как они образовались. Определите словообразовательное значение аффиксов, образующих эти слова.

2. Прочитайте предложения. Найдите в них глаголы движения в переносном значении.

3. Охарактеризуйте каждое из приведенных сложноподчиненных предложений.

4. Из каких предикативных частей состоят предложения? В каждой предикативной части выделите подлежащее и сказуемое. Чем они выражены?

5. Определите синтаксические связи между словами в данных предложениях: ...

Задания, развивающие навыки синтеза

1. Составьте небольшой рассказ на тему «Осень», употребив глаголы: засушить — засохнуть, мочить — мокнуть, мерзнуть — морозить и т. д.

2. Предложенные словосочетания трансформируйте в простые предложения. В тех случаях, когда это невозможно, объясните, почему. Употребите исходные словосочетания и вновь образованные предложения в речи.

3. Перестройте двусоставные предложения в односоставные, сохраняя в новых предложениях то же коммуникативное содержание. Объясните, какие при этом происходят структурные изменения.

4. Составьте предложения по следующим грамматико-семантическим схемам: производитель действия + действие + предмет, на который направлено действие, и т. д.

5. Постройте предложения по данным формальным схемам: личное местоимение + предлог С + существительное в творительном падеже + глагол в будущем времени + наречие.

Задания указанных выше типов необходимы в процессе изучения языка, поскольку без них невозможно научиться полноценно использовать язык в коммуникации. Проблема заключается в количестве и порядке чередования этих заданий на занятиях по русскому языку. Для повышения продуктивности обучения представленные выше задания необходимо дополнять

упражнениями, в которых синтез и анализ сочетаются друг с другом.

Задания, развивающие навыки синтеза и анализа

1. Определите схемы, по которым построены данные простые предложения. По каждой схеме постройте несколько предложений с теми же членами.

2. Перестройте сложные предложения в простые с сохранением прежнего коммуникативного содержания, применяя при этом различные приемы трансформации, устраняя грамматическую тавтологию и т. д.

3. Установите, какие грамматические и понятийные значения выражены в следующих предложениях. Выразите те же самые значения другими грамматическими средствами; для этого трансформируйте предложения.

4. Закончите предложения. Используйте дательный падеж.

5. Из двух простых предложений образуйте сложное предложение со словом *который*.

Как показала практика, изучающие язык (даже обучающиеся по направлениям филологии, журналистики и переводческого дела) испытывают большие затруднения, выполняя задания, развивающие навыки синтеза [7, с. 367]. Даже русскоязычные студенты плохо справляются с порождением синтаксических конструкций разного объема, с трудом определяют разницу, произошедшую в предложениях с допустимым изменением формы какого-либо члена предложения, и это свидетельствует о том, что они неполноценно владеют языком.

Аналитический подход в обучении языку сам по себе не является проблемой, так как это хорошо проявившая себя в образовательной практике научная парадигма. Проблемой является отношение к ней — в российском образовании аналитическая грамматика является единственной программной системой обучения русскому языку на всех специальностях вузов, на всех уровнях среднего образования и в школе, то есть она используется как универсальная, каковой она не является и не может являться. В некоторых сферах обучения от ее применения больше вреда, чем пользы, например, на отделениях журналистики, рекламного дела, юриспруденции, переводческого дела и т. д. Для специалистов этих направлений главной профессиональной задачей является умение создавать тексты и дискурсы, а не анализировать их, поэтому здесь нужна грамматика, отражающая категории синтеза, а не анализа.

Литература

1. Сборник заданий и упражнений / Л. В. Балахонская, Л. А. Вольская, А. И. Дунев и др. — М. : Высшая школа, 2005. — 303 с.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. — М., 1984. — 396 с.
3. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл $\leftrightarrow$ текст»: семантика, синтаксис / И. А. Мельчук. — М. : Языки рус. культуры, 1999. — 345 с.
4. Милославский И. Г. Культура речи и русская грамматика / И. Г. Милославский. — М., 2010. — 160 с.
5. Основы андрагогики : терминологический словарь-справочник для студентов социально-гуманитарных специальностей / сост. В. В. Маслова. — Мариуполь, 2004. — 19 с.
6. Проблемы структурной лингвистики / под ред. С. К. Шаумяна. — М. : Наука, 1973. — 599 с.
7. Урунова Р. Д. Аналитический и синтетический подходы в процессе обучения русскому языку / Р. Д. Урунова // Печать и слово Санкт-Петербурга. — СПб. : СПбГУПТД, 2017. — С. 363—367.
8. Урунова Р. Д. Информационные технологии в лингвистике / Р. Д. Урунова. — Beau Bassin : Academic Publishing RU, 2018. — 89 с.
9. Чейф У. Л. Значение и структура языка / У. Л. Чейф. — М. : Прогресс, 1975. — 430 с.
10. Хомский Н. Язык и проблемы знания / Н. Хомский // Вестн. Московского ун-та. Филология. — 1996. — № 2. — С. 103—122.

PROBLEMS OF TEACHING RUSSIAN LANGUAGE IN THE SYSTEM OF NATIONAL EDUCATION

R. D. Urunova

Kazan Federal University (Kazan, Russia)

urunova_rd@rambler.ru

The article presents the analysis of some factors of ineffective Russian language teaching in the Russian system of secondary and higher education. The article presents the results of a review analysis of the content of Russian philological education, the main concept of which is the so-called canonical grammar, characterized by a one-sided (analytical) approach to the language. The analytical component of the speech procedure reflects only the position of the addressee, so it can not be complete in language learning. In this regard, it is suggested that the ineffectiveness of linguistic methods is to some extent associated with insufficient attention to the two-sided nature of the communicative act, since the participants of communication use diametrically opposite possibilities of language in speech: the subject synthesizes speech units, and the addressee analyzes them. The article puts forward and defends the position that the role position of the participant of communication in the process of communication must be taken into account when choosing the main principle of language learning, especially in specialties for which the main profession is speech activity. To assess the current state of Russian linguistic education, an analysis of Russian school and University textbooks on the Russian language was made, which showed that the analytical approach characteristic of traditional grammar is a priority in them. The author concludes that canonical analytical grammar is not a problem in itself, its universal use is wrong. For specialties in which the main professional task is the ability to create texts and discourses, you need grammar that reflects the category of synthesis.

Key words: communication, analysis, synthesis, speaker, listener, traditional grammar.

References

1. Balahonskaya L. V., Volskaya L. A., Dunev A. I. i dr. (2005) Sbornik zadaniy i uprazhneniy [Exercise book]. Moscow: Izd-vo "Vysshaya shkola", 303 p.
2. Gumboldt V. fon. (1984) Izbrannye trudy po yazykoznaniiu [Selecta on linguistics]. Moscow, 396 p.
3. Melchuk I. A. (1999) Opyt teorii lingvisticheskikh modeley "Smysl $\leftrightarrow$ tekst": semantika, sintaksis [Experience of theory of linguistic models "Sence $\leftrightarrow$ Text"]. Moscow: Yaz. rus. kultury, 345 p.
4. Miloslavskiy I. G. (2010) Kultura rechi i russkaya grammatika [Speech culture and Russian grammar]. Moscow, 160 p.
5. Maslova V. V. (2004) Osnovy andragogiki. Terminologicheskii slovar-spravochnik dlya studentov sotsialno-gumanitarnykh spetsialnostey [Fundamentals of andragogy. Dictionary of terms for the students of socio-humanitarian specialties]. Mariupol, 19 p.
6. Shaumyana S. K. (1973) Problemy strukturnoy lingvistiki [Problems of structural linguistics]. Moscow: Izd-vo "Nauka", 599 p.
7. Urunova R. D. (2017) Analiticheskiy i sinteticheskiy podhody v protsesse obucheniya russkomu yazyku [Analytic and synthetic approaches in the process of teaching Russian language]. Pechat i slovo Sankt-Peterburga. St.-Petersburg: SPbGUPTD, p. 363—367.
8. Urunova R. D. (2018) Informatsionnye tehnologii v lingvistike [Information technologies in linguistics]. Beau Bassin: Academic Publishing RU, 89 p.
9. Cheyf U. L. (1975) Znachenie i struktura yazyka [Value and structure of language]. Moscow: Progress, 430 p.
10. Homskiy N. (1996) Yazyk i problemy znaniya [Language and problem of knowledge]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Filologiya, (2), p. 103—122.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Е. В. Медведев

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
oxumoron@rambler.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена анализу социально-правовых оснований декриминализации преступлений в сфере экономической деятельности, не представляющих повышенной общественной опасности. В ней исследуются особенности объективного и субъективного проявления социальной опасности ряда экономических преступлений, а также специфика причинения ими вреда охраняемым уголовным законом интересам личности, общества и государства, освещаются проблемные стороны практики применения соответствующих им уголовно-правовых норм, вскрываются ее негативные стороны, обусловленные широкими возможностями для усмотрения со стороны правоприменителя при квалификации деяний, и, как следствие, использование пробелов, допущенных разработчиками УК РФ, при возбуждении уголовных дел и принятии по ним процессуальных решений. В ходе исследования автор приходит к выводу о том, что именно законодательные недоработки выступают главным фактором злоупотребления со стороны представителей правоохранительных органов при осуществлении необоснованного уголовного преследования в отношении предпринимателей, и предлагает пути совершенствования уголовного законодательства в данной сфере в виде декриминализации ряда экономических преступлений.

Ключевые слова: экономические преступления, преступления в сфере предпринимательской деятельности, незаконное предпринимательство, ущерб от экономических преступлений, декриминализация преступлений, административная преюдиция.

Нормы Уголовного кодекса Российской Федерации об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности не раз подвергались жесткой критике не только со стороны представителей бизнес-сообщества и деятелей науки, но и со стороны высших должностных лиц государства. Еще в 2013 году на Всероссийском совещании прокуроров по вопросам защиты прав предпринимателей Генеральный прокурор РФ указал на необходимость искоренения практики необоснованного возбуждения уголовных дел, наложения арестов на счета и активы предприятий и предпринимателей. Неоднократно обращал внимание на эту проблему и Президент Российской Федерации В. В. Путин. В Послании Федеральному Собранию 2016 года

он призвал к сокращению излишней активности правоохранительных органов в бизнесе, а в Послании 2018 года заявил, что УК РФ «должен перестать быть инструментом решения хозяйственных споров между юридическими лицами».

В данной связи в последние годы государством был предпринят ряд конструктивных шагов как в плане совершенствования уголовного законодательства, так и изменения правоприменительной практики [8, с. 24]. В частности, не так давно под личным контролем Генерального прокурора была создана горячая линия прокуратуры РФ для предпринимателей, существенно продвинулся в развитии и укрепил свои позиции институт Уполномоченного по правам предпринимателей при Президенте РФ и т. д.

Но, несмотря на это, общее состояние дел в сфере уголовного преследования представителей бизнеса заметно не улучшилось [9, с. 12]. По-прежнему некоторые статьи уголовного кодекса об ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности применяются незаконно и необоснованно. «Нечистые на руку» представители правоохранительных органов все так же используют нормы, предусмотренные статьями 171 УК (Незаконное предпринимательство) и статьями 171.1 УК (Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации), и др. как инструмент давления на добросовестных предпринимателей с целью склонения их к незаконным «поборам» или устранения «сильных» и неудобных конкурентов с рынка товаров, услуг и т. д.

Причем иногда сотрудники правоохранительных органов не стесняются применять меры уголовно-правового воздействия и уголовно-процессуального принуждения к участникам бизнеса даже в откровенно спорных с юридической точки зрения ситуациях, не имеющих уголовно-правовой природы, бесцеремонно вторгаясь в гражданско-правовые деликты и иные правовые казусы, подменяя меры воздействия гражданско-правового характера и административно-правового реагирования уголовно-правовыми инструментами [10, с. 46].

К сожалению, в целом положение дел в сфере уголовно-правового регулирования порядка осуществления предпринимательской деятельности оставляет желать лучшего и говорит о том, что пока в уголовном кодексе есть соответствующие нормы-запреты, они, несмотря ни на что, будут применяться недобросовестными представителями правоохранительной системы. Стало быть, единственный выход — принимать меры по декриминализации тех норм, которые приносят больше бед, чем пользы, которые устанавливают уголовную ответственность за преступления, не отличающиеся повышенной общественной опасностью, и могут быть обращены не во благо, а в ущерб, в особенности интересам развития малого и среднего бизнеса.

Нельзя сказать, что законодатель ничего не делает в указанном направлении. Скорее даже наоборот, законотворческий процесс в плане реформирования положений главы 22 УК «Преступления в сфере экономической деятельности» отличается повышенной активностью. Так, за сравнительно небольшой период существо-

вания и действия Уголовного кодекса Российской Федерации изменениям и дополнениям подверглись 45 статей из 54 (или 83,3 %) данной главы. При этом из нее были исключены четыре статьи: статья 173 УК (Лжепредпринимательство) — в 2010 году, статья 182 УК (Заведомо ложная реклама) — в 2003 году, статья 188 УК (Контрабанда) — в 2011 году и статья 200 УК (Обман потребителей) — в 2003 году и включено 26 новых статей.

Но количество проведенных преобразований, как справедливо отмечает большинство специалистов, не всегда, а в данном случае в особенности, означает качество [1, с. 43]. Такая «поразительная» динамика законотворческой деятельности в области уголовного законодательства об ответственности за посягательства на порядок осуществления законной, основанной на здоровой конкурентности и состязательности предпринимательской и иной экономической деятельности, — пока в большей степени показатель противоречивости и несистемности представлений о феномене экономических преступлений у разработчиков УК, а в целом — даже некой растерянности законодателя.

В качестве одной из ключевых проблем главы 22 УК РФ большинство ученых и практиков отмечают ее явное перенасыщение [5, с. 29]. По законотворческой активности в обозначенной сфере создается впечатление, что любые общественно опасные формы индивидуального поведения в экономической сфере можно устранить лишь путем уголовно-правового воздействия на них [2, с. 70]. Между тем анализ главы 22 о преступлениях в сфере экономической деятельности показывает, что из содержащихся в ней более 50 разных по характеру и степени общественной опасности деяний многие преступления «либо уже были закреплены уголовно-правовыми общими нормами, либо не представляют такой общественной опасности, которая с неизбежностью и обязательностью нуждается именно в уголовно-правовой реакции» [3, с. 112].

Взять хотя бы все тот же запрет на незаконную предпринимательскую деятельность, установленный статьей 171 УК. Действительно, осуществление определенных видов лицензируемой деятельности вне государственного контроля (без соответствующей лицензии), таких как, например, производство лекарственных средств, оборот оружия и т. д., способно причинять существенный вред охраняемым уголовным законом интересам. Но на этот случай УК уже располагает достаточным арсеналом предупредительных средств, которые предусмотрены

статьей 235 УК и статьями 222—223 УК соответственно.

По крайней мере, именно такая тенденция сложилась в судебной практике. В качестве примера можно привести постановление Пленума ВС РФ от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве», согласно тексту которого действия лица, занимающегося частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью без соответствующего специального разрешения (лицензии), если они повлекли по неосторожности причинение вреда здоровью или смерть человека, надлежит квалифицировать по соответствующей части статьи 235 УК РФ.

Другой существенный недостаток конструкции рассматриваемого состава связан с тем, что преступный характер незаконной предпринимательской деятельности (осуществляемой с нарушением лицензионных требований и условий) определяется согласно статье 171 УК РФ причинением крупного ущерба гражданам, организациям или государству. Однако в некоторых случаях причинение имущественного ущерба — весьма сомнительный показатель содержательной стороны общественной опасности такого рода деяний, поскольку не всегда существенное нарушение лицензионных требований, представляющее реальную угрозу охраняемым уголовным законом интересам, может быть связано с наступлением последствий в виде материально выраженного ущерба и наоборот. К примеру, пункт 32 части 1 статьи 12 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» относит к лицензируемым видам деятельности частную охранную деятельность. Нарушение лицензионных требований в данной сфере профессиональной деятельности может выразиться в отсутствии у работников частной охранной организации, осуществляющих охранные услуги, необходимой квалификации или разрешения на огнестрельное оружие, что может при неосторожном обращении таких лиц с последним повлечь тяжкие последствия, и т. д.

Помимо указанного признака законодатель связывает криминальный характер осуществления незаконной (с нарушением лицензионных требований) предпринимательской деятельности с извлечением дохода в крупном размере, что представляется еще менее обоснованным. В соответствии с примечанием к статье 170.2 УК РФ крупным ущербом либо доходом в крупном размере признаются ущерб или доход в сумме, превышающей 2 250 000 рублей.

Но, во-первых, «нелегальные» предприниматели, как правило, прекрасно осведомлены о содержании ст. 171 УК РФ и стараются не доводить доход до названной суммы. При этом бухгалтерская документация чаще всего либо не ведется вообще, либо ее хранят подальше от места осуществления предпринимательской деятельности, в связи с чем использование таких финансовых документов в качестве доказательств крайне затруднительно.

Во-вторых, отсутствие крупного размера дохода или крупного ущерба квалифицируется в практике неоднозначно. В большинстве подобных случаев судебно-следственные органы (если нет определенного интереса в возбуждении уголовного дела) исходят из отсутствия состава преступления, констатируя при этом факт совершения административного правонарушения, предусмотренного статьей 14.1 КоАП РФ. В тех же случаях, когда предпринимателя «нужно» привлечь к уголовной ответственности, начинают складывать все виды доходов, полученных как от незаконной, так и от легальной деятельности, чтобы довести общую сумму до необходимого порога.

Но дело, думается, даже не в этом. Само наличие данного признака в статье 171 УК дает возможность для «творческого» его использования в правоохранительной деятельности, т. е. возможность применения данной статьи по усмотрению, избирательно. В результате в «особо нужных» случаях, когда сумма извлеченного дохода предпринимателя не дотягивает до крупного размера, такие деяния позволительно квалифицировать как покушение на преступление, предусмотренное статьей 171 УК, поскольку субъект преступления «планировал» извлечение дохода в крупном размере.

Так, Ардонским районным судом Республики Северная Осетия — Алания было установлено, что М.З.А. совершил покушение на незаконное предпринимательство, поскольку он, не зарегистрировавшись в установленном законом порядке в качестве индивидуального предпринимателя, не имея лицензии на реализацию алкогольной продукции, с целью последующего сбыта и извлечения дохода в особо крупном размере, приобрел из неустановленного источника алкогольную продукцию общей стоимостью 22 562 923 рубля 45 копеек. Указанная алкогольная продукция незаконно хранилась М.З.А. в арендуемых им складских помещениях с целью последующего сбыта. Довести свой преступный умысел до конца М.З.А. не смог по независящим от него обстоятельствам, так как в

ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками ГУЭБиПК МВД России вышеуказанная алкогольная продукция была обнаружена и изъята.

Похожие проблемы, как справедливо отмечают многие специалисты, встречаются и при применении статьи 172 УК РФ, где при определении крупного ущерба присутствуют сложности в оценке таких явлений, как инфляция или эмиссия денег, выплата вознаграждений за услуги нелегального банка, продолжаемый характер деятельности и т. д. [6, с. 36].

Еще одной существенной проблемой реализации положений, закрепленных в главе 22 УК РФ, является бланкетный характер большинства содержащихся в ней запретов, который требует максимальной их согласованности с нормами соответствующего отраслевого законодательства (бюджетного, налогового, таможенного, антимонопольного и т. д.), чего пока также не наблюдается. В качестве наглядного примера можно привести норму об уголовной ответственности за незаконное использование предупредительной маркировки в отношении незарегистрированного в РФ товарного знака или наименования места происхождения товара, если деяние совершено неоднократно или причинило крупный ущерб (часть 2 статьи 180 УК РФ), которая на данный момент оказалась совершенно невостребованной на практике. Правоприменитель попросту не имеет возможности ее применять в силу того, что законодательная формулировка для квалификации деяния по указанной статье требует сначала привлечения лица к ответственности за аналогичное административное правонарушение, однако в административном законодательстве необходимая для этого норма пока отсутствует [4, с. 168].

Обозначенные выше проблемы декриминализации экономических преступлений в значительной части могли бы быть разрешены посредством включения в конструкции анализируемых составов преступлений элементов административной преюдиции. При таком подходе построения запретов уголовная ответственность за те или иные деяния наступала бы лишь при условии, что лицо ранее уже совершало идентичные деяния, предусмотренные КоАП РФ. Использование положений данного института нивелировало бы необходимость доказывания размера ущерба или дохода, а вместе с тем решило бы и проблему квалификации неоконченных преступлений.

Применение средств административной преюдиции при конструировании многих уго-

ловно-правовых норм, в частности, закрепленной в статье 180 УК РФ, избавило бы также законодателя и от необходимости использования в конструкциях составов экономических преступлений крайне неудобного во всех отношениях признака «неоднократность», а вместе с тем обеспечило бы закрепление категориального разграничения экономических преступлений и административных правонарушений.

В то же время следует иметь в виду, что этот способ конструирования уголовно-правовых запретов не является панацеей (а в ряде случаев, наоборот, не оправдан, например, в отношении преступлений, имеющих крайне низкий уровень повторности, — преступлений в сфере банкротства, таких как неправомерные действия при банкротстве (статья 195 УК РФ), преднамеренное банкротство (статья 196 УК РФ) и фиктивное банкротство (статья 197 УК РФ)) [3] и само по себе совершенствование института преюдиции в уголовном законодательстве — не единственный эффективный вариант декриминализации экономических преступлений.

К этому сложному многоаспектному вопросу необходимо подходить комплексно и весьма осторожно. В то же время при аккуратном, последовательном применении административной преюдиции гуманизация законодательства может быть продолжена без ущерба охраняемым общественным отношениям и в строгом соответствии с принципами отечественной уголовной политики.

Наконец, при проведении политики декриминализации составов экономических преступлений важно не забывать и о конституционном принципе справедливости, выражающемся в обеспечении баланса прав и обязанностей участников правоотношений (в данном случае — экономических). Нельзя впадать в крайности и, решая один блок проблем, создавать новые. Защита прав добропорядочных хозяйствующих субъектов невозможна без наличия в законодательстве и правоприменительной практике определенных репрессивных (в том числе уголовных) мер в отношении лиц, эти права ограничивающих.

Следует помнить, что с учетом высокого уровня общественной опасности нахождение многих деяний в главе 22 УК РФ и закрепление жестких мер уголовной репрессии в отношении лиц, их совершающих, абсолютно обоснованно. По данным ГИАЦ МВД России, материальный ущерб по всем оконченным и приостановленным в 2017 году уголовным делам составил 408 491 411 тысяч рублей, из них на долю пре-

ступлений экономической направленности приходится 234 286 685 тысяч рублей. И эти цифры, по мнению многих специалистов, далеки от реального положения дел в указанной сфере [11, с. 132].

В ноябре 2018 года в рамках президентской инициативы был подготовлен и внесен на обсуждение Государственной Думы Российской Федерации еще один пакет предполагаемых поправок в Уголовный кодекс РФ, который в целом, несомненно, заслуживает поддержки.

Соглашаясь с большинством его положений, считаем необходимым проведение комплексной ревизии составов преступлений, ответственность за которые предусмотрена главой 22 УК РФ. Нормы указанной главы были закреплены более 20 лет назад, когда экономическая политика государства была совершенно иной, а многие ныне действующие экономические институты либо еще не существовали, либо находились в стадии зарождения. Вносимые в течение всех этих лет изменения в текст закона носят во многом хаотичный несистемный характер, что объективно приводит к выводу о необходимости углубленных исследований составов преступлений, закрепленных в главе 22 УК РФ в ее современном виде, с позиций оценки уровня общественной опасности таковых, вреда, нано-

симого охраняемым законом интересам, возможности воздействия на лиц, совершающих указанные деяния, мерами административного законодательства.

Исключение в результате таких исследований из текста указанной главы не свойственных ей составов преступлений позволит сконцентрироваться на уголовно-правовой охране добропорядочной конкуренции, необходимой для экономической безопасности и стабильности функционирования экономической системы государства, и устранить возможность использования несовершенства законодательных конструкций, закрепленных в главе 22 УК РФ, недобросовестными представителями правоохранительных органов в целях оказания давления на участников предпринимательской деятельности.

Нельзя также забывать и о необходимости выстраивания правоприменительной практики, которая бы отвечала не интересам конкретных сотрудников правоохранительных и судебных органов, а задачам, стоящим перед уголовным законодательством в целом, и о формировании ответственного отношения самого бизнес-сообщества к закрепленным Конституцией ограничениям и правам, реализация которых должна происходить в цивилизованных формах и носить добропорядочный характер.

Литература

1. Гладких В. И. Проблемы уголовно-правового регулирования предпринимательской деятельности / В. И. Гладких // Безопасность бизнеса. — 2017. — № 3. — С. 42—47.
2. Жестеров П. В. Уголовная репрессия в сфере экономической деятельности в России / П. В. Жестеров // Евразийская адвокатура. — 2015. — № 6. — С. 70.
3. Иногамова-Хегай Л. В. Современные вызовы: проблемы противодействия «экономическим» преступлениям / Л. В. Иногамова-Хегай // Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт : материалы VI совместного российско-германского круглого стола (Москва, 23 октября 2014 г.) / редкол.: А. И. Рарог, Т. Г. Понятовская. — М., 2015. — С. 109—119.
4. Кузнецов А. П. Проблемы рассогласованности положений главы 22 УК РФ с положениями отраслевых законодательств / А. П. Кузнецов // Юридическая наука и практика. Вестн. Нижегородской акад. МВД России. — 2016. — № 2. — С. 168.
5. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: о руинах уголовного закона / Н. А. Лопашенко // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018. — № 2. — С. 27—35.
6. Ляскало А. Н. Проблемы применения уголовного закона за незаконную банковскую деятельность / А. Н. Ляскало // Деньги и кредит. — 2015. — № 2. — С. 34—39.
7. Тесленко А. В. Уголовный кодекс — инструмент репрессии или защиты добросовестных предпринимателей? / А. В. Тесленко // Закон. — 2018. — № 8. — С. 84—92.
8. Шестак В. А. Современные особенности привлечения к уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности / В. А. Шестак // Российская юстиция. — 2017. — № 10. — С. 24—27.
9. Яни П. Незаконное предпринимательство и легализация преступно приобретенного имущества / П. Яни // Законность. — 2005. — № 3. — С. 12—13.
10. Яни П. С. Предпринимательские преступления против собственности / П. С. Яни // Законность. — 2017. — № 1. — С. 46—51.
11. Яценко Б. В. Проблемы соблюдения принципа законности в контексте совершенствования уголовного законодательства России / Б. В. Яценко // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 128—132.

PROSPECTS OF DECRIMINALIZATION
OF CRIMES IN THE FIELD OF ECONOMIC ACTIVITY

E. V. Medvedev

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

oxymoron@rambler.ru

The article is devoted to the analysis of social and legal grounds of decriminalization of crimes in the sphere of economic activity, which do not represent an increased social danger. It examines the features of objective and subjective manifestations of social danger of a number of economic crimes, as well as the specifics of their harm to the interests of the individual, society and the state protected by criminal law, highlights the problematic aspects of the practice of applying the relevant criminal law norms, reveals its negative sides due to the broad possibilities for discretion on the part of the law enforcement officer in the qualification of acts, and as a consequence — the use of gaps made by the developers of the criminal code, when initiating criminal cases and making procedural decisions on them. In the course of the study, the author comes to the conclusion that it is the legislative shortcomings that are the main factor of abuse by law enforcement officials in the implementation of unjustified criminal prosecution against entrepreneurs and suggests ways to improve criminal legislation in this area in the form of decriminalization of a number of economic crimes.

Key words: economic crimes, crimes in the sphere of entrepreneurial activity, illegal entrepreneurship, damage from economic crimes, decriminalization of crimes, administrative prejudice.

References

1. Gladkih V. I. (2017) Problemy ugovolno-pravovogo regulirovaniya predprinimatelskoy deyatel'nosti [Problems of criminal regulation of entrepreneurial business]. *Bezopasnost biznesa*, (3), p. 42—47.
2. Zhesterov P. V. (2015) Ugolovnaya repressiya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti v Rossii [Criminal repression in the field of economic activity in Russia]. *Evrasiyskaya advokatura*, (6), p. 70.
3. Inogamova-Hegay L. V. (2015) Sovremennye vyzovy: problemy protivodeystviya "ekonomicheskim" prestupleniyam [Modern challenges: problems of economic crime prevention]. *Prestupleniya v sfere ekonomiki: rossiyskiy i evropeyskiy opyt: proceedings of VI cooperative Russian and German roundtable discussion (Moscow, 23 October 2014)*. Moscow, p. 109—119.
4. Kuznetsov A. P. (2016) Problemy rassoglasovannosti polozheniy glavy 22 UK RF s polozheniyami otraslevykh zakonodatelstv [Incoherence problems of provisions of Article 22 of the Criminal Code of the Russian Federation with the provisions of sectoral laws]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, (2), p. 168.
5. Lopashenko N. A. (2018) Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti: o ruinah ugovol'nogo zakona [Economic crimes: on the ruins of criminal law]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, (2), p. 27—35.
6. Lyaskalo A. N. (2015) Problemy primeneniya ugovol'nogo zakona za nezakonnuyu bankovskuyu deyatel'nost [Problems of criminal enforcement for illegal banking business]. *Dengi i kredit*, (2), p. 34—39.
7. Teslenko A. V. (2018) Ugolovnyy kodeks — instrument repressii ili zashchity dobrosovestnykh predprinimateley? [Criminal Code — the tool of repression or the protection of honest entrepreneurs]. *Zakon*, (8), p. 84—92.
8. Shestak V. A. (2017) Sovremennye osobennosti privlecheniya k ugovol'noy otvetstvennosti za prestupleniya v sfere predprinimatelskoy i inoy ekonomicheskoy deyatel'nosti [Modern peculiarities of criminal prosecution for business and economic crimes]. *Rossiyskaya yustitsiya*, (10), p. 24—27.
9. Yani P. (2005) Nezakonnnoe predprinimatel'stvo i legalizatsiya prestupno priobretennogo imushchestva [Illegal entrepreneurship and the legalization of illegally obtained property]. *Zakonnost*, (3), p. 12—13.
10. Yani P. S. (2017) Predprinimatelskie prestupleniya protiv sobstvennosti [Business offences against property]. *Zakonnost*, (1), p. 46—51.
11. Yatsenko B. V. (2017) Problemy soblyudeniya printsipa zakonnosti v kontekste sovershenstvovaniya ugovol'nogo zakonodatel'stva Rossii [Problems of adherence to the principle of legality in the context of criminal legislation development in Russia]. *Ugolovnoe pravo*, (4), p. 128—132.

Л. Н. Ракитина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
lar73@mail.ru

МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ КАК НЕПОИМЕНОВАННЫЙ КОМПЛЕКСНЫЙ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ДОГОВОР СМЕШАННОГО ТИПА

Действующее законодательство не содержит определения, что такое мировое соглашение, хотя мировое соглашение является известным и широко распространенным процессуальным средством урегулирования правового конфликта, служащего предметом судебного разбирательства.

Современные процессуальные кодексы — ГПК РФ, АПК РФ — уделяют самой процедуре утверждения мирового соглашения достаточно большое внимание. При этом относительно содержания мирового соглашения в процессуальных кодексах говорится очень скупо, что дает пищу для размышлений ученым. Существует несколько позиций относительно содержания такого соглашения: одни считают, что в нем должны находить отражение взаимные уступки, другие полагают, что мировое соглашение возможно основать и на односторонних уступках. Судебная практика изобилует примерами достижения соглашения сторонами на основе и первого и второго подходов.

Вместе с тем мировое соглашение является не только процессуальным средством прекращения спора в суде, но одновременно оно может быть охарактеризовано как гражданско-правовой договор с особым порядком его заключения и утверждения. Автор, опираясь на доктрину российского права, рассуждает о юридической квалификации мирового соглашения и приходит к выводу, что мировое соглашение следует считать непоименованным комплексным гражданско-правовым договором смешанного типа. Мировое соглашение — непоименованный договор, поскольку он не упоминается в ГК РФ. Комплексность мирового соглашения выражается в урегулированности его гражданским процессуальным и гражданским правом. Наконец, мировое соглашение следует отнести к договорам смешанного типа, поскольку он соединяет в себе элементы различных договорных конструкций.

Ключевые слова: цивилистический процесс, мировое соглашение, гражданско-правовой договор, смешанный тип, комплексный договор, непоименованный договор.

1. В современном мире постоянно происходят процессы дифференциации и интеграции (унификации) в праве. При этом если дифференциация — это специализация, направленная на обособление, отпочкование различных структурных блоков системы законодательства в целях наиболее полного воздействия на общественные отношения [1], то интеграция в праве — это «объединение элементов системы права в структурно упорядоченное целостное единство, обладающее относительной самостоятельностью, устойчивостью и автономностью функционирования...» [2].

2. Вследствие этого в российском праве возникает ряд ситуаций, обусловленных дифференциацией и интеграцией в праве. В частности, имеет место так называемая конкуренция правовых норм, причем процессы дальнейшей интеграции и дифференциации правовой материи порождают всё большее число конкури-

рующих между собой общих и специальных предписаний (как пример такой конкуренции). Для правильного функционирования системы права требуется соответствующая корреляция, которая осуществляется в том числе и путем использования определенных правил.

Так, при конкуренции правовых норм преимуществом должна обладать специальная норма (специальный закон вытесняет (отменяет) общий закон — общий принцип, восходящий к римскому праву). Однако если между общей и специальной нормой есть противоречия (коллизия), приоритет должен сохраняться за общей нормой.

В качестве примера можно привести ситуацию с нормами о письменной форме сделки между гражданами (ст. 161 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [3], содержащая общую норму, говорит о необходимости соблюдения простой письменной формы сделки между гра-

жданами при сумме сделки более 10 000 руб., а в случаях, предусмотренных законом, — независимо от суммы сделки; а ст. 808 ГК РФ [4] предписывает соблюдение простой письменной формы договора займа, если его сумма превышает не менее чем в десять раз установленный законом минимальный размер оплаты труда, который для данных целей с 01.01.2001 установлен законом в 100 руб. [5] и с тех пор не менялся, т. е. речь идет о сумме всего в 1000 руб.). Налицо противоречие (коллизия), и в силу названного правила приоритет должен сохраняться за общей нормой. Это означает, что при заключении договора займа между гражданами простая письменная форма должна соблюдаться при сумме займа более 10 000 руб.

3. Представляется, что такой же подход должен быть избран и по отношению ко всем иным договорам гражданско-правового характера, которые «рассредоточены» в системе российского права по другим отраслям права, которые «вкраплены» в законы, регулирующие иные материальные, а нередко и процессуальные правоотношения. Примером может служить мировое соглашение в гражданском процессуальном праве (ст. 39 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ)) [6], мировое соглашение в арбитражном процессуальном праве (глава 15 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее — АПК РФ)) [7], медиативное соглашение (ст. 12 Закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [8] и др.

Что имеется в виду?

Ситуация, когда возникает коллизия между нормами гражданского права и нормами, содержащимися соответственно в ГПК, АПК и других законах, которые являются специальными по отношению к ГК РФ, должна разрешаться в пользу ГК РФ. Приоритет должен сохраняться за нормами общего характера, которые содержатся в ГК РФ.

4. Возьмем, к примеру, мировое соглашение, которое нередко именуют «мировой сделкой», что объективно соответствует характеру судебного спора, вытекающего из гражданских правоотношений (М. А. Рожкова [9] и др.). Истины ради надо отметить, что термин «сделка» сейчас используется не только в сфере гражданских правоотношений (например, «сделка с правосудием» — в уголовном процессе [10]). Что касается споров, вытекающих из публичных правоотношений, рассмотрение которых в суде также может окончиться примирением сторон, выраженным в соответствующем соглашении об

этом, то в ст. 46 Кодекса административного судопроизводства (далее — КАС РФ) [11] оно именуется «соглашением о примирении», хотя в АПК РФ по тем же спорам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, по-прежнему допускается заключение именно мировых соглашений (ст. 190 АПК РФ).

В этой связи полагаем, что сделкой (а поскольку она, как правило, двусторонняя, хотя может быть и многосторонней с учетом возможности участия в мировом соглашении третьих лиц с самостоятельными требованиями, то она еще и договор) с точки зрения гражданского права может быть только такое мировое соглашение, которое заключено по спору гражданско-правового характера.

5. Иначе говоря, мировое соглашение — это сделка, или двух- или многосторонний гражданско-правовой договор, который относится к разряду непоименованных (если строго говорить, в ГПК РФ, АПК РФ мировое соглашение не называется договором, да и вообще его определения названные кодексы не содержат), но и в ГК РФ он не назван (не поименован).

Современные исследователи утверждают, правда, что мировое соглашение (мировая сделка) не является самостоятельным видом договора [12], хотя соглашаются, что она может стать основанием различных обязательств. Однако с тем, что мировое соглашение — не самостоятельный вид договора, вряд ли можно согласиться, поскольку эта позиция весьма противоречива. С одной стороны, мировое соглашение — двусторонняя сделка (договор), с другой стороны — не самостоятельный вид данного договора? На наш взгляд, в том, что в такой сделке выражается истинная воля сторон на её заключение, как раз и заключается самостоятельность данного вида договора.

Конечно, здесь необходимо учитывать позицию ВАС РФ, изложенную им в постановлении от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и её пределах»: «...при оценке судом того, является ли договор непоименованным, принимаются во внимание не его название, а предмет договора, действительное содержание прав и обязанностей сторон, распределение рисков и т. д. В таких случаях... к непоименованным договорам при отсутствии в них признаков смешанного договора (п. 3 ст. 421 ГК РФ) правила об отдельных видах договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами, не применяются» [13]. Однако ВАС допускает, что нормы об отдельных видах договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами, могут быть

применены к непоименованному договору по аналогии закона в случае сходства отношений и отсутствия их прямого урегулирования соглашением сторон (п. 1 ст. 6 ГК РФ).

Но факт остается фактом — мировое соглашение как договор нигде не поименован.

6. Мировое соглашение — это комплексный договор в силу того, что регулируется одновременно несколькими отраслями права (гражданским правом, гражданским процессуальным и арбитражным процессуальным правом). Кроме того, заключением мирового соглашения преследуются сразу две цели: материально-правовая — урегулировать спор, возникший между участниками гражданского правоотношения, и процессуально-правовая — прекратить его судебное разбирательство. При таких обстоятельствах можно говорить, что стороны мирового соглашения договариваются о достижении двух целей и заключают об этом как минимум два договора.

По мнению Е. А. Суханова, комплексный договор представляет собой совокупность нескольких вполне самостоятельных договоров, условия которых зафиксированы в едином документе, согласованном сторонами [14]. Этот подход представляется верным. Таким образом, и с этой стороны мировое соглашение представляет собой комплексный договор.

Думается, такой подход поддержан и авторами Концепции единого ГПК РФ в ст. 15.3.8, где отмечается, что мировое соглашение, являясь институтом процессуального законодательства, представляет собой сделку, к которой могут применяться также правила гражданского законодательства, например о договорах, в том числе правила о свободе договора, об отступном, о новации, о прощении долга, о зачете встречного однородного требования, о возмещении вреда [15].

7. Мировое соглашение — это смешанный тип договора, поскольку это договор, который может «...порождать обязательства, входящие в состав двух либо нескольких урегулированных законом типичных договорных отношений» [16]. Смешанный договор, по мнению А. И. Бычкова, соединяет в себе элементы различных гражданско-правовых договоров [17], с чем нельзя не согласиться.

Как известно, в смешанном договоре, представляющем собой единое основание возникновения гражданских прав и обязанностей и порождающем обязательство, могут находиться несколько элементов, которые входят в разные договорные типы или виды.

Вместе с тем, как правильно отмечает А. И. Бычков, «мировое соглашение, будучи смешанным договором, является отдельной сделкой, поскольку все её элементы связаны одной предметной направленностью — урегулированием возникшего спора и прекращением его на приемлемых для сторон условиях» [18]. К такому соглашению, как указывал ВАС РФ, нельзя присоединить иные соглашения, которые не касаются предмета спора, поскольку стороны спора вправе включить в него только те положения, которые связаны с заявленными исковыми требованиями, в том числе с теми, которые не были предметом судебного разбирательства (п. 13 постановления Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе») [19].

8. В литературе справедливо отмечаются следующие особенности мирового соглашения как договора:

- заключается лицами, которые уже связаны спорным гражданским правоотношением;

- носит возмездный характер (уплата денег, передача имущества, отказ от прав, выполнение работ, оказание услуг и т. п.);

- как правило, носит взаимный характер (права и обязанности возникают у обеих сторон, если обе стороны идут на взаимные уступки);

- является консенсуальным по своему характеру (достаточно соглашения сторон, не сопровождается передачей вещи или денег);

- вступает в силу после утверждения судом [20].

Представляется, что эти характеристики позволяют с ещё большей уверенностью отнести мировое соглашение к непоименованным комплексным договорам смешанного типа.

9. В других государствах мировое соглашение (мировая сделка) регулируется нормами гражданского законодательства. Такого положения дел во Франции (ст. 2044—2058 ГК Франции), Италии (ст. 1985—1976 ГК Италии), Германии (§ 127a, 779, 782, 1822 Германского гражданского уложения), Испании (ст. 1809—1819 ГК Испании), Греции (глава 23 кн. 2 ГК Греции). В то же время процессуальные вопросы регулируются процессуальным законодательством, где предусматривается, что стороны могут примириться в течение всего процесса по делу. Соответствующие положения содержатся в Гражданском процессуальном уложении Германии (§ 81, 83 и др.), в новом ГПК Франции (ст. 127—131) и др. [21].

10. В российском праве сложилась парадоксальная ситуация: мировое соглашение регули-

руется только процессуальным законодательством, а в гражданском праве о нем нет норм вообще. Причем это сложилось исторически, до-революционные ученые предлагали устранить этот недостаток путем введения в Гражданское уложение Российской империи нескольких статей о мировых сделках, однако этому не суждено было осуществиться.

В советское время этот институт не получил развития, при разработке Концепции совершенствования гражданского законодательства идея о введении в ГК РФ положений о мировой сделке (мировом соглашении) поддержки не получила, так что и сейчас в ГК РФ нет норм о миро-

вой сделке как о гражданско-правовом договоре. Очевидно, это дело будущего.

Общий вывод таков: мировое соглашение — это непоименованный, комплексный гражданско-правовой договор смешанного типа, при необходимости толкования которого исходить следует из общих положений ГК РФ как имеющих приоритет, несмотря на то, что институт мирового соглашения имеет двойственную природу — и гражданско-правовую, и процессуально-правовую, хотя по-настоящему полноценного правового регулирования он, к сожалению, не получил ни в процессуальных, ни в материально-правовых нормах.

Литература

1. Сенякин И. Н. Специализация и унификация российского законодательства / И. Н. Сенякин // Проблемы теории и практики. — Саратов, 1993. — С. 60.
2. Кулапов В. Л. Теоретические основы правовой интеграции / В. Л. Кулапов, Е. Г. Потапенко. — М., 2011. — С. 27.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Российская газета. — 1994. — 8 дек.; 2016. — 4 июля.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // Российская газета. — 1996. — 6—8, 10 февр.; 2016. — 25 мая.
5. Федеральный закон от 19.06.2000 № 82-ФЗ (ред. от 02.06.2016) «О минимальном размере оплаты труда» // Российская газета. — 2000. — 21 июня; 2016. — 6 июня.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (с изм. от 03.07.2016) // Российская газета. — 2002. — 20 нояб.; 2016. — 8 июля.
7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (с изм. от 23.06.2016) // Российская газета. — 2002. — 27 июля; 2016. — 29 июня.
8. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Российская газета. — 2010. — 30 июля; 2013. — 10 июля.
9. Рожкова М. А. Применение в коммерческом обороте мировой сделки / М. А. Рожкова // Подготовлено для СПС КонсультантПлюс. — 2004.
10. Залов А. Ф. Сделка с правосудием: проблемы правоприменения / А. Ф. Залов // Законность. — 2011. — № 8. — С. 34—40; Александров Р. А. Проблемы рассмотрения в особом порядке уголовных дел при заключенном досудебном соглашении о сотрудничестве, вызванные смешением различных институтов «сделок с правосудием» / Р. А. Александров // Российский судья. — 2015. — № 6. — С. 26—30 и др.
11. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (с изм. от 03.07.2016) // Российская газета. — 2015. — 11 марта; 2016. — 8 июля.
12. Рожкова М. А. Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства : моногр. / М. А. Рожкова, М. Е. Глазкова, М. А. Савина ; под общ. ред. М. А. Рожковой. — М. : ИЗИСП, Инфра-М, 2015. — 304 с. (автор главы М. А. Рожкова) // Доступ через СПС КонсультантПлюс. — 2016.
13. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. — 2014. — № 5.
14. Гражданский кодекс Российской Федерации. Общие положения о договоре. Постатейный комментарий к главам 27—29 / В. В. Витрянский, Б. М. Гонгало, А. В. Демкина и др. ; под ред. П. В. Крашенинникова. — М. : Статут, 2016 (автор комментария к ст. 421 ГК РФ Е. А. Суханов).
15. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1)) // Документ не публиковался. Доступ из СПС КонсультантПлюс. — 2016.
16. Новицкий И. Б. Общее учение об обязательстве / И. Б. Новицкий, Л. А. Лунц. — М. : Госюриздат, 1950. — С. 102.
17. Бычков А. И. Смешанный договор в гражданском праве РФ / А. И. Бычков // Юрист. — 2012. — № 20. — С. 18—25.
18. Бычков А. И. Актуальные проблемы судебного разбирательства / А. И. Бычков. — М. : Инфотропик Медиа, 2016 // Доступ из СПС КонсультантПлюс. — 2016.
19. Постановление Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // Вестн. экономического правосудия РФ. — 2014. — № 9.
20. Рожкова М. А. Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства : моногр. / М. А. Рожкова, М. Е. Глазкова, М. А. Савина ; под общ. ред. М. А. Рожковой. — М. : ИЗИСП, Инфра-М, 2015 (автор очерка 7 М. А. Рожкова).

21. См.: Рожкова М. А. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения / М. А. Рожкова, Н. Г. Елисеев, О. Ю. Скворцов ; под общ. ред. М. А. Рожковой. — М. : Статут, 2008 (автор главы V М. А. Рожкова) // Доступ из СПС КонсультантПлюс. — 2016.

SETTLEMENT AGREEMENT IN THE RUSSIAN CIVIL PROCESS AS A NON-DEFINED COMPLEX CIVIL CONTRACT OF MIXED TYPE

L. N. Rakitina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

lar73@mail.ru

The current legislation does not contain the definition "settlement agreement", although a settlement agreement is a well-known and widespread procedural remedy of resolving the legal conflict that is the subject of judicial proceedings.

Modern procedural codes — the civil procedure code of the Russian Federation, agrarian and industrial complex of the Russian Federation — pay great attention to the procedure of the approval of the settlement agreement. At the same time, the content of the settlement agreement in the procedural codes is said very sparingly, which gives scientists the food for thought. There are several views on the content of such an agreement: some believe that it should reflect mutual concessions, others believe that a settlement agreement can be based on unilateral concessions. Judicial practice is replete with examples of agreement between the parties based on both the first and second approaches.

At the same time, a settlement agreement is not only a procedural means of ending a dispute in court, but at the same time it can be interpreted as a civil contract with a special procedure for its conclusion and approval. The author, based on the doctrine of Russian law, discusses the legal qualification of the settlement agreement and comes to the conclusion that the settlement agreement should be considered as a non-defined complex civil contract of mixed type. A settlement agreement is a non-defined agreement, as it is not mentioned in the civil code. The complexity of the settlement agreement is expressed in the regularity of its civil procedure and civil law. Finally, a settlement agreement should be referred to as a mixed-type contract because it combines elements of different contractual constructions.

Key words: civil procedure, settlement agreement, civil contract, mixed type, complex contract, non-defined contract.

References

1. Senyakin I. N. (1993) Spetsializatsiya i unifikatsiya rossiyskogo zakonodatelstva [Speciality and regularization of the Russian legislation]. Problemy teorii i praktiki, Saratov, p. 60.
2. Kulapov V. L., Potapenko E. G. (2011) Teoreticheskie osnovy pravovoy integratsii [Basic theory of law integration]. Moscow, p. 27.
3. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 03.07.2016) [Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 N 51-FZ (dr. 03.07.2016)]. Rossiyskaya gazeta, 1994, 8 December; 2016, 4 July.
4. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast vtoraya) ot 26.01.1996 N 14-FZ (red. ot 23.05.2016) [Civil Code of the Russian Federation (part two) of 26.01.1996 N 14-FZ (dr. 23.05.2016)]. Rossiyskaya gazeta, 6—8, 10 February 1996; 25 May 2016.
5. Federalnyy zakon ot 19.06.2000 N 82-FZ (red. ot 02.06.2016) "O minimalnom razmere oplaty truda" [Federal law of 19.06.2000 N 82-FZ (dr. 02.06.2016) "On minimum rate of payment for labour"]. Rossiyskaya gazeta, 21 June 2000; 6 June 2016.
6. Grazhdanskiy protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 14.11.2002 N 138-FZ (s izm. 03.07.2016) [Civil Code of the Russian Federation of 14.11.2002 N 138-FZ (dr. 03.07.2016)]. Rossiyskaya gazeta, 20 November 2002; 8 July 2016.
7. Arbitrazhnyy protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 24.07.2002 N 95-FZ (s izm. ot 23.06.2016) [Arbitral Procedural Code of the Russian Federation of 24.07.2002 N 95-FZ (dr. of 23.06.2016)]. Rossiyskaya gazeta, 27 July 2002; 29 June 2016.
8. Federalnyy zakon ot 27.07.2010 N 193-FZ (red. ot 23.07.2013) "Ob alternativnoy protsedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (procedure mediatsii)" [Federal Law of the Russian Federation of 27.07.2010 N 193-FZ (dr. of 23.07.2013) "On alternative procedure of dispute settlement with the involvement of mediator"]. Rossiyskaya gazeta, 30 July 2010; 10 July 2013.
9. Rozhkova M. A. (2004) Primenenie v kommercheskom oborote mirovoy sdelki [Applying amicable transaction in a stream of commerce]. Podgotovleno dlya SPS KonsultanPlyus.
10. Zalov A. F. (2011) Sdelka s pravosudiem: problemy pravoprimeneniya [Immunity agreement: problems of legal enforcement]. Zakonnost, (8), p. 34—40; Aleksandrov R. A. (2015) Problemy rassmotreniya v osobom poryadke ugolovnykh del pri zaklyuchennom dosudebnom soglashenii o sotrudnichestve, vyzvannye smesheniem razlichnykh institutov "sdelok s pravosudiem" [Problems of priority criminal trial in plea bargain]. Rossiyskiy sudya, (6), p. 26—30.
11. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii ot 08.03.2015 N 21-FZ (s izm. ot 03.07.2016) [Code of Administrative Judicial procedure of the Russian Federation of 08.03.2015 N 21-FZ (dr. 03.07.2016)]. Rossiyskaya gazeta, 1 March 2015; 8 July 2016.
12. Rozhkova M. A., Glazkova M. E., Savina M. A. (2015) Aktualnye problemy unifikatsii grazhdanskogo protsessualnogo i arbitrazhnogo protsessualnogo zakonodatelstva: monografiya [Current problems of regularization of civil procedural and arbitral procedural legislation: monograph]. Moscow: IZISP, INFRA-M, 304 p.

13. Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 14.03.2014 N 16 "O svobode dogovora i ee predelah" [Resolution of the plenum of the Suprem Arbitration Court of the Russian Federation of 14.03.2014 №16 "On freedom of contract and its limits"]. Vestnik VAS RF, 2014, N 5.
14. Vitryanskiy V. V., Gongalo B. M., Demkina A. V. (2016) Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Obshchie polozheniya o dogovore. Postateyniy kommentariy k glavam 27—29 [Civil Code of the Russian Federation. General terms on the contract. Paragraph-to-paragraph commentary 27—29]. Moscow: Statut (the author of the comment to the article 421 GK RF — E. A. Suhanov).
15. Kontseptsiya edinogo Grazhdanskogo protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii (odobrena resheniem Komiteta po grazhdanskomu, ugovnomu, arbitrazhnomu i protsessualnomu zakonodatelstvu GD FS RF ot 08.12.2014 N 124(1)) [Concept of unified Civil Practice Act]. The document was not published. Document access: SPS KonsultantPlyus, 2016.
16. Novitskiy I. B., Lunc L. A. (1950) Obshchee uchenie ob obyazatelstve [General knowledge on liability]. Moscow: Gosjurizdat, 102 p.
17. Bychkov A. I. (2012) Smeshannyj dogovor v grazhdanskom prave RF [Mixed contract in Civil Law of the Russian Federation]. Yurist, (20), p. 18—25.
18. Bychkov A. I. (2016) Aktualnye problemy sudebnogo razbiratelstva [Current problems of court trial]. Moscow: Infotropik Media. Document access: SPS KonsultantPlyus.
19. Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 18.07.2014 N 50 "O primirenii storon v arbitrazhnom protsesse" [Resolution of the plenum of the Suprem Arbitration Court of the Russian Federation of 18.07.2014 №50 "On participation of parties in arbitration proceedings"]. Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF, 2014, (9).
20. Rozhkova M. A., Glazkova M. E., Savina M. A. (2015) Aktualnye problemy unifikatsii grazhdanskogo protsessualnogo i arbitrazhnogo protsessualnogo zakonodatelstva: monografiya [Current problems of generalization of civil procedure and arbitral procedure legislation: monograph]. Moscow: IZiSP, INFRA-M.
21. Rozhkova M. A., Eliseev N. G., Skvortsov O. Yu. (2008) Dogovornoe pravo: soglasheniya o podsudnosti, mezhdunarodnoy podsudnosti, primiritelnoy protsedure, arbitrazhnoe (treteyskoe) i mirovye soglasheniya [Contract law: agreement on jurisdiction, international jurisdiction, settlement promotion, arbitral and amicable agreement]. Moscow: Statut, Document access: SPS KonsultantPlyus.

А. А. Сидачова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
alena-84-05@mail.ru

ЛОЖНОЕ СООБЩЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН

Статья посвящена анализу понятия и содержания ложного сообщения о преступлении как уголовно наказуемого феномена. В ней исследуются объективные и субъективные признаки сообщений такого типа в контексте соотношения категорий «ложь» и «преступление», проводится отграничение их от пограничных видов распространения информации. Автор приходит к выводу о том, что ложное сообщение о преступлении имеет двойную уголовно-правовую природу и предстает в действующем Уголовном кодексе РФ, во-первых, в качестве самостоятельного состава преступления в трех различных видах (клевета, заведомо ложное сообщение об акте терроризма и заведомо ложный донос), а во-вторых, как способ совершения ряда преступных посягательств. В результате проведенного исследования автор на основе выделения конstitutивных признаков данного явления формулирует определение ложного сообщения о преступлении как умышленного использования выдуманной информации о совершении общественно опасного деяния, запрещенного УК, его подготовке или участии в нем, не имевших места в объективной действительности, либо сведений, содержащих указание, как на преступное, на деяние, которое в силу тех или иных фактических обстоятельств или юридических особенностей таковым не является.

Ключевые слова: ложь, сообщение, признаки преступления, информация о преступлении, ложное сообщение о преступлении, наказание, уголовная ответственность.

Феномен ложного сообщения о преступлении — один из малоизученных в отечественной уголовно-правовой доктрине, возможно, ввиду того, что по своей природе он более близок к категориям психологии и других социогуманитарных наук. В частности, это касается и вопроса о том, что следует считать ложным сообщением о преступлении не по сути, а по содержанию. В теории уголовного права на него нет однозначного ответа. Чаще всего в литературе данное словосочетание используется без анализа его содержания и описывается весьма поверхностно. В тех случаях, когда на нем заостряется внимание, ученые не могут сойтись во мнении, к какой конкретно части сообщения о преступлении следует относить признак «ложный».

Если исходить из понятия лжи как информации, не соответствующей действительности, которая сознательно подается как истинная в процессе общения, то под ложным сообщением о преступлении прежде всего следует также понимать сведения о преступлении, которые не соответствуют реальному положению вещей [6, с. 125]. Но преступление — довольно слож-

ное явление, представляющее собой совокупность объективных и субъективных признаков человеческого поведения. Поэтому искажение информации о преступлении может касаться не только его целиком, но и отдельных его элементов. Отсюда и в литературе ложное сообщение о преступлении рассматривается двояко, либо 1) как информация о преступлении, которое не имело места в объективной действительности [3, с. 316], либо 2) как информация, искажающая отдельные обстоятельства совершения преступления [4, с. 406].

Первая точка зрения кажется нам более предпочтительной. Учитывая, что определение «ложное сообщение о преступлении» не содержит каких-либо элементов детализации термина «преступление», то оно, судя по всему, относится к преступлению в целом. Иначе говоря, по логике вещей в нем идет речь о самом факте совершения преступления или его подготовки, а не о каких-либо отдельных признаках того или иного преступного посягательства. Если было бы наоборот, рассматриваемое выражение должно было бы иметь более расширенный, пространственный вид. Как минимум, оно должно

быть растянуто до формулировки «ложное сообщение об обстоятельствах совершения преступления».

В пользу приведенного высказывания выступает и еще один важный аргумент. Если в сообщении о преступлении искажаются только отдельные признаки его совершения, но само преступление имеет место в объективной действительности, то эту информацию уже нельзя назвать абсолютной ложью. В ней присутствует элемент правды, причем в соотношении с наличествующей ложью он гораздо более существенен, поскольку касается момента, имеющего, несомненно, более важное социально-правовое значение, то есть самого факта совершения преступления. По отношению к нему в целом при наличии названного выше обстоятельства уже нельзя сказать, что данная информация является ложной.

Конечно, ложь в отношении некоторых сторон преступления, каких-то его признаков тоже способна влиять на его социальную значимость в целом [5, с. 56]. Тем не менее она лишь детализирует общую оценку сообщения о преступлении, меняя ее не по вертикальной шкале ценностных ориентиров, а по горизонтали, так сказать, в одной плоскости, находящейся на фиксированной высоте, которую установил сам факт совершения преступления. Данное выражение следует считать образным, поскольку те или иные обстоятельства совершения преступления, как известно, могут влиять не только на степень общественной опасности посягательства, но и на ее характер со всеми вытекающими отсюда последствиями. С помощью этого примера мы хотели лишь показать различие в категориальном статусе самого факта совершения преступления и отдельных его признаков как части и целого.

Резюмируя сказанное, позволено сделать следующий вывод. При установлении признака ложности сообщения о преступлении необходимо, по нашему мнению, прежде всего ответить на вопрос о том, имело ли место само преступление в объективной действительности, безотносительно того, насколько правдива информация о тех или иных его конструктивных признаках.

Между тем и этот, как может показаться, простой и понятный вопрос с точки зрения обывателя не всегда предполагает однозначный ответ на него специалиста. Причина тому также лежит в плоскости права. Как мы уже говорили, употребление термина «преступление» в праве имеет специфические особенности. Оно может

повлечь существенные социальные и правовые последствия и, как правило, всегда затрагивает важнейшие права и законные интересы лиц, которых касается. Поэтому его использование допустимо только при строгом соблюдении ряда юридических условий.

Если следовать букве закона, то установление факта совершения преступления является прерогативой суда. На данный момент почти во всех цивилизованных странах на конституционном уровне закреплён принцип презумпции невиновности, согласно которому никто не вправе называть человека преступником, пока факт совершения им преступления не будет установлен в законном порядке [7, с. 239]. Поэтому, по мнению многих ученых, о преступлении как таковом позволительно говорить только при наличии соответствующего приговора суда, вступившего в законную силу [4, с. 217].

Данное выражение в какой-то мере справедливо, но, как нам кажется, только при использовании термина «преступление» в общении между людьми, сведущими в юриспруденции, в деятельности правоохранительных органов и т. д. Но и здесь подобное утверждение не выглядит безапелляционным, если, например, речь идет о деянии, которое еще находится в процессе расследования.

Надо сказать, что сам уголовный закон подходит к решению данного вопроса весьма неоднозначно. Так, ст. 14 УК трактует преступление как виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК под угрозой наказания. Как видно, в данном определении формальный момент, описанный выше, опускается. Вместе с тем в некоторых случаях, например, раскрывая положения необходимой обороны, законодатель говорит не о преступлении, а о посягательстве, то есть учитывает, что нападение на обороняющегося формально может и не представлять собой преступление.

Конечно, если ратовать за принципиальную чистоту и грамотность в юридическом смысле, то без наличия соответствующего приговора, вступившего в законную силу, говорить о преступлении неправильно, позволено лишь о деянии или посягательстве, содержащем в себе признаки преступления, предусмотренного УК. Тем не менее даже в юридической лексике, на наш взгляд, не стоит столь строго относиться к использованию данного термина, поскольку в теории уголовного права этот вопрос до сих пор остается дискуссионным. Кроме того, очевидно, что названных тонкостей не знают лица, хотя и имеющие юридическое образование, но не вни-

кающие в проблемы уголовно-правового регулирования общественных отношений. Не трудно представить, как тяжело будет разобраться во всех обозначенных тонкостях простому обывателю.

В данном контексте нельзя не учитывать и тот факт, что уголовная ответственность, по наиболее распространенному мнению, возникает с момента совершения деяния, содержащего в себе признаки преступления, и ее воздействие на лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступного посягательства, начинается уже на самых первых шагах осуществления уголовного преследования [2, с. 41; 10, с. 23]. Поэтому для большинства людей то обстоятельство, что по поводу какого-либо деяния производится расследование, выступает основанием для понимания его как преступления.

Однако даже если не учитывать описанный выше формальный момент использования термина «преступление», есть в уголовном праве и другие спорные моменты, усложняющие понимание сущности ложного сообщения о преступлении. Так, диспозиции норм об ответственности за преступные посягательства во многих случаях содержат описание не только самого деяния, но и ряда обязательных признаков, отсутствие которых говорит об отсутствии оснований уголовной ответственности [9]. Многие деяния, хотя и представляют опасность для общества, не являются преступлениями, например, ввиду того, что в них отсутствует предусмотренная законом преступная цель (корыстная цель в хищении), мотив (в составах подмены ребенка или незаконного усыновления), последствия (при неоказании помощи больному) и т. д. В некоторых деяниях отсутствуют необходимые признаки субъекта ввиду того, что они совершаются невменяемыми лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, и т. п.

Отдельного внимания среди обозначенных обстоятельств заслуживают признаки, характеризующие внутреннюю сторону совершения преступления. С одной стороны, современное понимание преступления исходит из принципа субъективного вменения. Согласно его положениям, преступным можно назвать только виновно совершенное деяние. С другой стороны, во многих статьях Особенной части УК о вине не говорится. Признак виновности вытекает из общего понятия преступления, закрепленного в ст. 14 УК. Вместе с тем, в отличие от современной, уголовно-правовая доктрина прошлого допускала возможность признавать преступлением деяния и по одному признаку причинения вре-

да, наступления общественно опасных последствий, что, надо сказать, в значительной степени отложилось и в сознании народа [10, с. 38].

Таким образом, вопрос о характере сообщения о преступлении упирается в само понятие «преступление». Как же быть в том случае, когда общественно опасное деяние, предусмотренное УК, имеет место в объективной действительности, но ввиду тех или иных обстоятельств оно не является преступным? Будет ли ложным, не соответствующим действительности сообщение об указанном деянии как о преступлении?

На наш взгляд, при решении данного вопроса нужно учитывать два важнейших аспекта. При определении сущности понятия «ложное сообщение о преступлении» изначально нужно исходить из обыденного представления о преступном посягательстве простого человека, не имеющего специальных познаний в области уголовного права. Простому обывателю Уголовный кодекс не знаком во всех его подробностях [8, с. 187]. Поэтому понимание им преступления охватывает прежде всего само деяние, а не все конструктивные объективные и субъективные признаки состава преступного посягательства в деталях и тем более факторы юридического свойства, влияющие на квалификацию преступлений.

Немного сложнее обстоит дело с вопросом о необходимости включения в содержание исследуемого феномена субъективных признаков преступления, в первую очередь вины. Юридически, конечно, о преступлении без признаков вины говорить неправильно [1, с. 114; 11, с. 47]. Очевидно, что и общественная опасность деяния без вины находится под сомнением. Тем не менее нельзя не признать, что виновность — это неявный признак, который не всегда отчетливо проявляется в момент совершения того или иного поступка. Его нужно доказывать. Не случайно установление наличия вины в преступном посягательстве определяется судом.

По мнению психологов, с которыми, на наш взгляд, следует согласиться, первоначальная картина любого акта человеческого поведения определяется прежде всего по фактическому характеру, признакам внешней стороны совершения поступков, по их отображению в объективной действительности, по тому, какие признаки очевидны для воспринимающего. Установление содержания внутренней стороны деяний предполагает довольно сложную многоступенчатую мыслительную деятельность, которая требует точности восприятия деталей действия и зависит от множества факторов.

Представление о вине лица, совершившего общественно опасное деяние, может быть существенно искажено в сознании воспринимающего, особенно если за рамками его восприятия остаются важные детали совершения преступления. Надо сказать, что подробности совершения преступления, влияющие на его оценку, часто как раз и остаются за пределами тех сведений, которые распространяются в быту и средствах массовой информации, поскольку детали следствия, как известно, нельзя разглашать по закону, а детали приговора часто не запоминаются ввиду его объема и специфики юридической лексики, используемой в процессе его оглашения. Неудивительно, что многие подробности, неяркие с точки зрения простого слушателя, не имеющего юридического образования, зачастую остаются вне его внимания.

К тому же нельзя не учитывать, что виновность — это признак, который не имеет прямого выражения в объективной реальности. Он проявляется опосредованно, отражаясь в характере деяния, например, через способ его осуществления и т. д. Его определяют по тем или иным чертам деяния, по словам обвиняемого и т. д. О нем догадываются, его предполагают, но не

видят, не ощущают напрямую. Отсюда и вопрос о виновности лица в момент совершения конкретного деяния, как правило, не имеет стопроцентного ответа.

В данной связи, определяя содержание понятия ложного сообщения о преступлении, следует, по нашему мнению, придерживаться такого описания, которое соответствует обыденному пониманию преступления, отражающему социальную значимость деяний, их общественную опасность и прежде всего сам факт совершения общественно опасного деяния, без учета юридических тонкостей его состава и указания его отдельных признаков.

Под ним, на наш взгляд, следует понимать умышленно используемые сведения, содержащие информацию о совершении общественно опасного деяния, запрещенного УК, его подготовке или участии в нем, не имевших места в объективной действительности, либо сведения, содержащие намеренное указание как на преступное деяние, которое в силу тех или иных фактических обстоятельств или юридических особенностей таковым не является. Их распространение, передача соответственно будут образовывать понятие ложного сообщения о преступлении как действия.

Литература

1. Дагель П. С. Субъективная сторона преступления и ее установление / П. С. Дагель, Д. П. Котов. — Воронеж, 1974. — 243 с.
2. Кобозева Т. Ю. Проблема ответственности в уголовном праве: социально-правовая характеристика категории уголовная ответственность / Т. Ю. Кобозева // Российская юстиция. — 2007. — № 4. — С. 41—43.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. — М. : Юрайт, 2017. — Т. 2. — 372 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 2 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевлаков и др. ; под ред. А. В. Бриллиантова. — 2-е изд. — М. : Проспект, 2015. — 792 с.
5. Крылов В. В. Информация как элемент криминальной деятельности / В. В. Крылов // Вестн. Московского ун-та. Сер. 11. Право. — 1998. — № 4. — С. 54—59.
6. Медведев Е. В. Ответственность за ложь по российскому уголовному законодательству / Е. В. Медведев // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Сер. Юридические науки. — Тольятти : Изд-во ТГУ, 2010. — № 3(3). — С. 125—127.
7. Медведев Е. В. Понятие заведомо ложного доноса как преступления против правосудия / Е. В. Медведев // Вестн. ТвГУ. Сер. Право. — 2011. — Вып. 27. — С. 237—246.
8. Мельник В. В. Ведение защиты в суде с участием присяжных заседателей : научно-практическое пособие / В. В. Мельник. — М. : ООО «Новая правовая культура», 2006. — 480 с.
9. Санталов А. И. Теоретические вопросы уголовной ответственности / А. И. Санталов. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. — 96 с.
10. Якушин В. А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве / В. А. Якушин. — Тольятти, 1998. — 296 с.
11. Яни П. Сложные вопросы субъективной стороны преступления / П. Яни // Российская юстиция. — 2002. — № 12. — С. 47—49.

FALSE REPORT ABOUT A CRIME AS CRIMINAL PHENOMENON**A. A. Sidakova**Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
alena-84-05@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the concept and content of a false report about a crime as criminal phenomenon. It examines the objective and subjective features of messages of this type in the context of the relationship between the categories of "lie" and "crime", separates them from the border types of information dissemination. The author comes to the conclusion that a false report of a crime has a dual criminal nature and appears in the current Criminal code of the Russian Federation, firstly, as an independent crime in three different types (slander, false report about an act of terrorism and deliberately false denunciation), and secondly, as a method of committing a number of criminal attacks. As a result of the study, the author, on the basis of the allocation of constitutional features of this phenomenon, formulates the definition of a false report on the crime as the deliberate use of fictitious information about the Commission of a socially dangerous act prohibited by the criminal code, its preparation or participation in it, which did not take place in objective reality, or information containing an indication, as a criminal act, which, due to certain factual circumstances or legal features, is not.

Key words: lie, signs of crime, information about the crime, false report about the crime, punishment, criminal liability.

References

1. Dagal P. S., Kotov D. P. (1974) Subektivnaya storona prestupleniya i ee ustanovlenie [Mental element of crime and its determination]. Voronezh, 243 p.
2. Kobozeva T. Yu. (2007) Problema otvetstvennosti v ugovnom prave: sotsialno-pravovaya kharakteristika kategorii ugovnaya otvetstvennost [Problem of liability in criminal law: social and legal characteristics of the category criminal liability]. Rossiyskaya yustitsiya, (4), p. 41—43.
3. Lebedev V. M. (2017) Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii [Comment to the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow: Yurayt, vol. 2, 372 p.
4. Brilliantov A. V., Dolzhenkova G. D., Zhevlakov E. N. i dr. (2015) Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii: v 2 t. (postateynnyy) [Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii: in two volumes (article-by-article); second edition]. Moscow: Prospekt, 792 p.
5. Krylov V. V. (1998) Informatsiya kak element kriminalnoy deyatel'nosti [Information as an element of criminal activity]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo, (4), p. 54—59.
6. Medvedev E. V. (2010) Otvetstvennost za lozh po rossiyskomu ugovnomu zakonodatel'stvu [Liability for lie under Russian legislation]. Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Yuridicheskie nauki", 3(3). Tolyatti: Izd-vo TGU, p. 125—127.
7. Medvedev E. V. (2011) Ponyatie zavedomo lozhnogo donosa kak prestupleniya protiv pravosudiya [False denunciation as crime against justice]. Vestnik TvGU. Seriya "PRAVO", Vyp. 27, p. 237—246.
8. Melnik V. V. (2006) Vedenie zashchity v sude s uchastiem prislyazhnykh zasedateley. Nauchno-prakticheskoe posobie [Control of the defense in jury trials]. Moscow: OOO "Novaya pravovaya kultura", 480 p.
9. Santalov A. I. (1982) Teoreticheskie voprosy ugovnoy otvetstvennosti [Theoretical issue of criminal liability]. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 96 p.
10. Yakushin V. A. (1998) Subyektivnoe vmenenie i ego znachenie v ugovnom prave [Subjective imputation and its value in criminal law]. Toljatti, 296 p.
11. Yani P. (2002) Slozhnye voprosy subyektivnoy storony prestupleniya [Complex issues of mental element in crime]. Rossiyskaya yustitsiya, (12), p. 47—49.

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

В. П. Панферов

ООО «Газпром
межрегионгаз Уфа»
(г. Уфа, Россия)
panferov@progtb.ru

**ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ
В УПРАВЛЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ
ИННОВАЦИОННО-ОРИЕНТИРОВАННОГО
ПРЕДПРИЯТИЯ**

Автор определяет решающую роль мотивации в управлении человеческим капиталом инновационно-ориентированного предприятия. В статье приводится понятие мотивации, классификация мотивации, определяются принципиальные вопросы, которые необходимо решить в этой области. Первый ключевой вопрос находится в области сопоставимости размера вознаграждения сотрудников, включенных в инновационные процессы, с другими сотрудниками и с рыночными условиями. Вторая проблема — сложность увязки материального вознаграждения, которое предусматривается в текущем периоде, с результатами будущего, которых может и не быть. Автор выделяет четыре способа (инструмента) материальной мотивации, применяемые компаниями в области инновационного развития: программы отложенных выплат, участие в прибыли, участие в капитале, доплаты за компетенции. По каждому из них дается описание и оценки их положительных и отрицательных особенностей применения. Автор делает вывод о том, что эффективность того или иного способа зависит от стадии инновационного процесса, на котором находится проектная команда. В статье выделяются следующие стадии: идея, исследование и разработка, производство, маркетинг и сбыт. В заключение статьи приводится оценка применимости каждого из четырех инструментов мотивации к различным этапам инновационного процесса. Автор подчеркивает, что ни один инструмент в одиночку не способен решить задачи мотивации сотрудников на всех этапах деятельности и рекомендует использовать результаты его исследования для более точного применения инструментов материальной мотивации персонала в инновационно-ориентированной компании.

Ключевые слова: человеческий капитал инновационно-ориентированного предприятия, мотивация, способы материальной мотивации.

ВВЕДЕНИЕ

Человеческий капитал современного инновационно-ориентированного предприятия — важный фактор успеха его развития. Управление человеческим капиталом позволяет компании добиться его эффективного использования на всех стадиях инновационного процесса как в ходе выпуска продукции и оказания услуг, так и на стадии разработки инновационных продуктов, способов производства и управления.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мотивация — ключевая функция управления человеческим капиталом. То, как выстроена система мотивации в компании, зависит ее будущее.

Мотивацию сотрудников можно определить как создание руководством компании таких условий труда, которые побуждают выполнять работу в определенном количестве и качестве, демонстрировать определенное поведение в процессе работы [9].

Мотивация в сфере управления человеческим капиталом чаще классифицируется на материальную и нематериальную. При этом материальная мотивация может быть как денежной, например заработная плата, включая премии, бонусы, доплаты, надбавки, «социальный пакет», опционы на акции компании, так и нематериальной, например, подарки, скидки на собственную продукцию или услуги [10].

В числе основных недостатков материальной мотивации работников можно выделить прежде все ее кратковременный эффект действия. Работник быстро привыкает к изменению своего материального положения и любое его последующее ухудшение воспринимается как сильный демотивирующий фактор. К тому же способы материального стимулирования неизбежно ведут к росту расходов организации. Однако надо отметить, что материальная мотивация, как правило, понятна для большинства работников и системы такого стимулирования просты во внедрении и использовании. Но, несмотря на это, материальная мотивация — это необходимое условие для работы персонала. Вместе с системой нематериальных стимулов она должна отвечать интересам инновационного развития предприятия.

Материальная мотивация — это в любом случае отток денежных средств из компании. То, насколько эффективно они будут распределяться и какой результат принесут, зависит всецело и полностью от того, какие инструменты материальной мотивации и в какой момент будут задействованы руководителями компании. Инновационно-ориентированные компании с учетом вложений в инновации наиболее заинтересованы в эффективном стимулировании труда своих работников.

Одни из принципиальных вопросов в области оплаты труда, которые стоят перед руководством инновационно-ориентированного предприятия, следующие:

1. Должен ли сотрудник, проявляющий инновационное поведение и (или) участвующий в инновационных проектах, вознаграждаться больше других сотрудников данной компании, занимающихся текущей деятельностью? И на сколько?

2. Должен ли сотрудник, проявляющий инновационное поведение и (или) участвующий в инновационных проектах, вознаграждаться больше рынка или больше конкурента? И на сколько?

С одной стороны, кажется очевидным, что те работники, которые «ведут» компанию к но-

вому инновационному будущему, должны цениться руководством. Компания должна выделять их и посредством большего вознаграждения отмечать и стимулировать на дальнейшую работу. К тому же эта разница в материальном вознаграждении будет являться стимулом и направлением для других сотрудников.

Но не все так однозначно. С другой стороны, это может оказать демотивационный эффект на сотрудников компании, не участвующих в инновационных процессах. Например, компания внедряет инновации в производственный процесс и работники, занятые в других сферах, не имеют возможности полноценного участия. Это может привести к конфликтам между подразделениями и снижению показателей производительности в текущей деятельности.

Иными словами, руководству компании обязательно нужно выделять инновационную активность, но так, чтобы не снизить текущие показатели.

Вторым принципиальным моментом является сложность увязки материального вознаграждения, которое предусматривается в текущем периоде с результатами будущего, которых может и не быть. Если говорить о материальном стимулировании текущей деятельности, то таких сложностей не возникает. В текущих процессах можно довольно точно оценить исполнение целевого показателя и увязать его с нормой вознаграждения.

В инновационной деятельности, особенно на ранних стадиях инновационного процесса, крайне сложно делать прогнозы по целевым показателям. Как следствие, если прогнозы окажутся завышенными относительно результатов, то материальный стимул будет недостаточным. Если же результат превзойдет ожидания, то вознаграждение может оказаться избыточным.

В ситуации неопределенности находится как компания, так и работник. В соответствии с теорией ожидания мотивация работника изначально будет слабой, поскольку у работника не будет чувства наличия прямой взаимосвязи между теми результатами, которые он ожидает достигнуть, и вознаграждением, которое он получит. Валентность или ценность вознаграждения для него будет также не определена.

К тому же не стоит сбрасывать со счетов закон Йеркса-Додсона, который утверждает, что максимальные результаты деятельности достигаются при средней интенсивности мотивации. Чрезмерная мотивация, равно как и недостаточная мотивация, будет приводить к ухудшению деятельности [7].

В последнее время инновационно-ориентированные компании широко используют следующие инструменты материальной мотивации:

1. Программы отложенных выплат.
2. Участие в прибыли.
3. Участие в капитале.
4. Доплаты за компетенции.

Рассмотрим перечисленные способы подробнее.

Суть отложенных выплат состоит в том, что для работников, занятых в инновационных процессах, устанавливается система дополнительных материальных поощрений, но выплата их откладывается на определенное время, когда можно будет точно оценить результаты. То есть премия начисляется, но не выплачивается. После получения результатов начисленная премия корректируется на определенный коэффициент в зависимости от итогов, которые получены. При этом может вводиться ограничение, что сотрудник должен работать в компании на момент выплаты. Это является дополнительным стимулом удержания ценных специалистов. Похожая система мотивации применялась производителем автомобилей компанией Fiat еще в середине 1980-х годов.

Плюсы программ отложенных выплат для компании очевидны: во-первых, появляется возможность увязки результатов инновационной деятельности с вознаграждением, во-вторых, коэффициентами можно регулировать объем финансовых трат. С точки зрения работника может показаться, что такая отложенная выплата вознаграждением по сути не является, а только лишь обещанием работодателя при соблюдении определенных условий в будущем выплатить денежные средства. Такое отложенное вознаграждение невозможно использовать для удовлетворения своих нужд. В связи с этим мотивационный эффект не всегда может быть гарантирован.

Выплаты от прибыли, полученной в результате внедрения проекта инноваций, широко практикуются во всем мире. С точки зрения компании выгоды понятны: нет необходимости тратить дополнительные средства на мотивацию и удержание ключевых сотрудников, задействованных в инновационных преобразованиях. Работник также заинтересован разделить финансовый успех проекта инноваций с компанией.

Основные недостатки этого инструмента мотивации состоят в следующем:

1) прибыль новой идеи — величина непредсказуемая, она может быть баснословная, ее может и не быть вовсе;

2) финансовый успех проекта зависит от огромного числа факторов и не всегда связан с тем, насколько успешна сама идея и насколько проявлены способности работников;

3) прибыль может быть оторвана во времени от факта реализации проекта, инновационная идея может быть не прибыльна, но дальнейшее ее совершенствование и использование может принести финансовый эффект;

4) не все инновационные решения имеют своей целью получение прибыли;

5) разнообразие способов определения показателя «прибыль».

Иными словами, материальная мотивация как гарантия предприятия выплатить сотруднику часть прибыли при успехе проекта очень заманчива, но де-факто не всегда реализуема и справедлива к обеим сторонам.

Некоторые из перечисленных недостатков позволяет преодолеть такой инструмент, как «участие в капитале», активно применяемый западными компаниями. Возможны разные варианты его применения.

В первом варианте каждый инновационный проект обособляется в форме отдельного субъекта правоотношений. По сути команда, его реализующая, становится учредителем данного субъекта. Доли в капитале определяются на начальном этапе исходя из планируемого вклада участников.

Серьезным преимуществом такого способа мотивации в сравнении с участием в прибыли является то, что финансовые показатели и судьба инновационного проекта находятся полностью в руках членов команды. Они могут оказывать существенное влияние на ход его реализации на всех стадиях. Еще одним плюсом является ориентация не на краткосрочную прибыль, а на долгосрочный рост стоимости и финансовых показателей компании, способность инновационной идеи развивать это направление. К тому же у команды появляется возможность определять инвестиционные ориентиры проекта, не распределяя прибыль, а оставляя ее в распоряжении компании.

Во втором варианте сотруднику инновационного проекта могут предоставляться опционы на акции самой компании. Опцион на акции — опцион, дающий держателю право на покупку или продажу определенного количества акций из пакета по определенной цене и на определенный период времени.

Опционная программа для сотрудников пришла к нам с Запада. Там, по статистике, свыше 60 % вознаграждений менеджерам пре-

доставляются в виде опционов. Так делают Ebay, Coca-Cola, Texaco, British Petroleum и ряд других крупных компаний.

Есть компании, которые включают в опционную программу линейных сотрудников. Так, в опционной программе Ашана участвует 80 % всех сотрудников. По условиям программы премия сотрудника идет на покупку акций, продать которые он сможет через 5 лет или в нестандартной жизненной ситуации [6].

Работник становится совладельцем компании, ее успех становится и его успехом. Он не уйдет к конкурентам и может согласиться на более низкую зарплату в обмен на акции. Кроме того, опционы являются удобным инструментом для владельца компании — они дают возможность привлекать таланты, предлагая компенсацию в рынке или даже ниже.

Количество опционов, предоставляемых сотруднику для более эффективной мотивации, может быть привязано к промежуточным и итоговым результатам инновационной деятельности. Таким образом, доля участия сотрудника в капитале компании будет напрямую зависеть от результатов его деятельности.

Еще одним способом мотивации сотрудников инновационно-ориентированной организации является установление поощрительных выплат за компетенции, знания, поведение сотрудников. К примеру, компания может установить доплату за определенный уровень образования, динамику повышения компетенций, иные качественные критерии оценки работника.

Показатели для таких доплат могут устанавливаться различные, в зависимости от направлений деятельности. Прежде всего для повышения инновационной активности персонала, конечно, рекомендуется устанавливать показатели соответствия инновационных компетенций необходимому для развития компании уровню.

Оцифровку показателей оценки инновационных компетенций можно производить разными способами. Например, можно использовать для этого видоизмененный метод «360 градусов» [4, 8], предложенный в статье В. П. Панферова «Развитие человеческого капитала инновационно-ориентированного предприятия через развитие инновационных компетенций сотрудников», где на основании сравнения балльных оценок пяти инновационных компетенций (креативность (творчество), предприимчивость, установка на обучение и постоянное развитие, сотрудничество, гибкость восприятия инноваций) можно сделать вывод об их выраженности у конкретного сотрудника. Помимо прочего,

можно увязать соответствие оценки с эталоном и оцифровать эти показатели в суммы денежных поощрений [2].

Материальная мотивация такого рода понятна для работника, в то же время наличие у работника определенных компетенций, знаний и навыков, его инновационная активность еще не означают, что инновации будут приносить пользу компании. Такая опосредованная связь с результатом не всегда может быть выгодна для компании. Вместе с тем у работников может теряться нацеленность на результат.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Все перечисленные инструменты мотивации и их вариации используются компаниями. Однако нельзя не обозначить тот факт, что их применение должно быть увязано со стадией инновационного процесса.

Инновационный процесс — последовательное превращение идеи в товар, проходящий этапы исследований, конструкторских разработок, маркетинга, производства, сбыта, коммерциализации технологий [3].

Инновационный процесс может быть рассмотрен с различных позиций и с разной степенью детализации. В рамках данной статьи выделим следующие основные его этапы: идея, исследование и разработка, производство, маркетинг и сбыт.

В таблице 1 приведена оценка применимости рассмотренных выше инструментов материальной мотивации, составленная в зависимости от той стадии инновационного процесса, на которой находится команда.

Таблица 1

Оценка применимости отдельных способов материальной мотивации

Стадия инновационного процесса	Инструмент (способ) мотивации (применимость)			
	Программы отложенных выплат	Участие в прибыли	Участие в капитале	Доплаты за компетенции
Идея	плохая	плохая	средняя	хорошая
Исследование и разработка	плохая	плохая	хорошая	средняя
Производство	хорошая	плохая	хорошая	плохая
Маркетинг и сбыт	хорошая	хорошая	хорошая	плохая

ВЫВОДЫ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

На наш взгляд, ни один инструмент в одиночку не способен решить задачи мотивации сотрудников на всех этапах деятельности. Связано это с тем, что на каждом этапе инновационного развития разный уровень неопределенности относительно результата. Так, на этапах идей, исследования и разработки наибольшую применимость покажут способы мотивации, нацеленные на процесс генерации идей, технологий, продуктов. На этих стадиях сложно планировать достижение финансовых показателей, главной концентрацией мотивационного эффекта должны быть способности людей. При дальнейшей реализации инновационного проекта во главу угла ставятся конкретные показатели деятельности, поэтому инструменты, связанные с мотивацией на результат, выглядят более применимыми.

вазией на результат, выглядят более применимыми.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Для создания эффективной системы мотивации сотрудников руководству инновационно-ориентированного предприятия следует предусматривать гибкий подход, когда к различным инновационным командам применяются различные системы материального стимулирования с учетом стадии инновационного процесса, на которой они находятся.

Использование результатов таблицы 1 позволит компании более точно применять инструменты материальной мотивации персонала для развития своей инновационной деятельности.

Литература

1. Иванова В. С. Психология управления : учеб. пособие / В. С. Иванова. — Томск : Изд-во Томского политехнич. ун-та, 2011. — 88 с.
2. Панферов В. П. Развитие человеческого капитала инновационно-ориентированного предприятия через развитие инновационных компетенций сотрудников / В. П. Панферов // Инновационная деятельность. — 2018. — № 4(47).
3. Харин А. А. Словарь инновационных терминов : учеб.-методич. пособие / А. А. Харин. — М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. — 255 с.
4. Эйхингер Р. Резюмируем знания по методике «360 градусов» / Р. Эйхингер, М. Ломбардо. — URL: <http://www.hr-life.ru/article/rezyumiruем-znaniya-po-metodike-360-gradusov>.
5. Эсаулова И. А. Инновационные компетенции как основа инновационного поведения сотрудников организации / И. А. Эсаулова, Н. В. Линькова, А. А. Меркушева // Вестник Университета / ФГБОУ ВО «ГУУ». — 2015. — № 5.
6. <https://economy-ru.info/info/84697>.
7. https://ru.wikipedia.org/wiki/Закон_Йеркса_—_Додсона.
8. https://ru.wikipedia.org/wiki/Метод_360_градусов.
9. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Мотивация>.
10. <https://searchinform.ru/kontrol-sotrudnikov/motivatsiya-personala>.

FEATURES OF FINANCIAL INCENTIVES IN THE MANAGEMENT OF HUMAN CAPITAL OF INNOVATION-ORIENTED ENTERPRISE

V. P. Panferov

LLC "Gazprom Mezhtregiongaz Ufa" (Ufa, Russia)
panferov@progtb.ru

The author defines the crucial role of motivation in the management of the human capital of an innovation-oriented enterprise. The article provides the concept of motivation, the classification of motivation, identifies the fundamental issues that need to be addressed in this area. The first key issue is the comparability of remuneration of employees included in innovation processes with other employees and with market conditions. The second problem is the difficulty of linking the material remuneration, which is envisaged in the current period with the results of the future, which may not be. The author identifies four methods (tools) of financial incentives used by companies in the field of innovative development: programs of deferred payments, participation in profits, participation in capital, bonuses for competences. For each of them, a description and evaluation of their positive and negative features of the application is given. The author concludes that the effectiveness of a particular method depends on the stage of the innovation process on which the project team is located. The article highlights the following stages: idea, research and development, production, marketing and sales. The article concludes with an assessment of the applicability of each of the four tools of motivation to the various stages of the innovation process. The author emphasizes that no single tool alone is capable of solving the tasks of motivating employees at all stages of activity and recommends using the results of his research for more accurate application of the tools of financial incentives of the staff in an innovation-oriented company.

Key words: human capital of an innovation-oriented enterprise, motivation, ways of material motivation.

References

1. Ivanova V. S. (2011) Psihologiya upravleniya: uchebnoe posobie [Psychology of management: study guide]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta, 88 p.
2. Panferov V. P. (2018) "Razvitie chelovecheskogo kapitala innovatsionno-orientirovannogo predpriyatiya cherez razvitie innovatsionnykh kompetentsiy sotrudnikov" [Development of human capital of innovation-oriented enterprise through the development of innovative competence of the staff]. Innovatsionnaya deyatel'nost', N 4(47).
3. Harin A. A. (2016) Slovar innovatsionnykh terminov: uchebno-metodicheskoe posobie [Innovation terms dictionary: study guide]. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 255 p.
4. Eyhinger R., Lombardo M. Rezyumiruem znaniya po metodike "360 gradusov" [Abstract knowledge on methodology "360 degrees"]. URL: <http://www.hr-life.ru/article/rezyumiruem-znaniya-po-metodike-360-gradusov>.
5. Esaulova I. A., Linkova N. V., Merkusheva A. A. (2015) «Innovatsionnye kompetentsii kak osnova innovatsionnogo povedeniya sotrudnikov organizatsii» [Innovative competences as the basis of innovative behavior of the staff]. Vestnik Universiteta, FGBOU VO "GUU", (5).
6. <https://economy-ru.info/info/84697>.
7. https://ru.wikipedia.org/wiki/Zakon_Jerksa_-_Dodsona.
8. https://ru.wikipedia.org/wiki/Metod_360_gradusov.
9. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Motivatsiya>.
10. <https://searchinform.ru/kontrol-sotrudnikov/motivatsiya-personala>.

А. В. Романова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
a_romanova@bk.ru

Д. Е. Курушина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
kurushina.darya@bk.ru

P2P-КРЕДИТОВАНИЕ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ФИНАНСИРОВАНИЯ

P2P-кредитование, которое «позволяет физическим лицам выдавать друг другу займы напрямую, без посредничества традиционных финансовых институтов» [7], активно развивается на современном этапе. Финансовый сервис предоставляет возможность прямого заимствования через специальные онлайн-платформы. При P2P-кредитовании платформа играет роль посредника, но такие сервисы не аккумулируют денежные средства. Другими словами, финансовые операции производятся за пределами биржи, к примеру, через интернет-банкинг либо электронные платежные системы. Посредник, оказывающий содействие развитию взаимного кредитования, по сути, только помогает заёмщику и кредитору договориться о сделке и найти друг друга, за что взимает небольшую комиссию (обычно 2—3 %). Основными участниками подобных кредитных отношений являются физические лица, предоставляющие частные займы. Однако возможно обращение к специализированным интернет-сайтам и юридических лиц. Несмотря на бурный рост новой технологии кредитования, отсутствует терминологическая определенность, законодательное регулирование и регламентирование деятельности и ответственности в секторе P2P-кредитования. Прошел первое чтение закон «О привлечении инвестиций с помощью инвестиционных платформ», который предполагает урегулирование взаимоотношений, но прежде всего юридических лиц. Физические лица могут принимать участие только как инвесторы. Несомненным вкладом рассматриваемого законопроекта является вывод на законную основу деятельности активных инвесторов — физических лиц, так как в настоящее время для осуществления подобной деятельности необходимо зарегистрироваться как лицо, занимающееся предпринимательством. Но физическое лицо-заёмщик так и остается в рамках гражданско-правовых отношений. В процессе регулирования P2P-кредитования необходимо руководствоваться девизом «не навреди», так как излишняя зарегулированность может привести к печальным последствиям, что подтверждается пирамидальным P2P-опытом Китая. В статье исследуются особенности организации, выявление проблем и перспектив развития P2P-кредитования в России.

Ключевые слова: P2P-кредитование, банк, кредит, регулирование, краудфандинг.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время рынок финансовых услуг претерпевает значительные изменения, которые не могли не коснуться сферы кредитования. Помимо займов с участием традиционных финансовых институтов (таких как банки, микрофинансовые организации и т. д.) развиваются альтернативные источники привлечения заемного капитала. Одним из современных механизмов предоставления финансовых ресурсов является так называемое P2P-кредитование.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В процессе исследования были использованы системный подход, аналитические и сравнительные методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

P2P (peer-to-peer)-кредитование представляет собой выдачу и получение займов физическими лицами без привлечения посредников в лице банков и других финансовых институтов [2]. В отличие от традиционного кредитования, когда деньги ссуживаются юридическими лицами, кредиты P2P являются равноправными. Рассмотрим более подробно, как устроен процесс P2P-кредитования.

Как правило, подобные займы предоставляются онлайн на специальных платформах, где взаимодействуют кредитор и заёмщик. Ставки по P2P-кредитам могут быть как фиксированными, так и определяемыми на основе обратного

аукциона. То есть потенциальный заёмщик устанавливает максимально допустимый уровень ставки, под которую он согласен взять кредит, а потенциальные кредиторы конкурируют между собой, предлагая выдать займ по меньшей ставке.

Однако данные платформы не принимают на себя кредитные риски, сервис лишь выступает в роли посредника и проводит некоторую проверку данных заёмщика [6]. Как следствие, P2P-кредитование сопряжено с большим риском и отсутствием гарантий. Для участия в программе равноправного кредитования иногда достаточно регистрации, авторизации через смс или социальные сети. Кроме того, на данный момент не реализована организация эффективного сотрудничества P2P-площадок с бюро кредитных историй, которое бы позволило значительно снизить риски невозврата займов, а также уровень просроченных задолженностей.

Но, несмотря на существенные риски, сервисы P2P-кредитования набирают популярность. Причиной этому служит большая лояльность платформ P2P-кредитования к заёмщику, так как все риски несут инвесторы. Основными клиентами являются лица с относительно низким уровнем дохода, которым коммерческие банки отказывают в выдаче займов. Главная же выгода заключается в том, что процентные ставки могут согласовываться сторонами сделки и в целом их величина существенно ниже по сравнению с банковским процентом. Для кредиторов P2P-кредитование, в свою очередь, является возможностью создать диверсифицированный инвестиционный портфель с получением стабильного дохода. Таким образом, для инвесторов использование P2P-платформ может быть также выгодно, ведь потенциальный доход от выданных займов значительно выше ставок по депозитным вкладам.

Очевидно, что P2P-кредитование пока не в силах составить серьезную конкуренцию банковскому сектору, но с учетом значительных темпов развития в перспективе может занять определенную нишу на рынке кредитования. Способствует этому рост себестоимости банковских кредитов, вследствие которого выдача кредитов на небольшие суммы становится нерентабельной. Поэтому банки постепенно уходят с рынка кредитования малого бизнеса, потребности которого значительно ниже среднего размера займов, предоставляемых коммерческими банками. Вследствие этого данная ниша освобождается для небанковских структур: микрофинансовых организаций, кредитных кооперативов и, конечно же, площадок P2P. Эти сер-

висы, в отличие от банков, могут предоставить малому бизнесу более гибкие условия и высокую скорость обслуживания [1].

Для более стремительного развития взаимного кредитования не хватает прочной нормативно-правовой базы. На современном этапе данная деятельность находится в правовом вакууме, так как не является предметом регулирования ни Закона «О потребительском кредите (займе)», ни Федерального закона «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях». Кроме того, P2P-кредитование функционирует вне сферы надзора мегарегулятора — Центрального Банка РФ. Однако, учитывая активное развитие рынка P2P-кредитования в России, Центральный Банк посчитал целесообразным углубленно изучить процессы, происходящие на данном рынке. Для этого с июля 2015 года была введена процедура мониторинга деятельности проектов P2P-кредитования [7]. В соответствии с данными ЦБ, по итогам 2015 года совокупный объем портфелей составил 167,8 млн руб. Попыткой законодательного отражения сложившихся отношений в секторе P2P-кредитования мог бы стать рассматриваемый в настоящее время законопроект «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ». Однако законопроект регулирует инвестиционную деятельность, но не кредитную (хотя статья 5 предполагает заключение договора займа как формы инвестиционной деятельности). Кроме того, возможность участия физических лиц рассматривается с точки зрения инвестора, заёмщиком же могут выступать только коммерческие организации и индивидуальные предприниматели.

На протяжении последних лет объем рынка взаимного кредитования значительно увеличивается. За 9 месяцев 2018 года суммарный объем сделок в этом сегменте вырос до 11,01 млрд руб. Такой рост по большей части обеспечило исключительно финансирование бизнеса (P2B-кредитование). А вот объем сделок в сегменте P2P-кредитования снизился на треть — со 149,7 млн руб. до 104 млн руб. Инвесторы не доверяют потенциальным заёмщикам — физическим лицам в связи с высоким уровнем невозвратов по ранее выданным P2P-ссудам. Действительно, риск просрочки задолженности в сегментах P2B и B2B варьируется в пределах 8—10 %, в то время как по P2P-кредитованию — около 50 % [3]. Вероятно, что если в ближайшем будущем у площадок не появится больше данных для оценки кредитоспособности граждан, развитие данного сегмента рынка может быть под угрозой.

Несмотря на то, что в России рынок P2P-кредитования развивается медленнее, чем за рубежом, в настоящее время существует множество площадок для предоставления таких займов с различными условиями функционирования. Сравнительный анализ наиболее популярных платформ представлен в таблице 1.

Таблица 1
Сравнительный анализ площадок
P2P-кредитования

Название	Год запуска	Суммы инвестиций, руб.	Доходность, %	Срок инвестирования
Город денег	2016	от 50 000	20—30	1—36 месяцев
Loanberry	2012	от 1000	21	-
Penenza	2015	от 5000	20	60—90 дней
Zaymigo	2013	от 50 000	26	6—24 месяца
Финам	2015	от 100 000	14,5—16	от 3 месяцев

Среди вышеперечисленных сервисов наиболее высокой доходностью обладают «Город денег» и Zaymigo (платформа МФК), минимальная сумма инвестиций на данных площадках составляет 50 000 рублей. Что касается «Города денег», данный сервис менее привлекателен

для диверсификации инвестиций, так как заёмщик может не согласиться на частичные инвестиции в свой проект и минимальную сумму не получится инвестировать несколько проектов. Следовательно, для диверсификации придется увеличивать свои вложения.

Penenza специализируется на выдаче целевых займов бизнесу, например, на обеспечение тендерной заявки или исполнение контракта. Срок рассмотрения заявок — 1 день, а средняя доходность составляет 20 %. Компания является рекордсменом российского рынка по объему выданных займов — более 17 млрд руб. [10].

P2P-площадка Финам выдает займы под залог автомобилей и недвижимости. Характеризуется относительно высоким порогом инвестиций в 100 000 рублей и в то же время доходностью ниже остальных сервисов. Но данная компания очень известна на рынке, поэтому надежность не оставляет сомнений. Обеспечительная стоимость активов в 2,5—3 раза больше размера обязательств. Кроме того, гарантируется выкуп просроченных займов [11].

Все, кроме одной, рассмотренные платформы на самом деле аффилированы кредитными или микрофинансовыми организациями и не относятся к сфере P2P-кредитования. В целом P2P-платформы в меньшей степени представлены (см. рис. 1).

КАРТА РЫНКА КРАУДФИНАНСИРОВАНИЯ В РОССИИ

версия январь 2019

ruscrowdfunding rus_crowd info@rus-crowd.ru

Приглашаем участников рынка и СМИ к сотрудничеству

Рис. 1. Карта рынка краудфинансирования в России [13]

Выявленное обстоятельство свидетельствует о возможном использовании информационной и методической поддержки головной организации. Существенным преимуществом платформы Loanberry, выпадающей из аффилированного списка, является опция «Гарант», согласно которой гарантируется возврат вложенных денег; проблемный заем площадка берет на себя. Кроме того, имеется кредитный рейтинг, на основании которого можно сделать вывод о платежеспособности и финансовой репутации заёмщика [9]. Площадка также публикует судебную практику и список не выполнивших обязательств заёмщиков. Так как список уже значительный по количеству включенных в него участников и продолжает пополняться, то можно сделать вывод о необходимости повысить надежность и снизить риски всех участников кредитных отношений. Рассмотрим варианты обеспечения, которые предлагает платформа, обобщенно: залог имущества, поручительство либо и вовсе без обеспечения. Если проверку кредитной истории платформа хотя бы как-то реализует, то оценка обеспечения проблематична, иногда и комична: на платформе «Город денег» в качестве обеспечения одного из предложений выступает «поручительство мамы». Такой вид обеспечения, как страхование, предлагают очень редко и в основном при участии банков (и на инвестиционных площадках они тоже встречаются). Безусловно, что страхование зай-

мов в сфере P2P-кредитования для страховщиков является рисковым направлением, но тщательно прописанные условия могут обеспечить взаимовыгодное сотрудничество. Созданная в 2018 году Ассоциация операторов инвестиционных платформ призвана обеспечить выработку совместных решений в сфере современных видов и технологий кредитования, что, на наш взгляд, наряду с вниманием регулятора к сфере P2P-кредитования послужит основанием для снижения рисков, выработки унифицированных требований и подходов.

ВЫВОДЫ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ рынка показал, что пока сектор P2P-кредитования находится в стадии становления и активного развития, но при этом не занимает существенной доли финансового рынка. На сегодняшний день регулирование и надзор за участниками рынка P2P-кредитования отсутствуют, поэтому для данной формы кредитования характерен повышенный уровень риска. Вследствие этого очевидна необходимость определения статуса P2P-платформ, заёмщиков — физических лиц, разработки законодательных и нормативных документов, направленных на регулирование данных отношений. Центральный Банк, в свою очередь, должен продолжать мониторинг площадок P2P-кредитования, но в то же время надзор должен быть адекватен во избежание избыточного регулирования подобных структур.

Литература

1. Бахвалова М. P2P-кредитование вместо банков: выход для малого бизнеса / М. Бахвалова. — URL: <https://bankir.ru/publikacii/20151125/p2p-kreditovanie-vmesto-bankov-vykhod-dlya-malogo-biznesa-10006935> (дата обращения: 12.03.2019).
2. Вершинина А. А. Peer-to-peer кредитование в финансово-экономической системе России / А. А. Вершинина, О. А. Жданова // ТДР. — 2017. — № 4.
3. Граждане не доверяют друг другу деньги // Газета Коммерсантъ. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3842950> (дата обращения: 14.03.2019).
4. Казаченок О. П. Взаимное (P2P) кредитование как современный инструмент альтернативного финансирования / О. П. Казаченок // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2018. — № 10(50).
5. Комельков М. В. P2P-кредитование: альтернативный подход к долговому рынку / М. В. Комельков // Научные записки молодых исследователей. — 2017. — № 5.
6. Лобанов М. Как устроен рынок P2P-кредитования в России и за рубежом / М. Лобанов. — URL: <https://rb.ru/opinion/p2p> (дата обращения: 12.03.2019).
7. О мониторинге участников рынка P2P-кредитования : информационные материалы Центрального Банка РФ. — URL: http://www.cbr.ru/press/pr/?file=22062015_175040if2015-06-22t17_48_56.htm (дата обращения: 13.03.2019).
8. Объем рынка краудфандинга в 2017 году увеличился в два раза : информационные материалы Центрального Банка РФ. — URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=1902> (дата обращения: 12.03.2019).
9. Официальный сайт Loanberry. — URL: <https://www.loanberry.ru/to-lenders/> (дата обращения: 14.03.2019).
10. Официальный сайт Penenza. — URL: <https://penenza.ru/investment> (дата обращения: 14.03.2019).
11. Официальный сайт Финам P2P. — URL: <https://finambank.ru/person/credits/p2p> (дата обращения: 14.03.2019).
12. Шайдуллина В. К. Проблемы правового регулирования P2P-кредитования в Российской Федерации / В. К. Шайдуллина // Общество: политика, экономика, право. — 2018. — № 5.
13. Ассоциация операторов инвестиционных платформ представила карту рынка краудфинансирования в России. — URL: <https://sm-up.ru/news/associaciya-operatorov-investicionnyh-platform-predstavilo-kartu-rynka-kraudfinansirovaniya-v-rossii> (дата обращения: 22.04.2019).

P2P-LENDING AS AN ALTERNATIVE FINANCING INSTRUMENT**A. V. Romanova**Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
a_romanova@bk.ru**D. E. Kurushina**Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
kurushina.darya@bk.ru

P2P-lending, which "allows individuals to lend to each other directly, without intermediary of traditional financial institutions" [7], is actively developing at the present stage. The financial service provides the possibility of direct borrowing through special online platforms. In P2P lending, the platform plays the role of an intermediary, but such services do not accumulate money. In other words, financial transactions are carried out outside the exchange, for example, through Internet banking or electronic payment systems. An intermediary that facilitates the development of mutual lending, in fact, only helps the borrower and the lender to agree on a deal and find each other, for which he charges a small Commission (usually 2—3 %). The main participants of such credit relations are individuals who provide private loans. However, it is possible to access specialized Internet sites and legal entities. Despite the rapid growth of new lending technology, there is a lack of terminological certainty, legislative regulation and regulation of activities and responsibilities in the P2P lending sector. The law "On attracting investment through investment platforms" passed the first reading, which involves the settlement of relationships, but, above all, legal entities. Individuals can participate only as investors. The unquestioned contribution of the draft law is the legitimation of the activities of core investors-individuals, as currently for such activities it is necessary to register as a person engaged in business. But the individual borrower remains within the framework of civil law relations. In the process of regulation of P2P lending should be guided by the motto "do no harm", as excessive regulation can turn very nasty, as confirmed by the pyramidal P2P-experience of China. The article examines the features of the organization, identification of problems and prospects of development of P2P lending in Russia.

Key words: P2P lending, bank, credit, regulation, crowdfunding.

References

1. Bahvalova M. P2P-kreditovanie vmesto bankov: vyhod dlya malogo biznesa [P2P lending instead of banks: option for small business]. URL: <https://bankir.ru/publikacii/20151125/p2p-kreditovanie-vmesto-bankov-vykhod-dlya-malogo-biznesa-10006935> (access date: 12.03.2019).
2. Vershinina A. A., Zhdanova O. A. (2017) Peer-to-peer kreditovanie v finansovo-ekonomicheskoy sisteme Rossii [Peer-to-peer lending in financial and economic system of Russia]. TDR, (4).
3. Grazhdane ne doveryayut drug drugu dengi [Citizens do not lend money to each other]. Gazeta Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3842950> (access date: 14.03.2019).
4. Kazachenok O. P. (2018) Vzaimnoe (P2P) kreditovanie kak sovremennyy instrument alternativnogo finansirovaniya [P2P lending as a modern instrument of alternative financing]. Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina, 10 (50).
5. Komelkov M. V. (2017) P2P kreditovanie: alternativnyy podhod k dolgovomu rynku [P2P lending: alternative approach to debt market]. Nauchnye zapiski molodykh issledovateley, (5).
6. Lobanov M. Kak ustroen rynek P2P-kreditovaniya v Rossii i za rubezhom [How P2P market in Russia and abroad works]. URL: <https://rb.ru/opinion/p2p> (access date: 12.03.2019).
7. O monitoringe uchastnikov rynka P2P-kreditovaniya: informatsionnye materialy Tsentralnogo Banka RF [Monitoring of the P2P lending marketplace]. URL: http://www.cbr.ru/press/pr/?file=22062015_175040if2015-06-22t17_48_56.htm (access date: 13.03.2019).
8. Objem rynka kraudfandinga v 2017 godu uvelichilsya v dva raza: informatsionnye materialy Tsentralnogo Banka RF [Crowdfunding market value increased twofold in 2017]. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=1902> (access date: 12.03.2019).
9. Ofitsialnyy sayt Loanberry [Official site Loanberry]. URL: <https://www.loanberry.ru/to-lenders> (access date: 14.03.2019).
10. Ofitsialnyy sayt Penenza [Official site Penenza]. URL: <https://penenza.ru/investment> (access date: 14.03.2019).
11. Ofitsialnyy sayt Finam P2P [Official site Finam P2P]. URL: <https://finambank.ru/person/credits/p2p> (access date: 14.03.2019).
12. Shaydullina V. K. (2018) Problemy pravovogo regulirovaniya P2P-kreditovaniya v Rossiyskoy Federatsii [Problems of legal regulation of P2P lending in the Russian Federation]. Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo, (5).
13. Assotsiatsiya operatorov investitsionnykh platform predstavila kartu rynka kraudfinansirovaniya v Rossii [Investment Platform Operators Association presented crowdfunding market map in Russia]. URL: <https://sm-up.ru/news/associaciya-operatorov-investitsionnykh-platform-predstavilo-kartu-rynka-kraudfinansirovaniya-v-rossii> (access date: 22.04.2019).

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

И. Д. Митина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
7151mid@gmail.com

ТРАДИЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ*

Длительное время философия образования составляла компонент системного мышления «великих философов» и разворачивалась как приложение фундаментальных основоположений их концепций к одной из областей социокультурной действительности — образованию. В XX веке крупнейшие мыслители размышляли о проблемах образования, выдвигали проекты новых образовательных институтов (назовем хотя бы имена В. Дильтея, Д. Дьюи, М. Бубера, К. Ясперса, А. Н. Уайтхеда). Хотя проблемы образования всегда занимали важное место в философских концепциях, но выделение философии образования в качестве особого исследовательского направления началось лишь в XX веке. Философия образования занимает важное место в преподавании философии во всех западноевропейских странах. Всемирный философский конгресс (1998) посвящен проблемам образования, пленарные заседания, симпозиумы и коллоквиумы непосредственно связаны с философией образования. До сих пор существуют сложности в выяснении статуса философии образования, ее взаимоотношений с общей философией, с одной стороны, и с педагогической теорией и практикой — с другой. Представители разных философских направлений по-разному трактуют содержание и задачи философии образования. Актуальность философского осмысления изменений, происходящих в теории и практике образования, на сегодняшний день только усиливается. В России и за рубежом сложились принципиальные отличия состояния философской мысли в области образования, что нашло отражение в теории, традиции оснований обособления философии образования от общей философии.

Ключевые слова: образование, концепция, педагогика, гуманизм, обучение, культура, парадигма.

* Работа выполнена на основе авторского исследования «Социокультурные парадигмы образовательной деятельности в общественно-политической мысли России конца XIX — начала XX веков: философско-педагогический аспект» [14].

В рамках философии образования происходит обобщение и конкретизация теоретико-методологического аппарата педагогической науки, а также интерпретация накопленных знаний в области философии в контексте образовательной деятельности и выработка отношения к проблемам воспитательного и образовательного уровня.

Теоретико-методологическая значимость философии образования проявляется в анализе современных подходов и определении смыслов и вариантов преобразования в образовании.

Термин «философия образования» предполагает определенную системность, которая не просто переносится из общей философии, а формулируется во взаимодействии с ней как особый тип философской системности, специализированной в связи с физикой или техникой и с образованием. Именно в таком контексте трактуется философия образования в Британской энциклопедии.

И в XX веке крупнейшие мыслители размышляли о проблемах образования, выдвигали проекты новых образовательных институтов.

Наиболее значительный вклад в изучение проблем философии образования внесли В. Дильтей, Д. Дьюи, М. Бубер, К. Ясперс, А. Н. Уайтхед.

В XX веке проблематика исследования в области образования стала актуальной и значимой в рамках философии. До данного периода эти вопросы также звучали в философских исследованиях, но не были столь ярко оформлены, чтобы их можно было выделить в особое направление.

Начиная с 1940-х гг. в Колумбийском университете оформилось научное общество, деятельность которого была направлена на анализ проблем образования в контексте философского знания. Сформировались направления сотрудничества в области педагогических и воспитательных проблем и стала проводиться экспертиза образовательных программ, существовавших в практике образования.

Анализируя дальнейшее развитие философии образования, можно увидеть прежде всего ее практико-ориентированную направленность на осмысление прежде всего путей развития и модернизации образовательной системы. Данные аспекты в рамках философии развивались по пути осмысления категориального аппарата, определения статуса философии образования и ее связи с философией и теорией педагогической науки.

Представители данных наук при трактовке проблем философии образования выделяют разноплановые аспекты для ее функций в современном научном плане [11].

В первой половине XX века это прежде всего возможность приложения фундаментального философского знания и принципов познания к образованию.

С середины XX века данное направление стало оформляться в социально-институциональную форму. Это сказалось прежде всего на создании ассоциаций и объединений философов и педагогов на базе философско-методологического подхода в анализе проблем образования.

В XX веке в философии образования были выдвинуты различные концепции. И каждая из них делает акцент на определенных моментах педагогического знания, педагогической деятельности, образовательной системы. Так, эмпирико-аналитическое направление, продолжая традиции позитивизма, обращается прежде всего к таким вопросам, как структура педагогического знания, статус педагогической теории, взаимоотношение ценностных суждений и высказываний о фактах, дескриптивной и нормативной педагогики (А. Фишер, Р. Лохнер, В. Бре-

зинка). В этой традиции философия образования в лучшем случае отождествляется с метатеорией. Данному направлению противостояла гуманитарная педагогика, продолжавшая линию историцизма В. Дильтея. В ней подчеркивалась специфичность методов педагогики как науки о духе, гуманитарная направленность педагогики (Г. Ноль, Т. Литт, В. Флитнер, Э. Венигер) [6].

В диалогической философии образования (М. Бубер, Ф. Розенцвейг и др.) акцент делается на ситуации встречи учителя и учеников, на диалогической коммуникативной природе образования. В современной педагогической антропологии, герменевтике и экзистенциализме задача философии образования усматривается в выявлении смысла образования, в формировании нового образа человека, адекватного его существованию (О. Больнов, Г. Рот, М. Лангевилд).

Из исследовательских направлений в зарубежной философии образования привлекает внимание, во-первых, педагогическая антропология, поскольку в этом направлении в качестве основной мировоззренческой категории философии образования взята категория «человек», создаются предпосылки для интеграции современных знаний о человеке для конкретизации общепедagogических положений применительно к социальной и предметно-деятельностной сущности человека, проявляющейся в области познания.

Ряд положений педагогической антропологии может быть использован при разработке критериев оценки выбора приоритетных педагогических моделей системы образования.

Во-вторых, среди направлений зарубежной философии образования выделим и герменевтику как метод исторической интерпретации, позволяющий прогнозировать развитие образовательной системы России и достичь «предположения», задаваемого традицией и менталитетом страны [12, 14].

Путь обособления философии образования от общей философии, наблюдаемый на Западе с середины XX века, связан с общими тенденциями эволюции философской мысли В. Дильтея, остротой проблематичности самого статуса философии в современной культуре, неудовлетворенностью идущего от классики «глобалистского» понимания философии, стремлением теснее связать ее с какими-то реальными конкретными проблемами.

Вместе с тем состояние дел в образовании, в котором находит свое выражение проблемная ситуация в современной культуре в целом, сти-

мулирует внимание к возможности конструктивного подхода именно с философских позиций. В нашей стране процесс формирования философии образования как специального направления также достаточно противоречив, хотя сама потребность в таком направлении, несомненно, актуальна на сегодняшний день [10, 11, 14].

Специфика обособления философии образования в исследовательское направление в России имеет свои исторические предпосылки. Здесь столкнулись две интеллектуальные тенденции.

С одной стороны, для русской философии характерен акцент на педагогических проблемах исходя из традиционного для России нравственно-практического способа философствования. Этот способ при всех своих достоинствах имел известные ограничения и в онтологии, и в эпистемологии. Поэтому сегодня российская философия образования нуждается в обогащении опытом зарубежной философской мысли для решения теоретико-познавательных и онтологических проблем [8].

С другой стороны, многие проблемы, относимые сегодня к философии образования и требующие именно философского осмысления, традиционно решались в России педагогикой и силами самих педагогов, которые при этом вовсе не чужались философии и не были от нее обособлены.

С достаточной долей уверенности можно предположить, что трагическая судьба философской мысли в России в XX веке повлекла за собой перенос живых этико-философских размышлений в практическую педагогику, где они с большими или меньшими потерями сохранились до сегодняшнего дня. Последние связаны с именами таких выдающихся мыслителей, как В. Одоевский, А. Хомяков, П. Юркевич, Л. Толстой, С. Булгаков, Н. Бердяев, П. Миллюков, В. Зеньковский, хотя знание этой традиции сегодня не в полной мере используется в системе образования. Недостаточен опыт познания и осмысления педагогической практики дореволюционной России (которая была не столь однозначно государственной), и не в полной мере используются достижения педагогической и философской мысли русского зарубежья [1, 7, 9, 14].

Применительно к современной России особую значимость приобретает данная область научного знания. В. Дильтея в философии образования: она позволяет полно и последовательно отразить общие принципы и закономерности бытия образования и его познания, осмыслить его состояние, тенденции развития и противоречия.

Определяющим в развитии общества и культуры является уровень образования, именно он формирует социокультурную специфику и формы жизнедеятельности и определяет формирование основных качеств человеческой личности данного общественного развития. Философия образования как особая практика постигает специфику, уровни и направленность в формировании личности.

В России есть свои богатые традиции разработки подобной философской проблематики. Это прежде всего работы по философской антропологии Л. П. Карсавина (особенно идеи о «симфонической личности»), П. Флоренского (его антроподицея), о. С. Булгакова (идея обретения человекобога в человекозвере), В. В. Зеньковского (работы по христианской антропологии и педагогике), Л. Шестова, Н. А. Бердяева [2, 4, 7, 11].

Это новая «оптика мышления» М. М. Бахтина, задающая иную «архитектонику личности», положенную в основание кардинально иной антропологии и философии образования человека. В контексте данного направления, несомненно, вырисовываются взаимосвязи с научными разработками Л. С. Выготского и его последователей в рамках педагогических практик [3, 10, 12].

Можно говорить об определенных традициях или предпосылках философии образования в России второй половины XX века. Они связаны с реальными тенденциями развития нашей философской мысли в период после хрущевской «оттепели», с такими направлениями, как «диалог культур» В. С. Библера, деятельностный подход к познанию, развивавшийся Г. П. Щедровицким и его последователями. Интересны конструктивные идеи Г. С. Батищева, которые, к сожалению, не получили заслуживающего их резонанса, — позитивные подходы в области философии науки, философии культуры, философской антропологии, которые содержат позитивный потенциал для разработки философии образования.

В наши дни мы сталкиваемся с разноречием и в педагогике, и в образовательной действительности, и в педагогической практике. Современная реальность образования — реальность разноречия отдельных групп, различных программ, не только выявляющих разные и даже альтернативные характеристики образования, но и задающих разные перспективы и образованию, и педагогической мысли.

В этой ситуации разноречия крайне важна роль философии образования, которая, осуществляя сопоставления различных концепций образования, рефлектируя над их основаниями и

подвергая их критическому анализу, находит предельные основания образовательной системы и педагогической мысли, которые могут служить почвой для консенсуса столь разноречивых позиций.

И одновременно философия образования выдвигает ориентир для реорганизации системы образования, определяет ценностные основания новых проектов образовательных систем и педагогической мысли.

Представленные проекты различны по своим целям и направленности. Одни из них нацелены на преобразование институтов образования (школы, университеты, вся система образования или управления), другие — на внеинституциональное образование (например, программа непрерывного образования) [5, 10, 14].

Философия образования не может ограничиться только рефлексией над образовательной системой и образовательной культурой в целом. Она должна выявлять то, чего еще нет, то, что еще складывается, то, что утвердится в будущем, если найдутся социальные силы, способные воплотить эти проекты в реальность. Философия образования, как и общая философия, выдвигает некий проект — проект образования в будущем, его реорганизации, школы будущего и т. д. Конечно, отнюдь не всегда эти проекты соотносились с социокультурными ресурсами, но они всегда опережали свое время и задавали перспективу в развитии и образовательной системы, и педагогической мысли.

Философия образования и комплексные исследования образования предполагают пересечение философии образования с исходными для нее дисциплинами — философией, педагогикой, социологией, психологией, логикой, историей, культурологией, антропологией и др. Это позволяет говорить о междисциплинарном характере философии образования. Особая проблема — противоречие между потребностью в качественной интеграции разных дисциплин и их фактической разнородностью, даже несовместимостью.

Особое социокультурное значение в настоящее время приобретает обращение к религии, которая, задавая человеку смысл жизни, одновременно важна и для определения целей и содержания образования. Взаимоотношения философии с религией, эстетикой, этикой, правом, политикой — актуальная направленность тематики в исследованиях философии образования [4, 14].

В настоящее время усиливается тенденция, которую можно назвать своеобразным ренессан-

сом социально-культурного подхода к организации образования. Она предполагает интеграцию социально-культурных и естественно-научных оснований формулирования целей и содержания образования. Исходная идея о гуманизации образования подразумевает «смягчение» рационально-нормативного подхода к его организации: соединение его с подходом, ориентированным на социально-культурные ценности, отражающие специфику жизнедеятельности людей в конкретных геополитических, социальных, экологических, экономических, культурных условиях.

Для решения проблем развития образования собственно педагогических знаний недостаточно. Необходимо обращение к междисциплинарным знаниям различных наук, в той или иной части занимающихся проблемами образования и человека, к философскому осмыслению проблем образования, при котором педагогическая наука сохраняется и развивается как самостоятельная область знания.

Философия образования должна быть встроена как практика проработки метафизических проблем образовательной деятельности в широкую рамку культурной деятельности, работы по включению новых поколений в культуру и сохранению культурного пространства. Поэтому философы образования должны становиться экспертами-аналитиками в рамках социокультурных проектов и программ, не просто соратниками педагогической практики, а выступать в качестве медиатора-объединителя и организатора широких межпрофессиональных образовательных коалиций [6, 14].

Наиболее значимые задачи, стоящие в рамках анализа перед философией образования, — это прежде всего аргументация и теоретическое обоснование государственной и региональной политики в данной области, формирование целей и задач образования, концептуальное проектирование и моделирование образовательных систем и структур, прогнозирование в области образования поискового и нормативного плана. Даже в предельном случае, когда государство не независимо от степени его демократичности, его органы управления берут эти задачи на себя, здесь недопустим чиновничий произвол и волюнтаризм. Нормотворчество в сфере образования — процесс, требующий всестороннего научного и мировоззренческого обоснования, причем не *post factum* в оправдание принятых решений, а до их принятия, поскольку эти проблемы затрагивают и коренные интересы всего общества и суверенные права каждого человека.

Философия образования призвана закладывать концептуальные основы в разработках федеральных и региональных программ стабилизации и развития образования. Проектирование образовательных систем не по силам только органам управления. Это должны делать коалиции разработчиков, в которые могут входить философы, методологи, педагоги, психологи, управленцы и другие. Образование, будучи общественным и культурным делом, не должно отдаваться на откуп только государству, пусть трижды прогрессивному. Философы и методологи образования должны становиться экспертами, советниками при органах власти и занимать там приоритетные места, предлагая при этом успешные жизнеспособные образовательные проекты в рамках комплексных образовательных проектов, осуществляемых в режиме коллективных исследований и разработок [13, 14].

В современной отечественной философии образования можно выделить два направления:

— первое связано с разработкой интегративной науки об образовании, имеющей свой собственный предмет и объект;

— второе — с философским осмыслением развития образования как особой области научного знания и педагогической теории, представляющей собой интеграцию философских и собственно педагогических знаний о человеке и образовании. Эта область знаний представляет собой ведущий источник методологического обеспечения объективности, достоверности, надежности и доказательности выводов и положений как педагогической теории, так и педагогических прогностических моделей [14].

Разработка различных аспектов философии образования имеет принципиальное значение не только в собственно научном плане, но и в обеспечении эффективности управленческих стратегических и тактических решений по развитию образовательных систем. В условиях переходного периода современной России, думается, целесообразно говорить о перспективных проблемах образования, которые должны найти свое отражение в структуре целей и в содержании образования.

Одна из особенностей переходного периода в развитии образования в России заключается в том, что наряду с общей стратегией существенное значение имеют и поэтапные стратегии, принимающие во внимание фактор времени, необходимого для обновления и смены парадигмы в образовании, для преодоления инерции мышления и сопротивления реформам.

Необходимо выделить наиболее актуальные темы философии образования в современный период. Это прежде всего «Мировоззренческий анализ проблем развития образования в России», «Российское образование в мировом педагогическом пространстве», «Роль религии, этики, права в определении целей и содержания образования в России», «Педагогическая теория и практика как объект философского осмысления» [10, 12, 14].

Философия образования должна опираться на основные национально-культурные ценности и основополагающие мировоззренческие установки образования и воспитания, соответствующие тем требованиям и задачам, которые объективно выдвигаются перед личностью в условиях современного общества [11, 13].

Именно формирование свободной и ответственной личности следует поставить в центр всей системы образования. Характерной особенностью современного цивилизационного развития является распад различных форм традиционной авторитарной культуры, отторжение ее широкими слоями общества, и в первую очередь молодежью. Современная молодежь не признает автоматизма, непреложности такого распределения ролей.

И надо подчеркнуть, что эта общецивилизационная закономерность в условиях нашего современного переходного периода со всеми его кризисными явлениями, в том числе и с особенностями в духовной сфере, порождает зачастую крайне опасные и деструктивные эффекты, которые, к сожалению, достаточно очевидны. Отсюда вытекает крайняя острота и актуальность формирования позитивной стратегии воспитания, способной противостоять этим разрушительным процессам, не возвращаясь в то же время на позиции авторитаризма и диктата по отношению к личности.

Важнейшей задачей философии образования в этой ситуации становится разработка идейных оснований указанной выше позитивной стратегии. Она должна исходить из новых форм отношений между учителями и учащимися, что предполагает разработку ряда сложных вопросов теории и практики их совместной продуктивной деятельности, конструктивного общения в процессе образования, в том числе и между учащимися.

Отход от авторитарности в процессе трансляции культуры и изменение ролевых функций учащихся и учителей органически оказывается связанным также с изменением характера учебного предмета. Его содержание в этих условиях

не может выступать как некая не подлежащая обсуждению норма [6, 14].

Научные знания, нравственные принципы, философско-мировоззренческие установки призваны формироваться в процессе образования как нравственные убеждения, выработанные напряженными душевными усилиями, которые связаны с критическим анализом возможных альтернатив, столкновением различных идейных позиций и т. д. Учебный предмет должен быть построен так, чтобы способствовать сознательному соучастию осваивающей его личности в воспроизводстве его содержания в процессе образования. Это ставит перед философией образования ряд интересных и сложных проблем, связанных с соответствующим представлением содержания культуры, транслируемой в процессе образования. Большую роль в осмыслении и решении этих проблем может сыграть опыт развития философских и методологических исследований, философско-педагогической мысли конца XIX — начала XX веков [10, 11, 14].

Философия образования также направлена на осмысление нового педагогического опыта. Сопрягая его с альтернативными формами жизни и культуры, она выходит к обсуждению образов новой школы. Примером такого подхода является живое обсуждение в философии образования основных идей и практики вальдорфской педагогики, у нас — идей и опыта педагогов-новаторов. В современном мире необходимо рассматривать философию образования как предельно широкую рефлексию над образованием и педагогической практикой. В настоящее время мы не имеем дело с единой педагогической практикой, напротив, формируются разные, существенно различающиеся виды педагогических практик (традиционное образование, развивающее, новое гуманитарное образование, религиозное, эзотерическое и др.). Кроме того, происходит трансформация, ломка существующих отношений.

Например, в России целесообразно рассматривать по меньшей мере три основные парадигмы образования:

— во-первых, кризис классической модели и системы образования, разработка новых педагогических фундаментальных идей в философии и социологии образования, в гуманитарной науке, создание экспериментальных и альтернативных школ;

— во-вторых, отечественное движение нашей школы и образования в направлении интеграции в мировую культуру: демократизация школы, установление взаимосвязи с основными

созревающими субъектами культуры, создание системы непрерывного образования, гуманизация и компьютеризация образования, свободный выбор программ обучения и образования, создание на основе самостоятельности школ и вузов школьного общества;

— третья тенденция, о которой также нельзя забывать, — восстановление и дальнейшее развитие традиций русской школы и образования.

При наличии разных педагогических практик можно говорить о двух направлениях разворачивания педагогического знания: снизу, от разных педагогических практик, и как бы сверху, от некоторых общих представлений, которые должны интегрировать отдельные виды педагогического знания на самой разной основе [8, 14].

Смысл и ценности образования нельзя охарактеризовать в онтологической плоскости через перечисление представлений об образовании и синтез этих представлений, поскольку такой подход всегда будет вести к противоречиям и ценностному противопоставлению. В современных исследованиях сложились подходы и школы, по-разному трактующие и понимающие образование, поэтому так важна работа по философскому анализу оснований подобных подходов, с одной стороны, и установлению правил интеллектуальной коммуникации этих школ и подходов — с другой.

В современный период развития информационного общества процессы, происходящие в образовании, и его будущее является важнейшим ресурсом развития социума. Задача ученых, работающих в области философии образования в нашей стране, состоит в том, чтобы, учитывая национальные особенности системы образования, непредвзято осмыслить основания различных зарубежных подходов и, не перенося эти подходы механически на нашу почву, иметь их в виду в собственной позитивной работе.

В России существовали значительные философские традиции в анализе проблем образования, однако философия образования длительное время не была ни особой исследовательской областью, ни специальностью.

В наши дни положение дел меняется: создан Проблемный научный совет при Президиуме РАО, работает семинар по философии образования в Институте педагогических инноваций РАО, выпущены монографии и учебные пособия по философии образования. Как мы видим, в современном гуманитарном знании России складываются направления философии образования.

Литература

1. Андреев А. П. Русская традиция / А. П. Андреев, А. И. Селиверстов. — М., 2004.
2. Болотков В. Х. Выдающиеся представители русской социально-философской мысли первой половины 20 века / В. Х. Болотков, А. М. Кумыков. — М., 2002.
3. Гагаев А. А. Русские философско-педагогические учения 18—20 веков / А. А. Гагаев, П. А. Гагаев. — М., 2002.
4. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / С. И. Гессен. — М., 1995.
5. Глухов А. Г. Ревнител просвещения России 10—18 вв. / А. Г. Глухов. — М., 2007.
6. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии / В. В. Зеньковский. — М., 1996.
7. Марков А. Н. Культурология / А. Н. Марков. — М., 2009.
8. Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры : в 2 т. / П. Н. Милуков. — М., 1994.
9. Митин С. Н. Человек и культура / С. Н. Митин, И. Д. Митина. — Ульяновск, 1997.
10. Митина И. Д. Социокультурные парадигмы образовательной деятельности в общественно-политической мысли России конца 19 — начала 20 веков / И. Д. Митина. — Ульяновск, 2004.
11. Плеханов Е. А. Философско-педагогическая антропология «Нового богословия» / Е. А. Плеханов. — М., 2002.
12. Пономарева Г. М. Основы культурологии / Г. М. Пономарева, Т. И. Тюляева. — М., 2002.
13. Старикова Л. Д. История и философия образования / Л. Д. Старикова. — М., 2008.
14. Митина И. Д. Социокультурные парадигмы образовательной деятельности в общественно-политической мысли России конца XIX — начала XX веков: философско-педагогический аспект : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / И. Д. Митина. — Ульяновск, 2004. — 435 с.

TRADITIONS AND DIRECTIONS OF THE PHILOSOPHY OF EDUCATION IN MODERN HUMANITARIAN KNOWLEDGE*

I. D. Mitina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

snm7151@gmail.com

The philosophy of education has been a component of the operational thinking of "great philosophers" for a long time and has developed as a supplement of the fundamental principles of their concepts to one of the areas of social and cultural reality — education. In the 20th century, major thinkers reflected on the problems of education, proposed projects of new educational institutions (for example V. Dilthey, D. Dewey, M. Buber, K. Jaspers, A. N. Whitehead). Although the problems of education have always been of great importance in philosophical concepts, the philosophy of education as an independent research area appeared only in the 20th century. The philosophy of education holds pride of place in philosophy teaching in all Western European countries. The World Philosophical Congress (1998) is devoted to the problems of education, plenary sessions, symposia and colloquiums are directly related to the philosophy of education. It is still difficult to determine the status of the philosophy of education, its interrelation with general philosophy, on the one hand, and with pedagogical theory and practice, on the other. Representatives of different philosophical directions, differently interpret the content and tasks of the philosophy of education. The relevance of philosophical understanding of the changes occurring in the theory and practice of education, today only increases. In Russia and abroad, there are fundamental differences in the state of philosophical thought in the field of education; this was reflected in the theory, the tradition of the foundations of the separation of the philosophy of education from general philosophy.

Key words: education, concepts, pedagogy, humanism, learning, culture, paradigm.

* The work was carried out on the basis of the author's research "Socio-cultural paradigms of educational activities in the social and political thought of Russia of the late XIX — early XX centuries: The philosophical and pedagogical aspect" [14].

References

1. Andreev A. P., Seliverstov A. I. (2004) *Russkaya traditsiya* [Russian tradition]. Moscow.
2. Bolotkov V. H., Kумыков A. M. (2002) *Vydayushchiesya predstaviteli russkoy sotsialno-filosofskoy mysli pervoy poloviny 20 veka* [Great representatives of Russian social and philosophical thought of the first half of the 20th century]. Moscow.
3. Gagaev A. A., Gagaev P. A. (2002) *Russkie filosofsko-pedagogicheskie ucheniya 18—20 vekov* [Russian philosophical and pedagogical teaching]. Moscow.
4. Gessen S. I. (1995) *Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnuyu filosofiyu* [Fundamentals of Pedagogics. Introduction into Working Philosophy]. Moscow.
5. Gluhov A. G. (2007) *Revniteli prosveshheniya Rossii 10—18 vv.* [Zealots of the Enlightenment of Russia of 10—18 centuries]. Moscow.
6. Zenkovskiy V. V. (1996) *Problemy vospitaniya v svete khristianskoy antropologii* [Problems of education in the light of Christian anthropology]. Moscow.
7. Markov A. N. (2009) *Kulturologiya* [Culturology]. Moscow.
8. Miljukov P. N. (1994) *Ocherki po istorii russkoy kultury: v 2 t.* [An outline of Russian Culture History]. Moscow.

9. Mitin S. N., Mitina I. D. (1997) Chelovek i kultura [Person and culture]. Ulyanovsk.
10. Mitina I. D. (2004) Sotsiokulturnye paradigmy obrazovatelnoy deyatelnosti v obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii kontsa 19 — nachala 20 vekov [Socio-cultural paradigms of educational activities in the social and political thought of Russia of the late XIX — early XX centuries]. Ulyanovsk.
11. Plehanov E. A. (2002) Filosofsko-pedagogicheskaya antropologiya "Novogo bogosloviya" [Philosophical and pedagogical anthropology of "New theology"]. Moscow.
12. Ponomareva G. M., Tyulyaeva T. I. (2002) Osnovy kulturologii [Fundamentals of culturology]. Moscow.
13. Starikova L. D. (2008) Istoriya i filosofiya obrazovaniya [History and philosophy of education]. Moscow.
14. Mitina I. D. (2004) Sotsiokulturnye paradigmy obrazovatelnoy deyatelnosti v obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii kontsa XIX — nachala XX vekov: Filosofsko-pedagogicheskij aspekt [Socio-cultural paradigms of educational activities in the social and political thought of Russia of the late XIX — early XX centuries: The philosophical and pedagogical aspect]. Dis. ... Dr. ped. sciences: 13.00.01. Ulyanovsk, 435 p.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

А. Ю. Волкова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
annavolkova.98@mail.ru

Е. Н. Каленик

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
kente@mail.ru

СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА РЫНКЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

На сегодняшний день все сильнее укрепляется позиция трудовых ресурсов как важнейшей составляющей благополучного развития любого государства. В связи с этим в актуальности исследования данной темы не возникает сомнений. В статье рассматривается соотношение спроса и предложения на современном рынке трудовых ресурсов. Для более полного изучения этого вопроса приводятся результаты исследования уровня конкуренции на рынке труда. Названы наиболее и наименее конкурентные профессиональные области. В статье сформирован приближенный перечень самых востребованных профессий на сегодняшний день. Помимо прочего, упоминается о территориальном аспекте профессиональной реализации.

В работе рассматриваются прогнозы касательно рынка труда и актуальности профессий на текущий год (2019 г.) и на ближайшую перспективу (2025 г.). Также поднимается вопрос о том, сможет ли государство обеспечить удовлетворение потребности рынка в необходимых профессиях и спланировать обучение трудовых ресурсов на будущее. Для ответа на данный вопрос в статье приводится сопоставление количества выделенных бюджетных мест по выборочным направлениям подготовки на 2019/2020 и 2020/2021 учебные годы. В ходе анализа указанной информации было установлено, каким тенденциям в области обучения уделяется меньше всего и больше всего внимания со стороны государства. Рассматривается роль работодателей в формировании гармоничного соотношения спроса и предложения на рынке труда. Приводятся результаты опроса работодателей касательно важности трудовых ресурсов на предприятиях. Также описываются способы участия работодателей в формировании должного уровня квалификации участников рынка труда. Исследуются пути сотрудничества вузов и работодателей на этапе обучения студентов.

В заключение делается вывод, в котором даются рекомендации для повышения эффективности использования трудовых ресурсов страны.

Ключевые слова: рынок труда, образование, востребованная профессия, обучение трудовых ресурсов, работодатель, квалификация, студент, бюджетные ассигнования.

Рынок труда — важнейший элемент современной рыночной экономики. Его можно охарактеризовать как систему общественных отношений, позволяющую согласовать интересы работника и работодателя [8]. Текущие глобальные процессы информатизации оказывают сильное влияние на спрос на рынке труда, который нельзя игнорировать. Поэтому рассмотрение проблемы сбалансированности спроса и

предложения трудовых ресурсов сейчас стоит крайне остро [6].

По результатам совместного исследования HeadHunter и Microsoft уровень конкуренции на рынке труда в России растет: если в январе 2014 года уровень конкуренции составлял около 4,9 человека на рабочее место, то к январю 2018 года этот показатель достигал уже 6,4 человека.

Среди наиболее конкурентных профессиональных областей были выделены:

- высший менеджмент;
- юриспруденция;
- искусство и развлечения;
- добыча сырья;
- бухгалтерия, управленческий учет, финансы предприятия;
- административный персонал;
- безопасность.

В число наименее конкурентных профессиональных областей вошли:

- консультирование;
- страхование;
- медицина, фармацевтика;
- рабочий персонал;
- банки, инвестиции, лизинг;
- информационные технологии;
- маркетинг, реклама, PR [2].

Ко всему прочему, анализ рабочей силы в трудоспособном возрасте демонстрирует тенденцию к сокращению «рабочих рук»: в январе 2017 года численность рабочей силы в трудоспособном возрасте (мужчины до 60 лет и женщины до 55 лет) достигала 68 681 000 человек, в аналогичном периоде 2018 года — уже 67 913 000 человек [5].

Какие же профессии признаны самыми востребованными на рынке труда на сегодняшний день? Исследуя вопрос актуальности профессий на ближайшее будущее (2019—2020 гг.), можно сформировать их приближенный перечень, который частично повторяется от источника к источнику:

1. *Специалист в сфере ИТ.* Данная сфера признается одной из самых быстроразвивающихся не только в России, но и за рубежом. Глобальная компьютеризация требует квалифицированных кадров, способных удовлетворить спрос в разработке качественного программного обеспечения, а также надежных программ, обеспечивающих высокий уровень информационной безопасности.

2. *Педагог.* Безусловно, самая востребованная профессия, на наш взгляд. Какие бы новые запросы на профессии не диктовал рынок, этим профессиям необходимо кому-то обучать. Образовательная система, как никогда, нуждается в новых специалистах с качественно новыми знаниями и более современным подходом, соответствующим текущим требованиям к образовательному процессу.

3. *Работники медицины.* Это направление все также остается востребованным. На сегодняшний день очевидна нехватка грамотных

специалистов, так как молодые врачи, окончившие учебное заведение, пока еще не обладают достаточной квалификацией, а некоторые прекращают свое обучение в этой сфере, опасаясь трудностей с получением справедливой оплаты труда.

4. *Работники строительных специальностей.*

Во времена масштабного строительства городов, дорог и иных сооружений особую актуальность представляет именно данная сфера деятельности. Недостаток строителей в стране демонстрирует тот факт, что основная масса работающих по указанной специальности — мигранты из других стран, обладающие крайне низкой квалификацией и неспособные отвечать установленным требованиям.

5. *Рекламщики и PR-менеджеры.* Для любого хозяйствующего субъекта сейчас просто необходимы такие профессии. В век потребления уже недостаточно просто предоставлять качественный товар (работу, услугу). Необходимо уметь правильно донести информацию о продукции до потребителя, установить с ним долгосрочный контакт. Поэтому для продвижения бренда всегда нужны новые активные кадры.

Принимая во внимание современные тенденции на рынке труда, нужно помнить о территориальном аспекте профессий. Так, например, ветеринар или пчеловод будут мало востребованными в крупных городах, а вот в сельской местности наверняка будут успешно трудоустроены.

Следует заметить, что самые востребованные и самые высокооплачиваемые профессии в России не стоит считать тождественными понятиями. Так, зачастую представители действительно востребованных профессий имеют крайне низкую оплату труда и, наоборот, многие высокооплачиваемые профессии являются невостребованными по причине агрессивной конкуренции и очень ограниченного количества рабочих мест.

Если мы обратимся к прогнозам на 2025 год, то обнаружим, что большинство специальностей связаны с областью искусственного интеллекта и развитием городов. Например: биоинженер, проектировщик «умной» среды, специалист по кибербезопасности, специалист по генной инженерии, дизайнер виртуальной реальности, урбанист, менеджер краутфандинговых платформ и т. д. [7, 9, 10].

Сможет ли государство обеспечить удовлетворение потребности рынка в необходимых профессиях, а также спланировать обучение трудовых ресурсов на будущее? Для исследова-

ния этого вопроса сопоставим количество выделенных бюджетных мест по выборочным направлениям подготовки на 2019/2020 [3] и 2020/2021 [4] учебные годы, а именно «Техника и технологии строительства», «Информацион-

ная безопасность», «Нанотехнологии и наноматериалы», «Клиническая медицина», «Экономика и управление», «Образовательные и педагогические науки», «Юриспруденция». Обратимся к таблицам 1 и 2.

Таблица 1

Контрольные цифры приема для обучения по образовательным программам бакалавриата за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета (чел.)

Укрупненная группа специальностей и направлений подготовки	2019/2020 уч. г.	2020/2021 уч. г.	Прирост, %
Техника и технологии строительства	14 298	14 097	-1,41
Информационная безопасность	2 740	3 048	11,24
Нанотехнологии и наноматериалы	1 167	1 202	3,0
Клиническая медицина	0	0	-
Экономика и управление	14 547	12 950	-10,98
Образование и педагогические науки	46 504	47 160	1,41
Юриспруденция	6 836	6 201	-9,29

Таблица 2

Контрольные цифры приема для обучения по образовательным программам специалитета за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета (чел.)

Укрупненная группа специальностей и направлений подготовки	2019/2020 уч. г.	2020/2021 уч. г.	Прирост, %
Техника и технологии строительства	1 311	1 418	8,16
Информационная безопасность	3 812	3 743	-1,81
Нанотехнологии и наноматериалы	0	0	-
Клиническая медицина	24 141	25 995	7,68
Экономика и управление	1 175	1 175	0
Образование и педагогические науки	389	38	-90,23
Юриспруденция	1 268	1 633	28,79

Проанализировав таблицы 1 и 2, отметим некоторые важные моменты:

— наибольший отрицательный прирост можно наблюдать по направлению «Образование и педагогические науки» по программам специалитета (-90,23 %), который не компенсируется увеличением бюджетных мест по этому же направлению по программам бакалавриата (1,41 %);

— наибольший положительный прирост замечен по направлению «Юриспруденция» по программам специалитета (28,79 %), хоть и с некоторым сокращением прироста по данному направлению по программам бакалавриата (-9,29 %);

— намечается положительная тенденция в отношении такого актуального направления, как «Клиническая медицина», где можно отметить небольшой прирост (7,68 %);

— наблюдается и прирост на 11,24 % по направлению «Информационная безопасность» по программам бакалавриата, но с некоторым сокращением этого показателя по программам специалитета (-1,81 %).

Из анализа данных таблиц можно сделать вывод, что меньше всего внимания уделяется тенденциям на рынке труда в отношении обучения по направлению «Образование и педагогические науки», тогда как по остальным направлениям наблюдается положительная динамика

(даже если на рынке труда по этим специальностям высокая конкуренция).

Система образования пытается ориентироваться на потребности экономики в кадрах, при этом государство стало играть роль регулятора в выборе приоритетных направлений подготовки и переподготовки кадров. Но следует отметить, что существует ряд профессий с избытком специалистов высшего образования.

В такой ситуации проблема обеспеченности рынка необходимыми трудовыми ресурсами ложится на плечи работодателей.

21 декабря 2018 года служба исследований HeadHunter провела опрос среди 101 российского работодателя для выяснения изменения их политики внутри организации в отношении сотрудников.

В 2018 году российские предприятия делали упор в первую очередь на повышение квалификации и обучение персонала (33 % опрошенных), эффективность и производительность персонала (32 %), мотивацию и вовлеченность персонала (29 %), оптимизацию штата компании (29 %).

Около 34 % респондентов признались, что в 2018 году у них снизился поток кандидатов и стало сложнее набирать сотрудников. Критерии отбора ужесточили 30 % опрошенных компаний, повысили требования к кандидатам без повышения зарплаты 26 % российских компаний.

Таким образом, мы видим, что предприятия уделяют большое внимание работе с персоналом и, как никто другой, заинтересованы в качестве их образования. Исходя из этого, для работодателей существует три варианта решения проблемы трудовых ресурсов:

1. Брать на работу сотрудника и обучать его «под себя». Здесь преимущественно востребованы студенты и выпускники вузов, так как они полны энтузиазма и энергии, умеют учиться

и еще не «заточены» под предыдущего работодателя.

2. Принимать участие в образовательных процессах и подбирать себе будущих сотрудников в период взаимодействия с вузами, предлагая и внедряя новые стандарты обучения согласно современным тенденциям рынка.

3. Ограничиться традиционным подбором персонала с максимально приближенными к необходимым требованиям посредством резюме или помощи кадровых организаций на стороне.

Так, например, для взаимодействия будущих работников и работодателей на официальном сайте Ульяновского государственного университета существует раздел «Работодателю», где представители организаций, заинтересованных в той или иной квалификации студента, ежегодно могут принять участие в Ярмарке практик, стажировок и вакансий. Также работодатели, имеющие потребность в выпускниках УлГУ определенной специальности, могут оформить заявку на молодых специалистов и отправить ее в Центр содействия трудоустройству выпускников.

Кроме того, университет приглашает работодателей принять участие в факультетских встречах со студентами выпускных курсов, на которых они представляют свое предприятие, рассказывают о вакансиях, требованиях и возможности прохождения практики [1].

Принимая во внимание вышеперечисленные данные, необходимо пересмотреть эффективность использования трудовых ресурсов страны: скорректировать программы обучения и количество бюджетных мест по тем направлениям, которые необходимы рынку на данный момент и в перспективе, поощрять участие будущих работодателей в жизни студентов и развитие у них новых навыков. Все это напрямую способствует гармонизации экономических процессов и увеличению темпов развития.

Литература

1. Официальный сайт УлГУ. — URL: https://www.ulsu.ru/cn/page/page_261 (дата обращения: 20.03.2019).
2. Основные тенденции рынка труда в России. Группа компаний HeadHunter. — URL: <https://ulyanovsk.hh.ru/article/22393> (дата обращения: 20.03.2019).
3. Приказ Минобрнауки России (Министерства образования и науки РФ) от 29 января 2018 г. № 48. — URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71776002/#review> (дата обращения: 20.03.2019).
4. Приказ Минобрнауки России от 14 марта 2019 г. № 137. — URL: https://minobrnauki.gov.ru/ru/documents/card/?id_4=222&cat=/ru/documents/docs (дата обращения: 20.03.2019).
5. Российский рынок труда: тенденции и прогноз. — URL: <https://www.finam.ru/analysis/forecasts/rossiyskiy-rynok-truda-tendencii-i-prognoz-20181219-141624> (дата обращения: 20.03.2019).
6. Савина Т. Н. Угрозы экономической безопасности на рынке труда: оценка и прогноз / Т. Н. Савина // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2017. — № 11(356). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugrozy-ekonomicheskoy-bezopasnosti-na-rynke-truda-otsenka-i-prognoz> (дата обращения: 21.04.2019).
7. Сетевое интернет-издание «Банки Сегодня». — URL: https://bankstoday.net/last-articles/kakie-professii-budut-vostrebovany-v-rossii-v-blizhajshem-2019-i-dalekom-2025-budushem#_2019 (дата обращения: 20.03.2019).

8. Тактарова С. В. Специфика, проблемы, тенденции развития и направления регулирования рынка труда в России / С. В. Тактарова, С. С. Солдатова // Изв. высших учебных заведений. Поволжский регион. Экономические науки. — 2018. — № 1(7). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-problemy-tendentsii-razvitiya-i-napravleniya-regulirovaniya-rynka-truda-v-rossii> (дата обращения: 21.04.2019).
9. Тенденции развития рынка труда в России. — URL: <https://www.kaus-group.ru/knowledge/300-articles/category/market/material/768> (дата обращения: 21.04.2019).
10. Тенденции и прогнозы для рынка труда на 2019 год. — URL: <https://www.wrike.com/ru/blog/tendentsii-i-prognozy-dlya-rynka-truda-na-2019-god> (дата обращения: 21.04.2019).

BALANCE OF SUPPLY AND DEMAND IN THE LABOR MARKET AS A FACTOR OF THE EFFECTIVE DEVELOPMENT OF THE STATE

A. Yu. Volkova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
annavokova.98@mail.ru

E. N. Kalenik

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
kente@mail.ru

Nowadays the position of labor resources as the most important component of the successful development of any state is becoming stronger. In this regard, the relevance of the study of this topic is not in doubt. The paper considers the ratio of supply and demand in the modern labor market. The authors present the results of the study of the competition level in the labor market for a more complete study of this issue. The most and least competitive professional areas are named. The article provides an approximate list of the most popular professions today. Among other things, the authors mention the territorial aspect of professional implementation.

The paper discusses the forecasts regarding the labor market and the relevance of professions for the current year (2019) and for the near future (2025). It also raises the question of whether the state will be able to meet the needs of the market in the necessary professions, as well as to plan the training of the labor force for the future. To answer this question, the article provides a comparison of the number of allocated budget places in selected areas of training for 2019/2020 and 2020/2021 academic years. The analysis of this information has been set, any trends in the field of education has been given little support and attention from the state. The authors consider the role of employers in the formation of a harmonious balance of supply and demand in the labor market. The article also describes the ways of employers' participation in the proper level of qualification of labor market participants. The ways of cooperation between universities and employers at the stage of training students are studied.

In conclusion the authors give recommendations to improve the efficiency of the country's labor resources.

Key words: labor market, education, popular professions, training of labor resources, employers, qualifications, students, budget allocations.

References

1. Ofitsialnyj sayt UIGU [Official site UISU]. URL: https://www.ulsu.ru/cn/page/page_261 (access date: 20.03.2019).
2. Osnovnye tendentsii rynka truda v Rossii. Gruppa kompaniy HeadHunter [Fundamental trends in Russian labour market]. URL: <https://ulyanovsk.hh.ru/article/22393> (access date: 20.03.2019).
3. Prikaz Minobrnauki Rossii (Ministerstva obrazovaniya i nauki RF) ot 29 yanvarya 2018 g. N 48 [Decree of Ministry of Education and Science of The Russian Federation of 29 January 2018 N 48]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71776002/#review> (access date: 20.03.2019).
4. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 14 marta 2019 g. N 137 [Decree of Ministry of Education and Science of the RF of 14 March 2019 N 137]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/ru/documents/card/?id_4=222&cat=/ru/documents/docs/ (access date: 20.03.2019).
5. Rossiyskiy rynek truda: tendentsii i prognoz [Russian labour market: trends and forecast]. URL: <https://www.finam.ru/analysis/forecasts/rossiyskiy-rynek-truda-tendentsii-i-prognoz-20181219-141624/> (access date: 20.03.2019).
6. Savina T. N. (2017) Ugrozy ekonomicheskoy bezopasnosti na rynke truda: otsenka i prognoz [Economic security threat in the labour market: assessment and forecast]. Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost, 11(356). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugrozy-ekonomicheskoy-bezopasnosti-na-rynke-truda-otsenka-i-prognoz> (access date: 21.04.2019).
7. Setevoe internet-izdanie "Banki Segodnya" [Web publishing "Banks today"]. URL: https://bankstoday.net/last-articles/kakie-professii-budut-vostrebovany-v-rossii-v-blizhajshem-2019-i-dalekom-2025-budushhem#_2019 (access date: 20.03.2019).
8. Тактарова С. В., Солдатова С. С. (2018) Специфика, проблемы, тенденции развития и направления регулирования рынка труда в России [Specificity, problems, trends of development and the direction of labour market regulation in Russia]. Izvestiya vysshih uchebnyh zavedeniy. Povolzhskiy region. Ekonomicheskie nauki, 1(7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-problemy-tendentsii-razvitiya-i-napravleniya-regulirovaniya-rynka-truda-v-rossii> (access date: 21.04.2019).
9. Tendentsii razvitiya rynka truda v Rossii [Trends of labour market development in Russia]. URL: <https://www.kaus-group.ru/knowledge/300-articles/category/market/material/768/> (access date: 21.04.2019).
10. Tendentsii i prognozy dlya rynka truda na 2019 god [Trends and forecast for labour market for 2019]. URL: <https://www.wrike.com/ru/blog/tendentsii-i-prognozy-dlya-rynka-truda-na-2019-god/> (access date: 21.04.2019).

**Е. В. Кузьмина
(Старкова)**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
lenastar@mail.ru

ДОСУГ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ: МЕСТА ПРОВЕДЕНИЯ И ДОСУГОВЫЕ ПРАКТИКИ*

В статье рассматриваются подходы к определению понятия «досуг» и «досуговые практики», уделяется внимание структуре досуговой деятельности и бюджету времени рабочих, приводится обзор работ современных российских ученых по данной тематике. Характеристика и описание досуговых практик в статье базируется на данных прикладного исследования — материалах глубинных интервью с рабочей молодежью, занятой на промышленных предприятиях г. Ульяновска. Они изучаются в соотношении с трудовой деятельностью и в контексте других повседневных занятий, составляющих повседневность. Рассматриваются факторы, во многом определяющие практики и формы заполнения досуга. Среди них важными являются: жестко нормированный режим труда и отдыха (включая его сменный характер), материальное положение информанта, наличие собственной семьи и детей (а также их возраст), происхождение информанта из городской или сельской среды, его включенность в различные круги общения, компании, субкультуры и др. Описываются занятия и конкретные досуговые практики, свойственные рабочей молодежи, в том числе связанные или обусловленные потреблением как товаров, так и медиапродуктов; характеризуются публичные и личные места проведения свободного времени, показываются различия в предпочтениях респондентов в этом плане в разные периоды года.

Ключевые слова: досуг рабочей молодежи, места проведения досуга, досуговые практики.

* Статья подготовлена в рамках коллективного проекта «Повседневная культура рабочей молодежи в стратегиях жизни и занятости» (грант РФФИ № 17-03-00716-ОГН/18, руководитель Е. Л. Омельченко).

Самые первые социологические исследования досуга в западных странах относятся ко времени еще до начала Второй мировой войны, но активизировались они позднее, в частности в 1960-е годы. Их проведение было вызвано объективными причинами, одна из важнейших — увеличение количества свободного времени, появившегося у населения. Позднее произошло формирование социологии досуга. Социологи, социальные философы начинают использовать даже такие термины, как «общество досуга» и «цивилизация досуга», а также «посттрудовое общество» [3]. Этот вопрос является скорее дискуссионным, с самой формулировкой согласны не все авторы, и часть из них предпочитают говорить о стадии, на которой досуговая сфера очень развита (как и сложившаяся индустрия досуга) и играет важную роль в жизни всего социума и отдельного индивида.

Прежде чем обратиться к описанию досуговых практик рабочей молодежи, выявленных на основе проведения глубинных интервью, следу-

ет обозначить основные термины и обратиться в этой связи к работе И. О. Щепетковой «Досуг как научная категория: разнообразие подходов к изучению». В статье приводится обзор интерпретаций понятия «досуг» и близких ему терминов (отдых, рекреация, свободное время); здесь же кратко обозначаются особенности социологического и экономического подходов к его изучению. Рассматриваются специфические черты досуговой деятельности, в качестве одной из важных называется множественность возможностей ее реализации (автор ссылается на японских социологов, которые «насчитывают около полумиллиона предметов досуговой деятельности») [12, с. 125]. Обозначается также цикличность досуговой деятельности, связанная с календарными циклами и праздниками, временными пределами досуга в суточный и недельный период и пр. Автор делит досуговую деятельность и по направлениям потребления, выделяя при этом пассивные формы (просмотры телепередач и пр.), активные (прогулки, посещение

культурных мест) и целенаправленные (спорт, путешествия).

Щепеткова И. О. уделяет внимание и такому важному вопросу, как структура досуговой деятельности, при этом обращаясь к работам советского периода и традиционно еще с того времени установившемуся разделению вне рабочего времени на «затраты времени, связанные с работой на производстве (например, поездка до места работы и обратно, подготовка рабочего места и другие), затраты времени на домашний труд и самообслуживание, затраты времени на сон и еду, свободное время» [12, с. 125].

В данной статье кратко прослеживаются изменения в структуре рабочего времени в 60—80-е гг. в нашей стране. В связи с освещением темы динамики бюджета времени и его структуры необходимо упомянуть и работу, где она представлена гораздо более обширно за почти полувековой период, — статью Т. М. Карахановой и О. А. Большаковой «Бюджет времени рабочих как отражение их реального поведения в повседневной жизни (1965—2014 гг.)» [4]. В этой же статье приводится определение свободного времени. Оно понимается как «свободное от оплачиваемого и неоплачиваемого труда, а также от видов деятельности, направленных на удовлетворение физиологических потребностей индивида. Занятия, выполняемые в свободное время, выполняют восстанавливающую и развивающую функции» [3, с. 83—84].

Если вернуться к работе И. О. Щепетковой, то в настоящее время автору «актуальным представляется анализ досуга и рекреации с точки зрения использования ресурсов территории — городского и пригородного пространства» [12, с. 127], однако это обозначается лишь как возможное направление будущего исследования, не получившее раскрытия в данной статье. В вопросах глубинных интервью и, соответственно, описании досуговых практик молодых рабочих в данной статье учитывается «локация» их проведения (например, как в городской среде, так и при поездках к родителям в сельскую местность, работе на дачном участке за городом, отдыхе на природе и пр.).

Что же касается досуговых практик и рассмотрения этого термина, а также описания последних тенденций, относящихся к ним, следует упомянуть две работы, вышедшие в последние годы: «Досуговые практики в пространстве повседневности» Е. Э. Суровой и Н. В. Бутоновой [11] и статью последнего автора «Досуговые практики в современной культуре» [1]. Авторы понимают их «как деятельность индивида в сфе-

ре повседневного опыта., досуговые практики направлены на взаимодействие с социокультурной средой и служат выявлению активных интенций, в том числе творческих» [11, с. 59]. Помимо рассмотрения историко-теоретического аспекта появления научного интереса к изучению повседневности, повседневного опыта, они делают акцент и на анализе особенностей современных досуговых практик, появляющихся с вхождением в общество потребления и переходом к информационной эре. Авторы утверждают, что в связи с этими процессами само понятие «свободное время» претерпевает значительные изменения. Досуг в современную эпоху они рассматривают как специфическую деятельность, которую составляют досуговые практики из сферы повседневного опыта, причем большое значение для современного человека приобретает именно интерактивное поведение [11, с. 53].

Бутонова Н. В. отмечает, что в информационном обществе не только меняется соотношение досуг/труд, но и становится более гибким, с чем невозможно не согласиться. Автор при этом ссылается на работу М. Кастельса «Информационная эпоха», который, анализируя черты информационного общества, а также сетевых структур, указывает на то, что им свойственна гибкость и в целом, и в системе труда — отдыха, в том числе в виде возрастающего разнообразия рабочих графиков. Н. В. Бутонова указывает: «Наряду с существованием стандартизированных, жестко фиксированных графиков работы все более возрастает доля гибких временных графиков» [1, с. 207]. (В частности, автор анализирует те причины, которые приводят к появлению такого феномена, как дауншифтинг.) Стоит заметить, что эта современная тенденция касается далеко не всех видов работников, строго регламентированные графики трудовой деятельности свойственны как раз рабочим (как и в предыдущий период индустриальной эпохи). Их время труда/отдыха четко фиксировано началом/концом рабочего дня (с перерывом на обед) и жестко структурировано таким фактором, как сменный характер работы (первая, вторая, иногда и третья смены на заводах), что, естественно, нашло отражение в проведенных интервью с молодыми рабочими при описании ими досуговых практик.

В качестве видов досуговых практик Е. Э. Сурова и Н. В. Бутонова называют культурный туризм, сетевое творчество, занятия спортом, посещение культурно значимых мест, участие в праздничных мероприятиях и пр. Стоит отме-

тить, что все эти виды хотя и перечислены авторами, но не получают содержательного наполнения и описания на уровне повседневных занятий, так как статьи строятся скорее на анализе современного теоретического социологического и культурологического дискурса (и отчасти работ, относящихся к социальной философии), а не на основе практических данных или результатов эмпирических исследований.

Субкультурные стили и практики, и в том числе досуговые, российской молодежи (зачастую не выделяя при этом отдельно рабочую молодежь) получили освещение во множестве публикаций Е. Л. Омельченко, например, в монографии «Молодежь: открытый вопрос», изданной в г. Ульяновске в 2004 году, и в современных публикациях последних лет [10]. Отдельно стоит упомянуть работу А. Р. Гарифзяновой «Субкультурные ресурсы и практики молодежи как преодоление социальных ограничений (на материалах этнографического исследования компании скинхедов)», посвященную скинхедам, которых традиционно называют субкультурой рабочей молодежи, возникшей на улице [2].

Поскольку досуг и практики, связанные с ним, оказываются «вписаны» в бюджет времени, то в связи с этим следует упомянуть и современные социологические исследования, посвященные его изучению в среде рабочих. Среди них необходимо выделить серию публикаций Т. М. Карахановой, Г. П. Бессокирной, О. А. Большаковой. В частности, в одной из последних работ, вышедшей в 2018 году, категория «свободного времени» определяется как составляющая повседневности, являющаяся деятельностью, направленной на удовлетворение интеллектуальных, духовных, физических потребностей человека и относящаяся по своим целям как к отдыху, развлечению, так и к «более возвышенным занятиям» [7, с. 397]. Причем свободное время рассматривается и как часть повседневности, и как ресурс, и как пространство, предоставляющее возможности для адаптации к изменяющимся условиям жизни, в том числе и кризисным. Авторами приводятся и данные по структуре занятий в свободное время, а также показатели удовлетворенности ими.

Ряд статей Т. М. Карахановой и О. А. Большаковой посвящен структуре бюджета времени рабочих, выявленной на основе анализа массива данных, полученных в ходе исследований на промышленных предприятиях в трех областных центрах — Пскове, Владимире и Омске (последнее исследование по замерам бюджета времени

проводилось в 2014 году) [6]. Авторами анализируются различные количественные показатели, например, соотношение оплачиваемого и неоплачиваемого труда (труд в домашнем хозяйстве и другая бытовая деятельность), описывается структура занятий, совершавшихся в течение оплачиваемого отпуска и пр. (причем в разных половозрастных группах, включая молодежь). В другой работе Т. М. Карахановой и О. А. Большаковой приводятся параметры, характеризующие соотношение трудовой и восстанавливающей деятельности (причем в динамике за период с 2007 по 2014 год) [5].

Многие из названных выше моментов учитывались при составлении сценария глубинного интервью и, соответственно, нашли отражение в материалах качественного исследования. Описание досуговых практик происходило на фоне обсуждения того времени, которое информанты обычно тратят на восстановление, на удовлетворение физиологических потребностей (сон и пр.), на выполнение ежедневных домашних обязанностей, занятий с детьми и пр. Описание и раскрытие особенностей досуговых практик осуществляется скорее на индивидуальном уровне, в плане проживания обыденной повседневности вместе с пояснением, наполнением смыслом и интерпретациями относительно различных видов занятий.

Интервью в рамках исследовательского проекта «Повседневная культура рабочей молодежи в стратегиях жизни и занятости» (грант РФФИ № 17-03-00716-ОГН/18, руководитель Е. Л. Омельченко) проходили в два этапа — в 2017 и 2018 годах. Информантами выступили молодые парни и девушки в возрасте от 20 до 29 лет, трудоустроенные по рабочим специальностям на промышленных предприятиях г. Ульяновска. Данная статья базируется преимущественно на материалах интервью, полученных во время первого этапа. Основной фокус исследования был направлен на изучение стратегий занятости молодых рабочих, однако он был помещен в более широкий контекст рассказов об основных биографических моментах в жизни респондента (например, переезд в другой город, создание семьи, покупка жилья и пр.), о значимых причинах и событиях в жизни, приведших к выбору рабочей специальности, обучению по ней, а также описанию, помимо рабочей деятельности, форм и способов проведения досуга и того, как они соотносятся. Причем часть вопросов в интервью касалась не только активности во вне рабочее время в реальной жизни, но и в виртуальной — преимущественно в соци-

альных сетях. Как показали результаты исследования, далеко не все информанты много времени уделяют общению в них и глубоко погружены в сетевую жизнь. В основном они действуют в виртуальном пространстве инструментально, то есть используют социальные сети ради передачи коротких сообщений (наподобие так называемых мессенджеров), для связи с близкими, родными в других городах и ради поиска и прослушивания любимой музыки, реже — кинофильмов. Но в данной работе будут освещены только досуговые практики, разворачивающиеся в реальной жизни. Также стоит отметить определенные сложности, связанные с тем, что часть респондентов не могли достаточно полным образом вербализовать свой опыт, описать повседневные занятия, поэтому у некоторых из них по поводу как трудовых, так и досуговых практик встречались весьма неразвернутые и однообразные ответы.

Прежде чем описывать сами досуговые практики, свойственные современной рабочей молодежи на примере г. Ульяновска, целесообразно перечислить, от каких основных факторов они зависят и какие причины их обуславливают. Итак, ключевыми факторами, во многом определяющими формы и структуру заполнения досуга, места его проведения, являются: жестко нормированный режим труда и отдыха (включая его сменный характер), материальное положение информанта, наличие собственной семьи и детей (а также их возраст), происхождение из городской или сельской среды, включенность в различные круги общения, компании, субкультуры и др.

У рабочей молодежи на промышленных предприятиях четко регламентирован режим труда и отдыха в том смысле, что рабочее время длится «от звонка до звонка» и связано с жестким графиком работы, а также с тем, что они трудятся в разные смены. Для работающих в первую смену характерно более раннее начало трудового дня (например, до 8 часов утра) по сравнению, скажем, со специалистами и служащими. В то же время, как показали высказывания информантов сразу с нескольких предприятий, заканчивается он также раньше, причем у некоторых сокращен за счет более короткого перерыва на обед (30—40 минут вместо одного часа). Поэтому и свободное время после завершения рабочего дня и затрат на дорогу до дома начинается раньше. Например, некоторые респонденты утверждали, что «освобождаются после работы» в 16.20—16.30. Таким образом, можно говорить об определенных особенностях

или сдвигах в соотношении труда/отдыха в суточных ритмах.

Одновременно в выборку попали несколько информантов с разных производств, которые трудятся в режиме «два через два». В таком случае речь идет уже о смещении трудовой и досуговой активности не только в течение суток (когда после ночной смены предусмотрен так называемый «отсыпной» день, предназначенный для сна и физического восстановления), но и в разрезе недельных циклов.

«Два через два... это обычный мой график. После дневной смены обычно приду, поем, помоюсь, фильмы посмотрю, в Интернете полажу и засыпаю. Просыпаюсь, если есть какие-нибудь дела перед ночной сменой, уже занимаюсь ими, это если есть. По магазинам сходить либо к врачу записаться куда-нибудь, либо в кино сходить. После, т. е. до ночной смены, т. е. в ночную смену уезжаешь. После ночной смены также где-то примерно в девять дома поест, помыться, спать где-то часов до 4—5» (парень, 24 года).

Причем, что интересно, такие респонденты, как парни, так и девушки, имевшие опыт работы по схеме «два через два», часто предпочитают ее другим и даже считают более удобной в том плане, что днем в течение рабочей недели у них остается время на посещение магазинов, поликлиник, муниципальных учреждений и пр., в то время как другие (занятые в режиме 5/2) не имеют такой возможности.

Помимо этого, среди информантов встречались и те, кто имел опыт работы так называемым «вахтовым методом», у них совершенно специфично складывалось соотношение рабочего и свободного времени. Во время пребывания «на вахте» практически все время отводилось труду, и часов, не занятых работой, фактически не было, кроме тех, что отводились на сон, физическое восстановление, принятие пищи. По прибытии домой (у всех этот период был разным — от одной-двух недель до двух-трех месяцев) все время, в описании респондентов, оказывалось «свободным». Как мы видим, в таких случаях свободное время смещается не только в соотношении суток и дней в неделе, как в предыдущем случае, но и в месячных/недельных циклах труда и отдыха. В данном исследовании такими рабочими-«вахтовиками» оказались молодые парни и мужчины. Их жены, описывая эти периоды разлуки, часто использовали слово «тяжело» и нередко настаивали на прекращении такой трудовой практики. Данное обстоятельство непосредственно сказывалось не толь-

ко на самоощущении членов семьи, но и на формах проведения семейного досуга: когда муж уезжал на месяцы, жены проводили свободное время с подругами и детьми, и, наоборот, по прибытии мужа домой супруги максимально посвящали свободное время друг другу.

Кроме того, сам объем свободного времени (его количество и формы заполнения) очень сильно зависит от наличия собственной семьи у информанта (причем совершенно не важно, идет ли речь об официально зарегистрированном браке или просто о совместном проживании с партнером). Показательно, что при анализе интервью это выявляется на основании двух моментов: во-первых, при сравнении высказываний молодых, вступивших и не вступивших в брак (или проживающих совместно), и, во-вторых, на основе описаний тех, у кого уже на момент проведения интервью была семья, и их воспоминаний о периодах жизни и формах, практиках проведения досуга до ее создания и рефлексирования по этому поводу. Причем особенно хорошо это заметно на молодоженах, на примерах тех, кто создал семью недавно; по словам респондентов, они «заняты друг другом», то есть много свободного времени проводят в общении между собой.

Трансформации в структуре свободного времени и его соотношении с затратами временного ресурса на выполнение домашних обязанностей и бытовых нужд заметны на всех стадиях создания и развития семьи. Важным моментом является не только образование новой семьи, но и совместное или отдельное проживание от родителей. В последнем случае часть времени (в том числе и за счет досуга) тратится на бытовые нужды, ведение домашнего хозяйства. Еще одним фактором, значительно сокращающим свободное время, становится рождение ребенка/детей и, соответственно, необходимость заботы о них. Как показали результаты интервью, наибольшим количеством свободного времени располагают молодые парни и девушки, проживающие совместно с родителями (так как последние во многом выполняют бытовые функции). А наибольший же его дефицит наблюдается у семейных респондентов, проживающих отдельно. Особенно остро его ощущают молодые родители, имеющие двух или более детей или младшего ребенка в возрасте до одного года — полутора лет. Время после работы в течение рабочей недели тратится ими в основном на то, чтобы забрать малыша из детского сада, приобрести продукты в магазине, приготовить еду, погулять с детьми, выполнить

другие неотложные бытовые дела. После чего, по словам самих информантов, свободного времени почти не остается или его очень мало.

Важным фактором или условием, определяющим возможности, формы и места проведения досуга, становится уровень материального обеспечения респондента (в некоторых случаях и его семьи) и величина зарплаты. В последнее время все большую роль играют коммерческие, платные формы досуга, это относится к совершенно различным их практикам и сферам: посещение мест общепита (кафе, рестораны), кинотеатров, спортивных клубов и залов, развлечения на аттракционах и пр. — все это требует определенных затрат на проведение досуга. Но в этом плане нельзя утверждать, что определяющим фактором становится только абсолютная величина зарплаты, а скорее то, что сейчас принято называть «реально располагаемым доходом». Особенно хорошо это заметно на примере тех информантов (неважно, семейных или нет), которые вынуждены снимать или приобретать жилье. Расходы на аренду жилья или оплату ипотечного кредита могут составлять значительную часть бюджета семьи/респондента и негативно влияют на выбор платных форм заполнения досуга (это касается не только досуговых практик в выходные, но и сказывается на способах и местах проведения отпусков, возможности выехать за пределы региона). Кроме того, среди интервьюируемых встречались и те, которые акцентировали внимание на сокращении своих зарплат после кризиса и, соответственно, уменьшении возможностей посещения кафе, кинотеатров и пр.

Досуговые практики части информантов зависят и от того, в какие они включены круги общения (причем семейные пары с детьми предпочитают общаться с такими же, как и они) или компании (в основном для несемейных), иногда субкультуры. То есть они так проводят свое свободное время, как это принято в компании; варианты различные — от совместных занятий спортом до посещений кафе и поездок на природу. Изредка даже компаниями собираются во дворах, но об этом встречались крайне редкие, единичные упоминания. Некоторые, вспоминая предыдущие периоды жизни, рассказывали о весьма типичных для субкультуры гопников моментах, которые в нынешнем возрасте им уже не свойственны:

«Было в свое время, когда я учился в Авиационном (колледже. — Е. К.) у нас здесь... я был подростком плохим, ярым (смеется), ходили там по подворотням, пиво, прочее, ужасно было...

напитки алкогольные, короче, из бутылки, по подъездам. Я сейчас вспоминаю свои 15–16 лет, и там, как проще было» (парень, 24 года).

Также у немногих молодых людей, кто близко общался или относил себя к определенным субкультурам, формы досуга складываются в их стиле, стилистике и проводятся в тех «тусовочных» местах в городе, где собирались их представители. Например, так вспоминал один из респондентов про свои ранние годы юности:

«...анимешники... собирались во Владимирском саду. Давно это было» (парень, 24 года).

На основе анализа интервью можно выделить также публичные и личные пространства или места проведения досуга. Причем личные могут «перетекать» в публичные, когда, например, собирают дома значительное количество гостей — друзей и просто знакомых для совместного просмотра кинофильмов:

«В принципе, я у себя устраиваю иногда то вечер, то просмотр кино, т. е. я купил себе телевизор давно и обзваниваю знакомых, звоню... Кто хочет, тот приходит. Либо пишу у себя просто там сообщение, рассылку делаю ВКонтакте: такой-то, такой-то фильм, хотите, приходите, смотрите... Друзья приходят, знакомые, незнакомые, знакомятся между собой, общаются, смотрим фильм — часто бывает такое» (парень, 24 года).

Личные пространства используются скорее для встреч с друзьями/подругами (часто с семьями для женатых пар), родственниками. Времяпрепровождение с членами семьи, представляющими разные поколения (родители, бабушки, дедушки), типично описывается именно как проходящее в домах, квартирах (особенно дни рождения и праздничные дни). Также именно в домашних условиях обычно происходят практики потребления медиапродукции: просмотр ТВ-передач, различного контента из Сети, прослушивание музыки и пр.

Если же говорить о публичных местах проведения досуга, то особо популярными в последний период стали торгово-развлекательные центры. Наиболее часто информантами упоминался «Аквамолл» — самый крупный из торгово-развлекательных центров, расположенных в г. Ульяновске (также жители Засвияжского района города нередко называли ТЦ «Пушкаревское кольцо», который расположен в непосредственной близости от первого). Причем, как показали результаты интервью, его периодически посещали практически все респонденты, даже те, кто живет на значительном удалении, например, в радиусе более 10 км. Для тех же, кто проживает

в близости (ближайшие районы города), он становится местом проведения досуга едва ли не каждые выходные. Стоит отметить, что в подобных местах пересекаются как потребительские, так и собственно другие, развлекательные досуговые практики: посещение магазинов и покупки для себя или членов семьи сочетаются с пребыванием в кафе или просмотром кинофильмов в кинозалах ТРЦ.

Наряду с торгово-развлекательными центрами как часто посещаемые публичные места проведения досуга назывались кинотеатры. Молодые парни и девушки в качестве мест встречи с друзьями, компаниями знакомых (иногда с коллегами) упоминают о кафе, кофейнях (также о ресторанах, но реже). Что касается семей (особенно с детьми), то не раз встречались такие высказывания в рамках интервью, которые говорят о том, как меняются привычки и досуговые практики с созданием семьи; встречи с друзьями перемещаются в основном на дом:

«...сейчас в кафе тоже бывает, конечно, ходим. Но в основном дома, в домашней обстановке. То у них, то у нас (у друзей. — Е. К.)» (молодой мужчина, 29 лет).

В рамках интервью у информантов также спрашивали об особенностях и отличиях проведения их досуга в летний/теплый и зимний/холодный периоды года. Для определенной части респондентов любимыми местами в теплые месяцы года стали парки и кафе на открытом воздухе, где встречаются с друзьями и/или семьями, и даже танцплощадки при них (в основном речь шла о парке «Молодежный», расположенном в спальном районе города и находящемся в относительной близости от места проживания и работы респондентов — недалеко много заводов). Причем, как уже было сказано, досуговые практики семейных пар с детьми и не имеющих их отличаются. Для первых типичная практика — это встреча в таких местах с друзьями, для мам как вариант — с подругами, имеющими примерно таких же по возрасту детей:

«Там карусельки, вот, эти батуты. Обычно мы летом туда можем сходить с детьми» (девушка, 26 лет).

В летний период ареал проведения свободного времени у многих, как правило, расширяется и зачастую выходит за пределы городской черты. Часть занятий, заполняющих досуг, проходит на приусадебном или дачном, садовом участке (они связаны с обработкой земли или обустройством дачных домов и пр.); другая — на природе, имеются в виду совместные поездки за город ради встреч с друзьями, знакомыми,

родными; для мужчин как нечастая практика упоминается рыбалка. Проводить выходные за городом в любое, а не только в теплое время года склонны скорее те, кто является выходцами из сел и районов области. Так, для них весьма типичная практика — поездка к родителям, родственникам в так называемые длинные выходные (совпадающие с праздничными днями) или в отпускной период. Причем время, проводимое там, является свободным только условно, так как связано с выполнением ряда работ, в том числе бытовых, сельскохозяйственных (для помощи родным) и пр.

Интересно отметить, что у части молодых рабочих время, отводимое на отдых и трудовую деятельность, перемежается с тем, что отводится на обсуждение «производственных» проблем, задач и нахождение их решений. В большей степени это относится к более высококвалифицированным кадрам, например, операторам. (Так, в интервью встречались неединичные упоминания такого плана: рабочие вопросы обсуждались ими во время поездок на природу, посиделок дома или в кафе при встрече с коллегами-друзьями.) Причем в большей степени это характерно для рабочих новых производств, иностранных компаний с развитой и четко оп-

ределенной корпоративной культурой, хорошо разработанной системой мотивации и карьерного роста, когда они настолько замотивированы на выполнение производственных задач, что продолжают решать их в свое свободное время.

Таким образом, проведение свободного времени и содержание досуговых практик рабочей молодежи специфично только в том плане, что оно регламентировано жестким графиком труда, в том числе и в разные смены, а также (только для определенной части) интенсивностью именно физических нагрузок в рабочее время, после которых (в силу усталости) не возникает желания, например, заниматься спортом. Все остальные занятия и способы заполнения свободного времени мало отличаются от остальной молодежи. Стоит отметить также и возросшую коммерциализацию сферы досуга: так, многие занятия и развлечения, составляющие досуговые практики, особенно в городской среде (например, посещение кинотеатров, кафе, торговых центров и пр.), требуют немалых затрат (кроме просто прогулок). В силу этого часть рабочей молодежи с невысокой зарплатой, чьи доходы позволяют оплачивать расходы лишь на неотложные нужды, оказывается отчасти лишенной таких возможностей.

Литература

1. Бутонова Н. В. Досуговые практики в современной культуре / Н. В. Бутонова // Вестн. Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. — 2012. — С. 201—210.
2. Гарифзянова А. Р. Субкультурные ресурсы и практики молодежи как преодоление социальных ограничений (на материалах этнографического исследования компании скинхедов) / А. Р. Гарифзянова // Журн. исследований социальной политики. — 2011. — Т. 9, № 3. — С. 339—364.
3. Кабадейцева О. В. Эволюция понятия «досуг молодежи» в истории социологических концепций / О. В. Кабадейцева // Современные исследования социальных проблем. — 2011. — Т. 7, вып. 3.
4. Караханова Т. М. Бюджет времени рабочих как отражение их реального поведения в повседневной жизни (1965—2014 гг.) / Т. М. Караханова, О. А. Большакова // Вестн. Ин-та социологии. — 2016. — № 3(18). — С. 71—96.
5. Караханова Т. М. Общая трудовая нагрузка и восстанавливающая деятельность как характеристики качества жизни рабочих / Т. М. Караханова, О. А. Большакова // Труд и общество в реалиях XXI века : сб. науч. ст. / отв. ред. Р. В. Карапетян. — СПб. : Скифия-принт, 2017. — С. 508—516.
6. Караханова Т. М. Общее и особенное в использовании времяресурса повседневной жизни у рабочих разного возраста / Т. М. Караханова, О. А. Большакова // Вестн. Ин-та социологии. — 2017. — № 3(22). — Т. 8. — С. 99—136.
7. Караханова Т. М. Человеческий потенциал и свободное время в контексте российской повседневности / Т. М. Караханова, Г. П. Бессокирная, О. А. Большакова // Россия реформирующаяся : ежегодник. — Вып. 16 / отв. ред. М. К. Горшков. — М. : Новый Хронограф, 2018. — С. 393—436.
8. Константиновский Д. Л. Рабочая молодежь России: количественное и качественное измерения / Д. Л. Константиновский, Е. Д. Вознесенская, Г. А. Чередниченко. — М. : ЦСИ, 2013. — 277 с.
9. Кузьмина Е. В. Нематериальные факторы повышения привлекательности рабочих профессий для молодежи в оценке экспертов / Е. В. Кузьмина // Сибирский науч. вестн. — 2018. — № 2(32). — С. 98—105.
10. Омельченко Е. Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XX века: теоретический контекст / Е. Л. Омельченко // Социологические исследования. — 2013. — № 10. — С. 52—61.
11. Сурова Е. Э. Досуговые практики в пространстве повседневности / Е. Э. Сурова, Н. В. Бутонова // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 6. Культурология. — Вып. 2. — 2014. — С. 53—60.
12. Щепеткова И. О. Досуг как научная категория: разнообразие подходов к изучению / И. О. Щепеткова // Дискуссия. Журн. науч. публикаций. — 2015. — № 6(58), июнь. — С. 121—128.

LEISURE OF YOUNG WORKERS: VENUES AND LEISURE PRACTICES***E. V. Kuzmina (Starkova)**

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

lenastar@mail.ru

The article describes the approaches to the definition of concepts "leisure" and "leisure practices". The author gives attention to the structure of leisure activity and time budgets of workers, and reviews the research works of modern Russian scientists on this subject. The characteristic and the description of leisure are based on the research and development data – in-depth interviews with the young workers from industrial enterprises in Ulyanovsk. They are studied at a ratio of the work activity and in the context of other everyday affairs. Factors which in many respects define types and forms of leisure are considered. Among them the important ones are: rigidly rated work-rest schedule (including its flextime), financial position of an informant, marital and parental status (children and spouses' age), urban or rural origin of the informant, its social contacts, subculture affiliation, etc. The paper describes the leisure activities peculiar to young workers related to the consumption of goods and media products. The author characterizes public and private venues of free time activities, as well as various preferences of the respondents in different periods of the year.

Key words: leisure of young workers, leisure venues, leisure practices.

* Article is prepared within the project "The Daily Culture of Young Workers in the Strategy of Life and Employment" (Grant-supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR) N 17-03-00716-OGN\18, head of E. Omelchenko).

References

1. Butonova N. V. (2012) Dosugovye praktiki v sovremennoy kulture [Leisure practices in modern culture]. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Puchkina, p. 201–210.
2. Garifziyanova A. R. (2011) Subkulturnye resursy i praktiki molodezhi kak preodoleniye sotsialnykh ogranicheniy [Subcultural resources and youth practices as overcoming social limitations]. Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki, vol. 9, (3), p. 339–364.
3. Kabadeytseva O. V. (2011) Evolyutsiya ponyatiya "Dosug molodezhi" v istorii sotsiologicheskikh kontseptsiy. [The evolution of the concept of "Youth Leisure" in the history of sociological concepts]. Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem, vol. 7, (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/evolyutsiya-ponyatiya-dosug-molodezhi-v-istorii-sotsiologicheskikh-kontseptsiy>
4. Karakhanova T. M., Bolshakova O. A. (2016) Byudzhety vremeni rabochikh kak otrazheniye ih realnogo povedeniya v povsednevnoy zhizni (1965–2014 gg.) [The time budget of workers as a reflection of their real behavior in everyday life (1965–2014)]. Vestnik Instituta sotsiologii, 3(18), p. 71–96.
5. Karakhanova T. M., Bolshakova O. A. (2017) Obshchaya trudovaya nagruzka i vosstanavlivayushchaya deyatel'nost' kak kharakteristiki kachestva zhizni rabochikh [Total workload and restoring activity as characteristics of the quality of life of workers]. Collection of scientific articles. St. Petersburg, p. 508–516.
6. Karakhanova T. M., Bolshakova O. A. (2017) Obshcheie i osobennoe v ispolzovanii vremyaresursa povsednevnoy zhizni u rabochikh raznogo vozrasta [General and special in the use of time resource of everyday life for workers of different ages]. Vestnik Instituta sotsiologii, 3(22), vol. 8, p. 99–136.
7. Karakhanova T. M., Bessokirnaya G. P., Bolshakova O. A. (2018) Chelovecheskiy potentsial i svobodnoe vremya v kontekste rossiyskoy povsednevnosti [Human potential and free time in the context of Russian everyday life]. Rossiya reformiruyushaya: ezhegodnik, (16), Moscow: Novy Khronograf, p. 393–436.
8. Konstantinovskiy D. L., Voznesenskaya E. D., Cherednichenko G. A. (2013) Rabochaya molodezh Rossii: kolichestvennoye i kachestvennoye izmereniya. [The working youth of Russia: quantitative and qualitative measurements]. Moscow: TsSI, 277 p.
9. Kuzmina E. V. (2018) Nematerialnye faktory povysheniya privlekatelnosti rabochih professiy dlya molodezhi v otsenke ekspertov [Intangible factors of increasing the attractiveness of working professions for young people in the evaluation of experts]. Simbirskiy nauchnyy vestnik, 2(32), p. 98–105.
10. Omelchenko E. L. (2013) Solidarnosti i kulturnye praktiki rossiyskoy molodezhi nachala XX veka: teoreticheskiy kontekst [Solidarity and cultural practices of Russian youth at the beginning of the 20th century: theoretical context]. Sotsiologicheskie issledovaniya, (10), p. 52–61.
11. Surova E. E., Butonova N. V. (2014) Dosugovye praktiki v prostranstve povsednevnosti [Leisure Practices in Everyday Space]. Vestnik Sankt-Peterb. un-ta, ser. 6. Culturology, (2), p. 53–60.
12. Shchepetkova I. O. (2015) Dosug kak nauchnaya kategoriya: raznobraziye podkhodov k izucheniyu [Leisure as a scientific category: a variety of approaches to the study]. Diskussiya. Zhurnal nauchnykh publikatsiy, 6(58), p. 121–128.

А. В. Федулова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
zelenaya40@rambler.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ОПЕК В ПЕРИОД НЕФТЯНОГО КРИЗИСА 2014—2016 ГГ. ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Организация стран — экспортеров нефти (ОПЕК) — международная межправительственная организация, созданная нефтедобывающими странами в целях координации деятельности и выработки общей политики в отношении добычи нефти среди стран-участников, поддержания стабильных цен на нефть, обеспечения поставок потребителям, получения отдачи от инвестиций в нефтяную отрасль. Была сформирована на международной конференции 10—14 сентября 1960 года в Багдаде (Ирак) как организация, которая могла противостоять американским и европейским нефтяным компаниям. Практически все нефтяные компании ОПЕК являются государственными или контролируются государством.

Сегодня роль ОПЕК на мировом рынке нефти ставится под вопрос объективными обстоятельствами. Звучат мнения, что Организация утратила контроль над рынком энергоресурсов. Само существование картеля в сложных геополитических реалиях Ближнего Востока, в ситуации практического раскола Организации в период нефтяного кризиса 2014—2016 гг. на два противоположных лагеря, в плане оценки ситуации с квотами и ценами на нефть и путей выхода из нее вызывает заметный интерес.

Главной проблемой большинства государств системы ОПЕК в последние годы является нестабильная политическая обстановка, что оказывает заметное влияние на регулирование мирового рынка нефти и деятельность ОПЕК.

Ключевые слова: ОПЕК, нефтяной кризис, глобализация, международная безопасность, международные межправительственные организации, геополитические реалии, энергоресурсы, показатели социально-экономического развития, картель, нарушение квот.

Международная межправительственная организация стран — экспортеров нефти (ОПЕК) была учреждена в 1960 году как организация, которая могла противостоять американским и европейским нефтяным компаниям, в ответ на снижение Международным нефтяным картелем закупочных цен на нефть, по инициативе Венесуэлы — наиболее развитой из нефтедобывающих стран, при поддержке стран Ближнего Востока, также понимавших необходимость координации усилий против нефтяных монополий. Практически все нефтяные компании ОПЕК являются государственными или контролируются государством [17].

В рассматриваемый период Организация насчитывала 13 стран-членов: Алжир, Ангола, Венесуэла, Габон, Иран, Ирак, Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт, Катар, Ливия, Нигерия, Саудовская Аравия и Эквадор [16].

Штаб-квартира расположена в Вене (до сентября 1965 года находилась в Женеве). С 1 августа 2016 года генеральным секретарем стал Мохаммед Баркиндо (Нигерия), сменивший

занимавшего данную должность с 2007 года Абдаллу Салем аль-Бадри (Ливия).

Страны, входящие в объединения, обладают значительными запасами нефти (порядка 82 % мировых запасов), объем которых за последние 60 лет увеличился со 185 млн т до 136,4 млрд т. Страны — члены ОПЕК осуществляют около 40 % поставок нефти на мировой рынок [1, с. 110].

В соответствии с изменением спроса на рынке на конференциях ОПЕК принимаются решения об изменениях объема добычи нефти: так картель оказывает влияние на нефтяной рынок. С 2012 года Организация от утверждения размера квоты по странам перешла к контролю лишь за общим объемом добычи сырой нефти странами-членами (30 млн барр./сут.) [6].

Энергетические рынки характеризуются значительными колебаниями цен. Определенное воздействие на конъюнктуру рынков оказывает политическая и экономическая нестабильность в странах-нефтедобытчиках, которые ставят перед собой единственную цель: макси-

мально повысить темпы добычи и реализации нефти на мировом рынке. Снижение цен на нефть более чем на 50 % во второй половине 2014 года стало шестым обвалом за последние тридцать лет. В начале 2016 года цены на нефть упали ниже отметки 30 долл. за баррель [7, с. 22].

ОПЕК призвана стать платформой для выражения единой позиции стран-участниц на мировом рынке нефти, но реально влиять на конъюнктуру нефтяного рынка Организация смогла лишь после кризиса 1973 года. «Нефтяное эмбарго» изменило ситуацию. ОАПЕК (ОПЕК, Египет и Сирия) в ходе Войны Судного дня отказались снабжать нефтью государства, выразившие поддержку Израилю. Цена на нефть выросла с 3 до 12 долл. за баррель. В 1974 году эмбарго против США сняли, но произведенный эффект сгладить не удалось. Доходы от продажи нефти быстро росли: доходы Саудовской Аравии выросли с 4,35 млрд долл. до 36 млрд долл., Кувейта — с 1,7 млрд долл. до 9,2 млрд долл., Ирака — с 1,8 млрд долл. до 23,6 млрд долл. Политические события на Ближнем Востоке 1979—1980 гг. (революция в Иране, вторжение Ирака в Иран) спровоцировали очередной скачок цен на нефть более чем в два раза — с 14 долл. в 1979 году до 35 долл. в 1981 году [2, с. 74].

С 1981 года цена на нефть падала. За пределами стран ОПЕК были освоены новые нефтяные месторождения, внедрялись энергосберегающие технологии, вследствие чего спрос на импортную нефть в развитых странах сокращался, а цены упали почти вдвое. Слабость ОПЕК в этот период проявилась в полной мере: контроль нефтяных цен посредством регулирования объема добычи как инструмент политики ОПЕК натолкнулся на сопротивление развитых стран. США стремились внести разлад в лагерь нефтедобывающих государств, исключить возможность их совместных действий.

В 1986 году разногласия внутри ОПЕК и договоренности США и КСА о взаимовыгодных отношениях по поставкам нефти привели к резкому увеличению добычи нефти со стороны КСА и, как следствие, падению мировых цен, что, в свою очередь, способствовало нарастанию кризисных явлений в экономике (с ноября 1985 года по июль 1986 года цена на нефть упала более чем на 70 %) [12, с. 89].

Период с 1990 по 2000 год характеризуется резкими колебаниями цен на нефть (серьезные скачки наблюдались в 1990 и 1998 гг.), продолжением спорной ситуации вокруг роли ОПЕК на ми-

ровых рынках и ростом спроса на нефть со стороны развивающихся экономик, таких как Китай, Индия и Бразилия. Следует отметить, что 90-е годы характеризуются как период относительно низких цен на нефть. Период оказался сложным для многих стран, а для некоторых даже переломным: например, КСА к концу 90-х имела государственный долг в размере 100 % ВВП.

Первое десятилетие XXI века цена на нефть росла — с 25—30 долл. в начале века до цен, колеблющихся вокруг 100 долл. (с провалом в 2008—2009 гг.). Цена на нефть превращается в финансовую переменную, тесно связанную с курсом доллара. Производство, спрос и запасы нефти, политические шоки, действия ОПЕК становятся факторами второго порядка.

С января 2011 года по сентябрь 2014 года цена на нефть колебалась в максимальном для нефтяных цен коридоре в 100 и 120 долл. за баррель [2, с. 77].

Осенью 2014 года, как уже отмечалось, цены на нефть под влиянием ряда факторов резко пошли вниз. Сказалось как усиление доллара, так и некоторое разрешение ряда геополитических вопросов региона Ближнего Востока. Влияние оказало и изменение стратегии некоторых стран ОПЕК: главным стало наращивание объемов поставок.

Стратегия Организации кардинально изменилась под давлением лидеров КСА и стран Персидского залива в ноябре 2014 года. В целях сохранения за собой доли мирового рынка, поступившись задачей стабилизации уровня цен, в ОПЕК посчитали необходимым повысить квоту, чтобы низкими ценами выдавить с рынка производителей тяжелой и сланцевой нефти. Данное решение показало, что картель не был намерен уступать свои доли рынка конкурентам.

Следует учитывать, что страны — члены ОПЕК не однородны по численности населения, размеру территории, показателям социально-экономического развития, роли и значимости нефтегазового сектора в экономике, технологического уровня его развития. Среди стран ОПЕК ни одной не удалось достичь уровня развитых стран. Три арабские державы — Саудовская Аравия, ОАЭ и Кувейт являются богатыми, но назвать их развитыми нельзя. Ливию, Венесуэлу и Иран можно назвать среднеразвитыми. Ирак и Нигерия по мировым стандартам относятся к не просто бедным, а очень бедным. Страны — участники картеля являются взаимозависимыми от политики друг друга.

Ряд государств эксплуатирует свои природные ресурсы достаточно эффективно. К таковым

можно отнести Кувейт и ОАЭ. Зависимость этих стран от доходов нефтяной промышленности незначительна, вследствие чего они могут добывать нефть, ориентируясь на требования рынка. Ирак, Иран и еще ряд государств не могут себе этого позволить, так как их ВВП напрямую зависит от нефтедобывающей промышленности [13, с. 91]. Очевидно, что по странам Персидского залива падение цен ударило не так сильно, как по Ираку, Нигерии и др., у которых отсутствовали заметные финансовые резервы для стабилизации экономики.

В ситуации снижения мировых цен в 2014 году ряд стран ОПЕК выступали за снижение квот с целью стабилизации рынка, однако КСА не поддержала этого. Сокращение квот является нежелательным как для КСА, так и для других арабских стран, поддерживающих высокий уровень социальных расходов именно за счет экспорта нефти [4, с. 29].

В целом в рамках картеля нарушение квот с расчетом выиграть в быстро меняющейся ситуации на рынках — явление нередкое, что лишь дестабилизирует ОПЕК и отрицательно сказывается на ее эффективности.

Главной проблемой большинства государств системы ОПЕК в последние годы является нестабильная политическая обстановка, что оказывает заметное влияние на регулирование мирового рынка нефти и деятельность ОПЕК.

Нефтяной кризис способствовал фактическому расколу организации на два лагеря, отличающихся противоположным видением ситуации на рынках нефти. В радикальный лагерь вошли Ирак, Иран, Ливия, Алжир, Венесуэла, то есть политические режимы, критически зависимые от валютных нефтяных поступлений. Этим странам выгодно держать цены на нефть максимально высокими [3]. Остальные члены ОПЕК образуют умеренный лагерь с умеренной политикой.

Таким образом, мы можем говорить о наличии явного противоречия между интересами отдельных стран, как сильных, так и слабых, и между политикой, проводимой Организацией в целом.

Следует учитывать, что политика ОПЕК определяется и реализуется главным образом Саудовской Аравией (крупнейший и наиболее важный член ОПЕК: доля по добыче нефти составляет более 31 %) [9, с. 238]. Возможности Эквадора, Анголы, Нигерии, Алжира и даже Венесуэлы повлиять на позицию стран Персидского залива минимальны. Ирак, в расчете на укрепление позиций на рынке, намеревался совме-

стно с Ираном также повысить добычу нефти и вместе выступить против Саудовской Аравии. В целом текущая ситуация не устраивала никого. Вследствие низких цен на нефть повсеместно наблюдался рост дефицита бюджета (даже у КСА — порядка 15 % ВВП), что грозило в перспективе нарастанием экономических и социальных проблем.

В целом решение КСА, а следовательно, и всей ОПЕК об отказе от сокращения добычи вызвало сильное недовольство. Точка зрения ряда аналитиков, утверждающих, что КСА и Америка сговорились о значимом снижении мировых цен на нефть в целях финансовой дестабилизации России, а также ее партнеров — Ирана и Венесуэлы имеет право на существование [11, с. 159].

Отношения между КСА и Ираном (двумя крупнейшими нефтедобытчиками) остаются достаточно сложными. Имеющиеся между странами противоречия остро проявляются в ходе сирийского кризиса.

Следует отметить, что из-за санкций Иран не может полновесно соперничать с КСА. В 2015 году в Королевстве добывалось 9,7 млн баррелей нефти, в Иране — в три раза меньше. Иран нацелен на наращивание доли нефтедобычи в рамках ОПЕК, что стало возможным после отмены ряда санкций. КСА ставит Ирану в вину, кроме очевидного экономического интереса, также и желание укрепить военную мощь [8, с. 74]. Как инструмент противодействия Ирану, КСА активно использует созданный в 1981 году ССАГПЗ. Отметим, что вследствие изоляции Ирана произошло перераспределение рынка экспорта нефти стран — участниц Организации.

В целом прибыль стран ОПЕК в 2015 году оценивалась как самая низкая с периода 2004 года. Вызванная этим нехватка бюджета усугубила социально-политическую ситуацию в регионе Ближнего Востока [5, с. 13], что заставило Организацию изменить стратегию поведения на мировом энергетическом рынке.

В ноябре 2016 года страны договорились сократить добычу до 32,5 млн барр./сут. Снизить объемы добычи согласились и 11 стран вне ОПЕК, в том числе и Россия [14, с. 49]. Принятые меры положительно сказались на росте цен на нефть: до 54—57 долл. за баррель в январе-феврале 2017 года [15, с. 66]. Мировой рынок нефти начал стабилизироваться, и не последнюю роль в этом сыграла ОПЕК.

Деятельность ОПЕК оценивается неоднозначно. Одни считают, что влияние Организации на мировую экономику носит отрицательный характер, так как ОПЕК способствует воз-

никновению кризисов, инфляции и в целом стремится монополизировать рынок нефти.

Противники данной позиции, учитывая негативные элементы функционирования Организации, полагают, что сегодня ОПЕК — это сила, способная спасти рынок нефти от хаоса, и потому она остается единственной востребованной организацией на мировом рынке нефти [10, с. 24].

Подводя итоги, нужно отметить, что создание ОПЕК стало важным историческим событием. Сегодня ОПЕК выступает как один из влиятельных транснациональных игроков на мировой арене. От взвешенности его ценовой политики зависит как внутреннее благополучие

стран-членов, так и стабильность и устойчивость глобальной экономики.

Внутриорганизационному единству мешают экономическая разнородность государств, неодинаковая роль и значимость нефтегазового сектора в экономике, различия технологического уровня его развития. Не отличается однородностью и политическая обстановка в странах региона. Заметное негативное влияние оказывают внешнеполитические факторы.

В целом ряд экспертов склонны считать, что функции регулятора рынка нефти постепенно переходят от ОПЕК и КСА к производителям сланцевой нефти в США.

Литература

1. Аль-Халиди Хайдер Ибрагим Хассун. Международный статус Ирака в системе ОПЕК / Аль-Халиди Хайдер Ибрагим Хассун // Наука и бизнес: пути развития. — 2014. — № 4. — С. 110—115.
2. Голованова А. Е. Динамика цен на нефть в 1970—2015 гг. Анализ факторов, определяющих резкие колебания цен / А. Е. Голованова, Д. В. Захаров // Проблемы экономики, финансов и управления производством : сб. науч. тр. вузов России. — 2015. — № 36. — С. 73—79.
3. Колдеева Е. В. Субсидиарность как одна из причин внутренних противоречий международных экономических организаций / Е. В. Колдеева // Экономический вестник Ярославского университета. — 2015. — № 1. — С. 26—29.
4. Мировой рынок нефти: от «ручного управления» к «невидимой руке». VYGON Consulting. Март 2015 г. — 49 с. — URL: http://vygon.consulting/upload/iblock/cd0/vygon_consulting_oilprices.pdf.
5. Мировые рынки нефти и природного газа: ужесточение конкуренции / отв. ред. С. В. Жуков. — М. : ИМЭО РАН, 2017. — 192 с.
6. ОПЕК установила новую квоту на добычу нефти на уровне 30 млн баррелей в день. 14 декабря 2011 г. — URL: <http://gfaclaims.com/ekonomika/29230-opek-ustanovila-novuyu-kvotu-na-dobychu-nefti-na-urovne-30-mln-barreley-v-den.html>.
7. Плющунова А. С. Анализ конкурентоспособности стран — экспортеров нефти в условиях рекордно низких цен на «черное золото» / А. С. Плющунова // ЦИТИСЭ. — 2016. — № 2. — 24 с.
8. Фролов А. В. Фактор саудовско-иранских противоречий на Ближнем Востоке (статья 1) / А. В. Фролов // Пути к миру и безопасности. — 2016. — № 1. — С. 70—82.
9. Хайрутдинов И. А. Сравнительный анализ нефтяных отраслей России, ОПЕК и США / И. А. Хайрутдинов, О. И. Шалина // Бюл. науки и практики. — 2016. — № 12. — С. 238—241.
10. Ханнанова А. И. Роль ОПЕК в регулировании мирового рынка нефти / А. И. Ханнанова, Г. З. Низамова // Актуальные вопросы экономических наук. — 2013. — № 35. — С. 24—28.
11. Хлопов О. А. Причины и последствия снижения цены на нефть: интересы США и Саудовской Аравии / О. А. Хлопов // Власть. — 2015. — № 3. — С. 156—160.
12. Худойнатов Ж. Ж. Геополитические факторы развития рынка нефти / Ж. Ж. Худойнатов // Вопросы новой экономики. — 2014. — № 4. — С. 87—91.
13. Шабалина Л. В. Оценка влияния ОПЕК на мировую экономику / Л. В. Шабалина, А. С. Зиневич // Экономический вестник Донбасса. — 2013. — № 3. — С. 89—92.
14. Шуйский В. П. Новые тенденции в международной торговле товарами в посткризисные годы / В. П. Шуйский // Российский внешнеэкономический вестн. — 2015. — № 9. — С. 40—55.
15. Ярынкина Е. А. Особенности мирового рынка нефти на современном этапе / Е. А. Ярынкина, А. А. Александров // Вестн. Ульяновского гос. технич. ун-та. — 2017. — № 2. — С. 66—68.
16. Member Countries. Organization of the Petroleum Exporting Countries. "This means that, currently, the Organization has a total of 14 Member Countries". — URL: http://www.opec.org/opec_web/en/about_us/25.htm.
17. OPEC Statute. Organization of the Petroleum Exporting Countries (2012). — URL: http://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/OPEC_Statute.pdf.

OPEC EVOLUTION IN THE PERIOD OF OIL CRISIS 2014—2016. FEATURES OF INTRAREGIONAL INTERACTION

A. V. Fedulova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

zelenaya40@rambler.ru

The Organization of Petroleum Exporting Countries (OPEC) is an international intergovernmental organization established by oil-producing countries to coordinate activities and develop common policies for oil production among the participating countries. It maintains stable oil prices, ensures supply to consumers, and obtains a return on investment in the oil industry. It was formed at the international conference on September 10—14, 1960 in Baghdad (Iraq) as an organization that could withstand American and European oil companies. Virtually all OPEC oil companies are state owned or state controlled. Today, the role of OPEC in the global oil market causes many questions because of objective circumstances. There are opinions that the Organization has lost control over the energy market. Considerable interest causes the existence of the cartel in the complex geopolitical realities of the Middle East, in the situation of the Organization's practical split during the 2014—2016 oil crisis in two opposite camps in terms of assessing the situation with quotas and oil prices and ways out of it. The main problem of the majority of the OPEC system in recent years has been an unstable political situation, which has a significant impact on the regulation of the world oil market and the activities of OPEC.

Key words: OPEC, oil crisis, globalization, international security, international intergovernmental organizations, geopolitical realities, energy resources, indicators of socio-economic development, cartel, violation of quotas.

References

1. Al-Khalidi Hader Ibragim Hassun (2014) Mezhdunarodnyy status Iraka v sisteme OPEC [Iraq's International Status in the OPEC System]. *Nauka i biznes: Puti razvitiya*, (4), p. 110—115.
2. Golovanova A. E., Zakharov D. V. (2015) Dinamika tsen na neft v 1970-2015. Analiz faktorov, opredelyayushchih rezhie kolebaniya tsen [Dynamics of oil prices in 1970-2015. Analysis of factors determining sharp price fluctuations]. Collection of scientific works of Russian universities "Problems of economics, finance and production management", (36), p. 73—79.
3. Koldeeva E. V. (2015) Subsidiarnost kak odna iz prichin vnutrennih mezhdunarodnykh ekonomicheskikh organizatsiy [Subsidiarity as one of the causes of internal contradictions of international economic organizations]. *Ekonomicheskii vestnik Yaroslavl'skogo universiteta*, (1), p. 26—29.
4. Mirovoy rynek nefti: ot ruchnogo upravleniya k nevidimoy ruke. VYGON Consulting. Mart 2015 [World oil market: from "manual guidance" to "invisible hand". VYGON Consulting. March 2015]. 49 p. URL: http://vygon.consulting/upload/iblock/cd0/vygon_consulting_oilprices.pdf.
5. Zhukov S. V. (2017) Mirovye rynki nefti i prirodnogo gaza: uzhestochenie konkurentsii [World oil and natural gas markets: intensification of competition]. Moscow: IMEIO RAN, 192 p.
6. OPEC ustanovila novuyu kvotu na dobychu nefti na urovne 30 mln barreley v den. 14 dekabrya 2011 g. [OPEC has established a new quota for oil production at the level of 30 million barrels per day. December 14, 2011]. URL: <http://gfaclaims.com/ekonomika/29230-opek-ustanovila-novuyu-kvotu-na-dobychu-nefti-na-urovne-30-mln-barreley-v-den.html>.
7. Plyshunova A. S. (2016) Analiz konkurentosposobnosti stran — eksporterov nefti v usloviyah rekordno nizkih tsen na "chernoe zoloto" [Analysis of the competitiveness of countries-exporters of oil in terms of record low prices for "black gold"]. *TSITIS*, (2), 24 p.
8. Frolov A. V. (2016) Faktor saudovsko-iranskikh protivorechiy na Blizhnem Vostoke [The Saudi-Iranian Conflict Factor in the Middle East (Article 1)]. *Puti k miru i bezopasnosti*, (1), p. 70—82.
9. Khairutdinov I. A., Shalina O. I. (2016) Sravnitelnyy analiz neftyanykh otrasley Rossii, OPEC i SShA [Comparative analysis of the oil industries of Russia, OPEC and the USA]. *Bulleten nauki i praktiki*, (12), p. 238—241.
10. Khannanova A. I., Nizamova G. Z. (2013) Rol OPEC v regulirovanii mirovogo rynka nefti [The role of OPEC in the regulation of the world oil market]. *Aktualnye voprosy ekonomicheskikh nauk*, (35), p. 24—28.
11. Khlopov O. A. (2014) Prichiny i posledstviya snizheniya tseny na neft: interesy SShA i Saudovskoy Aravii [Causes and consequences of lower oil prices: the interests of the United States and Saudi Arabia]. *Vlast*, (3), p. 156—160.
12. Hudoynatov Zh. Zh. (2014) Geopoliticheskie faktory razvitiya rynka nefti [Geopolitical factors of oil market development]. *Voprosy novoy ekonomiki*, (4), p. 87—91.
13. Shabalina L. V., Zinevich A. S. (2013) Otsenka vliyaniya OPEC na mirovuyu ekonomiku [Evaluation of the impact of OPEC on the world economy]. *Ekonomicheskii vestnik Donbassa*, (3), p. 89—92.
14. Shuisky V. P. (2015) Novye tendentsii v mezhdunarodnoy torgovle tovarami v postkrizisnye gody [New trends in international trade in goods in the post-crisis years]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik*, (9), p. 40—55.
15. Yarynkina E. A., Aleksandrov A. A. (2017) Osobennosti mirovogo rynka nefti na sovremennom etape [Peculiarities of world oil market at the present time]. *Vestnik Ulyanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, (2), p. 66—68.
16. Member Countries. Organization of the Petroleum Exporting Countries. "This means that, currently, the Organization has a total of 14 Member Countries". URL: http://www.opec.org/opec_web/en/about_us/25.htm.
17. OPEC Statute. Organization of the Petroleum Exporting Countries (2012). URL: http://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/OPEC_Statute.pdf.

ИНФОРМАЦИЯ

НАШИ АВТОРЫ

Булынин Александр Михайлович — доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности; Ульяновский государственный университет; abulinin@mail.ru; тел. 8-927-631-64-01.

Волкова Анна Юрьевна — студентка; Ульяновский государственный университет; annavolkova.98@mail.ru; тел. 8-902-003-28-89.

Ефимова Ольга Ильинична — кандидат психологических наук, в. н. с.; ФГБНУ «Центр защиты прав и интересов детей» (г. Москва); efimovao@mail.ru; тел. 8(499)973-55-86.

Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; kente@mail.ru; тел. 8-927-634-21-41.

Калинина Наталья Валентиновна — доктор психологических наук, профессор; Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) (г. Москва); kalinata66@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Кузьмина (Старкова) Елена Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и культурологии; Ульяновский государственный университет; lenastar@mail.ru; тел. 8-927-272-44-98.

Курушина Дарья Евгеньевна — студентка; Ульяновский государственный университет; kurushina.darya@bk.ru; тел. 8-937-277-42-72.

Мартыненко Алла Валентиновна — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии; Ульяновский государственный университет; avalmart@list.ru; тел. 8-908-470-74-76.

Bulynin Aleksandr Mikhailovich — Doctor of Education, professor; Chair of Pedagogics of Vocational Education and Social Activities; Ulyanovsk State University; abulinin@mail.ru; tel. 8-927-631-64-01.

Volkova Anna Yurjevna — student; Ulyanovsk State University; annavolkova.98@mail.ru; tel. 8-902-003-28-89.

Efimova Olga Iljinichna — Candidate of Psychology; Center for the Protection of Rights and Interests of Children (Moscow); efimovao@mail.ru; tel. 8(499)973-55-86.

Kalenik Elena Nikolaevna — Candidate of Pedagogics, associate professor; Ulyanovsk State University; kente@mail.ru; tel. 8-927-634-21-41.

Kalinina Natalya Valentinovna — Doctor of Psychology, professor; Russian State University named after A. N. Kosygin (Technologies. Design. Art) (Moscow); kalinata66@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Kuzmina (Starkova) Elena Vladimirovna — Candidate of Sociology, associate professor; Chair of Advertising, Public Relations and Culturology; Ulyanovsk State University; lenastar@mail.ru; tel. 8-927-272-44-98.

Kurushina Darja Evgenjevna — student; Ulyanovsk State University; kurushina.darya@bk.ru; tel. 8-937-277-42-72.

Martynenko Alla Valentinovna — Candidate of Culturology, associate professor; Chair of Culturology; Ulyanovsk State University; avalmart@list.ru; tel. 8-908-470-74-76.

Медведев Евгений Валентинович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса; Ульяновский государственный университет; адвокат Ульяновской областной коллегии адвокатов; oxymoron@rambler.ru; тел. 8-927-814-53-00.

Митина Ирина Дмитриевна — доктор педагогических наук, профессор; Ульяновский государственный университет; snm7151@gmail.com; тел. 8-927-809-7-809.

Михайлина Ирина Александровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности; Ульяновский государственный университет; ped@sv.uven.ru; тел. 8-903-339-57-67.

Ощепков Алексей Александрович — кандидат психологических наук, доцент кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук; Димитровградский инженерно-технологический институт — филиал Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт»; sladkod@yandex.ru; тел. 8-903-339-41-89.

Панферов Владимир Павлович — главный бухгалтер; ООО «Газпром межрегионгаз Уфа» (г. Уфа); panferov@progtb.ru; тел. 8-919-14-999-77.

Пискунова Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук; Димитровградский инженерно-технологический институт — филиал Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт»; piskunova-elena22@yandex.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Ракитина Любовь Николаевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса; Ульяновский государственный университет; lar73@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Романова Анна Валерьевна — кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры финансов и кредита; Ульяновский государственный университет; a_romanova@bk.ru; тел. 8-927-271-07-08.

Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; старший научный сотрудник; ФГБНУ «Центр защиты прав и интересов детей» (г. Москва); Valentina_nauka@mail.ru; тел. 8-985-221-40-51.

Сидакowa Алена Александровна — аспирантка кафедры уголовного права и процесса юридического факультета; Ульяновский государственный университет; alena-84-05@mail.ru; тел. 8-908-474-28-30.

Medvedev Evgeniy Valentinovich — Candidate of Juridical Sciences, associate professor; Head of the Chair of Criminal Law and Process; Ulyanovsk State University; lawyer of Ulyanovsk Regional Bar Council; oxymoron@rambler.ru; tel. 8-927-814-53-00.

Mitina Irina Dmitrievna — Doctor of Education, Professor; Ulyanovsk State University; snm7151@gmail.com; tel. 8-927-809-7-809.

Mikhailina Irina Aleksandrovna — Candidate of Pedagogics, associate professor, Chair of Pedagogics of Vocational Education and Social Activities; Ulyanovsk State University; ped@sv.uven.ru; tel. 8-903-339-57-67.

Oshchepkov Aleksey Aleksandrovich — Candidate of Psychology, associate professor; Chair of Philosophy, Law and Social Sciences; Dimitrovgrad Engineering Institute of Technology (the branch of the National Nuclear Research University "Moscow Engineering Physics Institute"); sladkod@yandex.ru; tel. 8-903-339-41-89.

Panferov Vladimir Pavlovich — Senior accountant; LLC "Gazprom mezhregiongaz Ufa" (Ufa); panferov@progtb.ru; tel. 8-919-14-999-77.

Piskunova Elena Nikolaevna — Candidate of Pedagogics, associate professor; Chair of Philosophy, Law and Social Sciences; Dimitrovgrad Engineering Institute of Technology (the branch of the National Nuclear Research University "Moscow Engineering Physics Institute"); piskunova-elena22@yandex.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Rakitina Lyubov Nikolaevna — Candidate of Juridical Sciences, associate professor; Chair of Civil Law and Proceedings; Ulyanovsk State University; lar73@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Romanova Anna Valeryevna — Candidate of Economics; associate professor; Chair of Finance and Credit; Ulyanovsk State University; a_romanova@bk.ru; tel. 8-927-271-07-08.

Salakhova Valentina Borisovna — Candidate of Psychology, senior professor; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; senior research associate, "Children Safeguarding Centre" (Moscow); Valentina_nauka@mail.ru; tel. 8-985-221-40-51.

Sidakova Alena Aleksandrovna — postgraduate; Chair of Criminal Law and Process; Law Faculty; Ulyanovsk State University; alena-84-05@mail.ru; tel. 8-908-474-28-30.

Солодовникова Ксения Дмитриевна — студентка направления подготовки «Туризм»; Ульяновский государственный университет; solodovnikova.xenya@yandex.ru; тел. 8-962-635-65-34.

Урунова Раиса Джавхаровна — доктор филологических наук, доцент; Казанский федеральный университет (г. Казань); urunova_rd@rambler.ru; тел. 8-904-670-93-57.

Федулова Анна Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, регионоведения и международных отношений; Ульяновский государственный университет; zelenaya40@rambler.ru; тел. 8-908-478-20-79.

Solodovnikova Kseniya Dmitrievna — student; specialty "Tourism"; Ulyanovsk State University; solodovnikova.xenya@yandex.ru; tel. 8-962-635-65-34.

Urunova Raisa Dzhavharovna — Doctor of Philology, associate professor; Kazan Federal University (Kazan); urunova_rd@rambler.ru; tel. 8-904-670-93-57.

Fedulova Anna Vladimirovna — Candidate of History, associate professor; Chair of National History, Regional Studies and Foreign Relations; Ulyanovsk State University; zelenaya40@rambler.ru; tel. 8-908-478-20-79.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
И ОФОРМЛЕНИЯ
РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ АВТОРАМИ
ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ
«СИБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК»**

К печати принимаются материалы, отвечающие профилю журнала, не публиковавшиеся ранее в других отраслевых изданиях.

Объем статьи (включая сноски, таблицы, рисунки) не должен превышать **25 000 знаков** (с пробелами). Статья должна быть набрана **в формате Microsoft Word, 12 кеглем, 1,5 интервалом; стиль Times New Roman. Поля:** верхнее, нижнее, левое — **2 см**, правое — **1 см**. Выделения в тексте возможны только полужирным шрифтом и(или) курсивом. Иные стили шрифта и выделения не допускаются.

В начале каждой статьи указываются **данные об авторе (авторах):**

- Ф.И.О. (полностью);
- ученая степень или звание (если есть);
- должность и место работы (без сокращений, с указанием города, страны);
- контактная информация (телефон, e-mail каждого автора, почтовый адрес).

Далее следует:

- название статьи;
- инициалы и фамилия автора (авторов), ученая степень, должность, место работы, город, страна, e-mail (который будет указан в публикации);
- аннотация (150—200 слов (без предлогов и союзов));
- ключевые слова (5—7 слов);
- ТЕКСТ СТАТЬИ;
- список литературы (не менее 10 и не более 20 наименований), выстроенный в алфавитном порядке, где вначале приводятся источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных языках.

После этого приводится **на английском языке:**

- название статьи;
- имя, первая буква отчества и фамилия автора (авторов);
- место работы (с указанием города, страны);

- Abstract — аннотация;
- Key words — список ключевых слов;
- References — список литературы.

При необходимости указать, в рамках какого гранта (проекта и т. д.) подготовлена статья. Эту информацию следует размещать ниже, под названием статьи. Также она размещается и в англоязычной части — в конце статьи.

Цитирование в статье должно сопровождаться ссылками **в квадратных скобках** на источники из списка литературы в конце статьи. **В постраничных сносках** просьба указывать только необходимую уточняющую информацию.

Если приводятся **таблицы, схемы, рисунки**, они должны быть пронумерованы и подписаны, а в тексте обязательны ссылки на них.

Все диаграммы, схемы, графики и другой иллюстративный материал должны быть представлены **в черно-белом варианте**.

Статьи в журнале сопровождаются **фотографией автора (авторов):** крупным планом, в формате jpg или png, с разрешением не менее 300 dpi, которая отправляется отдельным файлом (не более 2 Мб).

Название файла со статьей должно содержать фамилию автора (либо фамилии соавторов через запятую) в именительном падеже и первые два-три слова из названия статьи.

Файл с фотографией должен быть назван по фамилии автора в именительном падеже.

Статьи авторов, не имеющих научную степень, сопровождаются рецензией доктора/кандидата наук в соответствующей области знания.

Материалы принимаются на электронный адрес журнала:

SNV@mail.ru, Valentina_nauka@mail.ru.

По вопросам участия в издании журнала и его приобретения обращаться:

контактный телефон: 8(985)555-96-99.

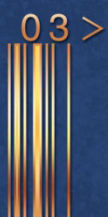

ISSN 2224-1620

9

772224 162192

03 >